E $\frac{50}{9}$

Е 50
9

КАПИТОЛІЙ,

или

СОБРАНІЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЙ

ВЕЛИКИХЪ МУЖЕЙ

СЪ ИХЪ ПОРТРЕТАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Маія 28-го дня 1841.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

Въ типографіи Н. Греча.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жизнеописанія великихъ или знаменитыхъ мужей — суть практическіе уроки для человѣчества. Изъ жизни великаго или знаменитаго мужа мы должны поучаться труду, терпѣнью и почерпать мужество для перенесенія опасностей, клеветы и людской злобы, которыми всегда усѣяно поприще человѣка, возносящагося надъ толпою качествами ума и души. Въ Общей Исторіи жизнеописанія или біографіи тѣмъ полезны, что объясняютъ ходъ дѣлъ и обнаруживаютъ, иногда, тайныя пружины событій, представляя, въ то же время, вѣрную картину нравовъ и обычаевъ исторической эпохи, въ которую жили и дѣйствовали мужи, изображаемые въ жизнеописаніи.

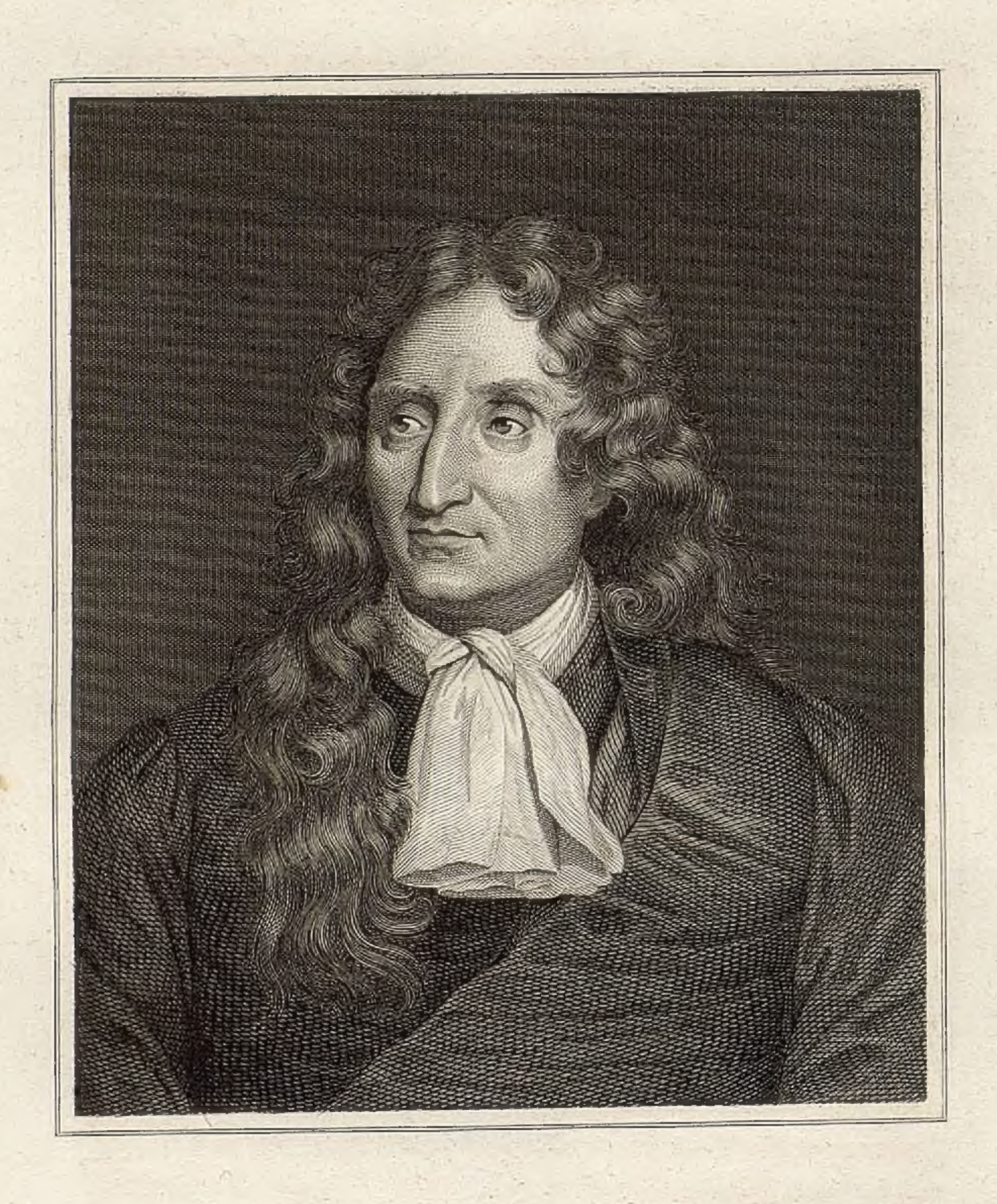
Проникнутый пользою подобныхъ сочиненій Иванъ Ивановичъ Делакроа, которому Русская

Литература обязана столь многими отличными изданіями, вознамѣрился подарить Русскую публику собраніемъ жизнеописаній знаменитыхъ мужей, съ ихъ портретами, и пригласилъ меня содѣйствовать сему благому предпріятію. Я согласился; но въ этомъ томѣ не могъ участвовать моими трудами. Всѣ представляемыя здѣсь біографіи составлены самимъ И. И. Делакроа, кромѣ біографіи безсмертнаго Суворова, написанной знатокомъ Русской Исторіи Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ. Если эта книга будетъ благосклонно принята публикою, то мы вознамѣрились издать другую и третью книгу, помѣщая въ нихъ исключительно жизнеописанія Русскихъ великихъ и знаменитыхъ мужей, съ ихъ портретами. Тогда и я буду участвовать моими трудами, пригласивъ къ содѣйствію извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Почитаю лишнимъ рекомендовать книгу въ предисловіи: она сама говоритъ за себя, и въ пользѣ ея невозможно сомнѣваться.

Ѳ. Булгаринъ.

ЛАФОНТЕНЪ.

ЛА ФОНТЕНЪ.

Собственность Изд. Пантеона

ЛАФОНТЕНЪ.

═

Жанъ де Лафонтенъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Французскихъ баснописцевъ, и по чрезвычайному добродушію своему прозванный le bon homme, родился въ Шато-Тіерри, что въ Шампани, 8 Іюля 1621 года. Въ юности, кромѣ Латинскаго языка, онъ ничему другому не обучался. На 19-мъ году онъ поступилъ было въ конгрегацію Ораторіума, но, по прошествіи 18 мѣсяцевъ, оставилъ этотъ орденъ. Уже минуло ему 22 года, а онъ все еще не догадывался о природномъ дарованіи своемъ. Искра поэзіи загорѣлась въ немъ внезапно, при чтеніи одной изъ одъ Мальгербовыхъ. Онъ тотчасъ принялся за сочиненія его, и выучилъ всѣ его стихотворенія наизустъ; началъ заниматься твореніями Французскихъ поэтовъ, изучилъ Римскихъ, обратился къ Греческимъ переводамъ, и познакомился наконецъ съ Италіянскою Литературою. Отецъ его радовался такими занятіями сына, но, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ и о будущемъ его

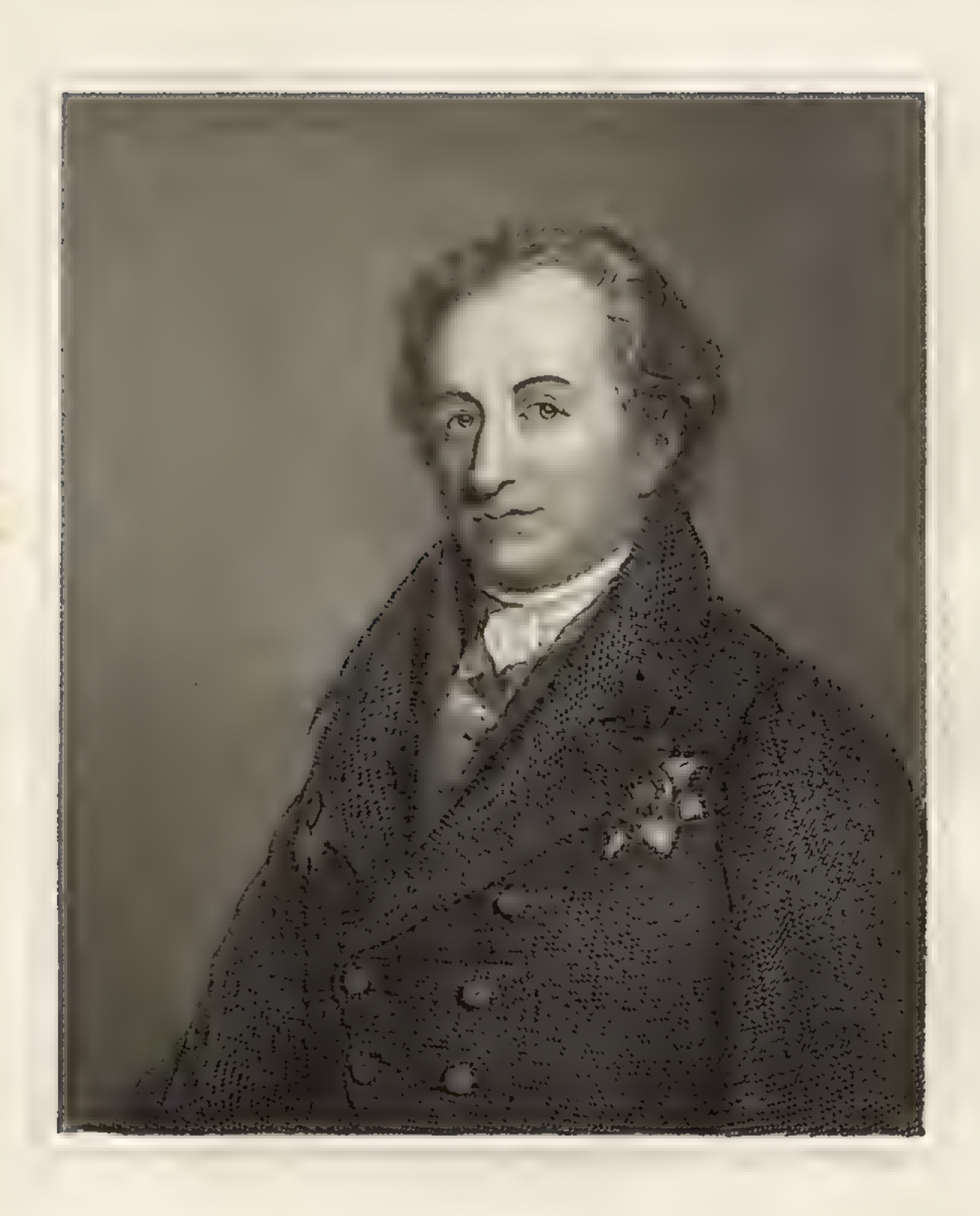
положеніи въ обществѣ, уступилъ ему собственную свою форштмейстерскую должность (maître des eaux et forêts) и женилъ его. Лафонтенъ показалъ себя весьма плохимъ чиновникомъ и равнодушнѣйшимъ супругомъ, ибо характеръ его состоялъ изъ странной смѣси добродушія и легкомыслія, безпечности, разсѣянности, неспособности къ дѣламъ и необыкновеннѣйшей простоты, соединенной впрочемъ съ большимъ умомъ. Наконецъ покинулъ онъ и должность и жену свою, и, по совѣту Дюшессы де Бульонъ, впавшей въ немилость и находившейся тогда въ Шато-Тіерри, отправился въ Парижъ, откуда ежегодно пріѣзжалъ домой, единственно для продажи помѣстьевъ своихъ, одного послѣ другаго. Въ Парижѣ скоро пріобрѣлъ онъ покровителей, которые, полюбивъ его, какъ добродушнѣйшаго человѣка, пеклись о немъ и лелѣяли его въ продолженіе всей его жизни, какъ малолѣтнаго ребенка. Онъ жилъ въ лучшихъ сношеніяхъ не только со многими вельможами, но и съ Расиномъ, Моліеромъ и Буало, которые, при всей къ нему любви и уваженію къ его дарованіямъ, не рѣдко издѣвались надъ его простодушіемъ и разсѣянностію. Интендантъ Фуке (Fouquet), доброжелательствовалъ ему болѣе всѣхъ прочихъ покровителей, и испросилъ ему у Короля пенсію. Когда же Фуке впалъ въ немилость, Лафонтенъ показалъ все благородство своего характера, публично изъявивъ этому достойному мужу всю мѣру своей любви и глубокаго почтенія, и вручивъ Королю прошеніе, которымъ, въ умилительныхъ и трогательныхъ стихахъ, просилъ о помилованіи его благодѣтеля. Но Фуке долженъ былъ выѣхать изъ Парижа, и тогда Генріетта, Принцесса Англіи, великій Конде

Конти, Вандомъ и м. д. сочли обязанностію своею принять Лафонтена въ особое свое покровительство; но, не взирая на всѣ щедроты ихъ, онъ нерѣдко ввергался, по простодушію и довѣрчивости своей, въ самыя стѣснительныя обстоятельства, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не познакомился съ Г-жею де Сабліеръ, принявшею его въ домъ свой, и дававшею ему всѣ потребности. Мнѣніе ея о немъ выражается однимъ изъ острыхъ словъ, произнесенныхъ ею о трехъ любимыхъ домашнихъ животныхъ своихъ: собакѣ, кошкѣ и Лафонтенѣ. По смерти Г-жи де Сабліеръ, Лафонтена взялъ въ домъ свой Г. Герваръ (Hervart). Не прежде какъ въ 1684 году, онъ принятъ былъ въ члены Академіи. Въ 1692 онъ началъ изнемогать, и тогда Аббатъ Пуже (Pouget) началъ увѣщевать его о душеспасеніи. Но Лафонтенъ, во всю жизнь свою, не творилъ ни добра, ни грѣховъ, и даже при сочиненіи соблазнительныхъ своихъ сказокъ, едва ли догадывался о вредности ихъ. Не менѣе того онъ повѣрилъ духовному отцу, счелъ себя большимъ грѣшникомъ, и началъ усердно заниматься спасеніемъ души своей. Онъ умеръ 13 Апрѣля 1695 года. Важнѣйшія сочиненія Лафонтена суть его сказки и басни. О внутренней сущности поэзіи онъ столь же мало имѣлъ понятія, какъ и современники его: подобно имъ, она казалась ему одною внѣшностію, одною формою; наравнѣ съ ними, и онъ полагалъ, что важнѣйшая обязанность стихотворца состоитъ въ поэтическомъ изложеніи благоразумныхъ или занимательныхъ идей, а потому и онъ лишился бы, предъ судомъ усовершенствованной эстетики, большей части чрезвычайной славы своей, не взирая на рѣдкое соединеніе великихъ

достоинствъ, коими исполнены его сочиненія, если бъ въ родѣ этихъ сочиненій, которыми онъ прославился, и которыя признаны всѣмъ свѣтомъ образцовыми, форма не была самою ихъ сущностью. Достоинство Лафонтена состоитъ не въ поэтическомъ созерцаніи міра и не въ изобрѣтеніи, ибо басни свои почерпнулъ онъ изъ древнихъ авторовъ, а сказки изъ Италіянскихъ новеллъ и изъ старофранцузскихъ разсказовъ (fabliaux), но въ *изложеніи*, истинно мастерскомъ, неподражаемомъ. Онъ усвоилъ себѣ рѣчь пластической натуральности, увлекательной живописи и истины, которыя могли быть выражены одною только скромною, дѣтскою простотою, и тою чувственною наивностію, коими проникнута была вся индивидуальность его. Онъ шутилъ тонко, остроумно и тѣмъ слогомъ, который, при всѣхъ архаисмахъ простосердечныхъ Среднихъ Вѣковъ, умѣлъ онъ такъ удачно украсить всею прелестью и правильностію современнаго языка, что всѣ сочиненія его дышатъ обворожительною легкостію, вкусомъ, образцовою простотою и благозвучіемъ. Сказки его отличаются геніяльною тонкостію, но выходятъ изъ предѣловъ дозволенной замысловатости и игривыхъ шутокъ. Прочія сочиненія Лафонтена не заслуживаютъ большаго вниманія. Однажды представляли на театрѣ при немъ одну изъ его оперъ; онъ безпрестанно зѣвалъ, и вышедъ наконецъ изъ театра, сказалъ встрѣтившемуся своему пріятелю: «Я право не могу надивиться терпѣнію Парижанъ и снисхожденію ихъ ко мнѣ.» — Первыя шесть книгъ Басенъ его напечатаны въ 1668 году; слѣдующія пять въ 1678, а послѣдняя, двѣнадцатая, въ 1694 году. Лучшее изъ многочисленныхъ позднѣйшихъ изданій Лафонтена то, ко-

торое напечатано съ прибавленіемъ грамматическаго коментарія Нодье (2 части третье изданіе 1828). Басни его переведены на всѣ Европейскіе языки. Его Сказки вышли въ свѣтъ въ 1665 году, а лучшее изданіе его Oeuvres complètes, accompagnées d'une histoire de la vie et des ouvrages de L. съ 147-ю гравюрами, напечатано Валкнеромъ (18 томовъ въ Парижѣ 1819-20); новое же изданіе въ 6-ти частяхъ, въ Парижѣ 1822-23.

FÊTE.

ГЁТЕ.

Іоаннъ Вольфгангъ фонъ Гёте, родился 28-го Августа 1749 года во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ отецъ его, докторъ Правъ и императорскій совѣтникъ, хотя и не занималъ ни какой публичной должности, но пользовался большимъ уваженіемъ, и былъ человѣкъ достаточный. Говорятъ, что современники рѣдко отдаютъ должную справедливость достоинствамъ великихъ мужей; но долговременная и счастливая жизнь Гёте доказываетъ противное: онъ безпрерывно пользовался отличнѣйшимъ уваженіемъ, приносимымъ въ дань истинному генію. Съ энтузіасмомъ было принято первое его сочиненіе, и съ такимъ же восхищеніемъ, по прошествіи 60 лѣтъ, принималась каждая строка, имъ написанная. Удивлявшій всѣхъ, любимый многими, а иными даже обожаемый, онъ имѣлъ и враговъ, но въ семъ отношеніи раздѣлялъ общую судьбу отличнѣйшихъ мужей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; когда же онъ скончался, смерть его была

признана народною потерею, и оплакиваема всѣмъ образованнымъ міромъ; даже голоса противниковъ его умолкли на нѣкоторое время предъ справедливою печалію благодарныхъ современниковъ.

Чтобъ получить основательное понятіе о достоинствахъ Гёте, должно прежде всего воспомнить о томъ, что создано его геніемъ; о его наивныхъ, сентиментальныхъ, остроумныхъ и забавныхъ эпиграммахъ; о веселыхъ и легкихъ пѣсняхъ, излившихся изъ его чувствительнаго сердца, и о такихъ, которыя скрываютъ глубокія мысли подъ легкимъ покровомъ; о его элегіяхъ по древнимъ и новымъ образцамъ; о его одахъ, которыя неоспоримо принадлежатъ къ числу возвышеннѣйшихъ; о его романсахъ и балладахъ, то веселыхъ и разгульныхъ, то ужасающихъ и приводящихъ въ трепетъ; о множествѣ его лирическихъ стихотвореній, которыхъ, по чрезвычайному ихъ разнообразію, не возможно подвесть подъ принятыя рубрики поэтики; о его идилліяхъ, дышащихъ привлекательностію и исполненныхъ чувства; о его романахъ, изъ которыхъ каждый отличается другимъ тономъ, другимъ духомъ и другимъ слогомъ; наприм.: сентиментально лирическій его *Вертеръ;* его наивно-эпическій *Вильгельмъ Мейстеръ,* его идиллическія и столь отчетливо начертанныя *Духовныя связи* (Wahlverwandschaften) съ глубокимъ и нравственнымъ ихъ прознаменованіемъ и съ плачевною ихъ катастрофой; о его новеллахъ, отличающихся и ясными взглядами на духовную жизнь, и неподражаемымъ совершенствомъ въ описаніи предметовъ; о его трагедіяхъ, изъ которыхъ каждая дышитъ другимъ духомъ, и столь не похожа на другую, что ни-

кто и подумать не можетъ, чтобы она истекла изъ одного и того же пера; такъ напримѣръ: его *Гецъ фонъ Берлихингенъ* исполненъ чистосердечія и древне-германскаго добродушія, простоты, силы и разительности; это сущая Шекспирова композиція, нѣсколько дикая, но безъ единства; его *Эгмонтъ*, трагедія, въ которой, при всемъ вѣрномъ изображеніи истины и природы, господствуетъ фантазія; его *Клавиго* напоминаетъ намъ обыкновенную сферу Французскихъ трагедій; его *Ифигенія* исполнена Греческой идеальности; его *Тассъ* согрѣтъ Италіянскимъ чувствомъ и умилительною кротостію; обѣ сіи трагедіи облечены всею прелестью нѣжнѣйшихъ чувствъ, и привлекательность ихъ сливается съ силою и возвышенностію; его *Евгенія* столь отлична по исполненію; его *Великій Кофта*, есть остроумное разрѣшеніе психологическаго вопроса; и его *Фаустъ*, исполинское твореніе, неподражаемо созданное величайшею геніяльностію. — Не менѣе сихъ трагедій разнообразны и всѣ комедіи Гёте: *Совиновные; Капризы влюбленыхъ*, (прекрасное подраженіе Французской комической сценѣ); *Стелла*, пламенѣющая южнымъ жаромъ; *Сестры*, проникнутыя Нѣмецкою искренностію; *Эрвинъ* и *Эльмира*, дышащая романическою мечтательностію; *Ярмарка въ Плундерсвейлернѣ*, уморительно забавная; *Торжество чувствительности*, съ странными ея причудами, впрочемъ весьма правдоподобными. — Нельзя также не упомянуть и о его драмолетахъ и піесахъ съ пѣснями; о фантастической его *Лилѣ*, о стройной его *Клавдинѣ*, о идиллической *Ерри* и *Бетли*, о *Подлунномъ странствованіи художника*, и о *художническомъ апоѳеозѣ*, простыхъ по композиціи, и не менѣе

того богатыхъ глубокими мыслями; о *Палеофронѣ* и *Неотерпѣ*; о *Что мы приносимъ;* и о р. д. — Изъ этого видно, что Гёте очень много занимался драматическими сочиненіями; но сіи занятія не помѣшали ему подарить свѣтъ множествомъ эпическихъ твореній. Въ доказательство сего укажемъ здѣсь на вышепомянутые его романы, на Гомеро-идиллическую его эпопею *Германъ* и *Доротея*; на отрывокъ его *Ахиллеса;* на *Рейнеке Фукса*, столь счастливое подражаніе Гомеровымъ формамъ; на отрывокъ романической эпопеи *Пророчество*, и на мелкія сего сочиненія и повѣсти, напримѣръ: на *Посланіе Ганса Сакса*, написанное превосходно въ духѣ и слогомъ сего извѣстнаго Германскаго миннезенгера. Какъ дидактическій стихотворецъ, онъ поставилъ себя подлѣ Горація невыразимо прелестными своими посланіями. Всѣ сіи сокровища Гёте подарилъ свѣту какъ поэтъ; но не довольствуясь этимъ, онъ создалъ еще многое какъ знатокъ и какъ другъ изящныхъ художествъ. Въ числѣ безсчетныхъ его произведеній въ семъ родѣ, отличаются разсѣянныя его статьи «въ Гердеровыхъ Листкахъ (fliegende Blätter) «о Германскомъ бытѣ и Германскихъ художествахъ;» въ *Пропилеяхъ;* въ *Программахъ Іенской Литературной Вѣдомости;* въ рецензіяхъ, въ нихъ помѣщенныхъ, а именно въ разборѣ стихотвореній Фосса, Грюбеля, Гебеля, Дивнаго Рога, и м. др.; въ прибавленіи къ переводу біографіи Бенвенуто Челлини; въ Племянникѣ Рамо, (Дидрота), въ Винкельманѣ и вѣкѣ его; въ собственныхъ его письмахъ изъ Италіи и во многихъ сочиненіяхъ, изданныхъ имъ вмѣстѣ съ Мейеромъ подъ именемъ «Веймарскихъ друзей художествъ». По сего

мало! Мы встрѣчаемся съ нимъ и въ областяхъ совершенно противоположныхъ. Такъ, напримѣръ: онъ написалъ превосходное твореніе *О превращеніяхъ растеній*, и еще два столь же отличныя объ *Оптикѣ* и трактатъ о *цвѣтахъ* (Farbenlehre). Если сверхъ сего онъ иногда писалъ и о Юриспруденціи, то сему не должно удивляться потому, что онъ обучался Правовѣдѣнію и былъ докторомъ Правъ; но гораздо большее вниманіе обращаютъ на себя письма его объ *Откровеніи* и другихъ богословскихъ предметахъ, о которыхъ можно было бы и не упоминать, если бъ образованный міръ оставилъ безъ вниманія религіозныя мнѣнія Гёте. При семъ случаѣ нельзя не упомянуть, что личность его и всѣ его творенія безъ исключенія, имѣли большое вліяніе на словесность и образованность современнаго ему вѣка, и были, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ, изъ котораго, начиная отъ 1780 года, истекали эстетическое и нравственное образованіе Нѣмцевъ, и измѣненіе понятій о художествахъ вообще во всей Европѣ. Первоначальныя его сочиненія, опрокинувшія всѣ творенія о художествахъ до тѣхъ поръ существовавшія, породили періодъ геніяльности, который, по драмѣ современнаго Клингера, названъ былъ періодомъ бурь и смятеній, и который дѣйствительно преобразовалъ тогдашній Нѣмецкій театръ подражавшій Французскому. — *Вертеръ* ввелъ періодъ чувствительности, а *Гецъ* суматоху рыцарскихъ драмъ и романовъ, выставивъ Шекспира образцемъ для всѣхъ драматическихъ писателей. Въ тогдашнія времена эстетика, боролась со всѣми элементами революціи, распространявшимися и на нравы, ибо многіе, подобно Вертеру, прибѣгали къ пистолету

и умирали отъ чувствительности, въ чемъ однако же Гёте не былъ виноватъ, а другіе отличались грубостію и неприличнымъ обхожденіемъ подобно *Гецу*, не понимая ѣдкой сатиры и комизма, которыми Гёте осмѣялъ тотъ бытъ, подъ вліяніемъ котораго онъ находился. Въ 1790 году Гёте явился опять на сцену, и какъ будто по мановенію волшебства, совершенно въ другомъ видѣ. Его *Ифигенія* и *Тассъ* вышли на сцену, облеченные радужнымъ сіяніемъ возвышенной Греческой идеальности, не чуждой даже и его *Эгмонту*, который впрочемъ ближе къ Шекспиру. Въ *Фаустѣ* же, соединяющемъ въ себѣ все то превосходное и возвышенное, что только могло быть создано исполинскимъ геніемъ, Гёте достигъ высшей степени совершенства. Вліяніе сихъ вѣковыхъ твореній на вкусъ было самое благотворное, ибо они были причиною того, что эстетика и нравы начали стремиться къ идеальности. Болѣе всѣхъ прочихъ сочиненій Гёте, *Вильгельмъ Мейстеръ* произвелъ сіе вліяніе въ концѣ XVIII вѣка. Послѣ *Мейстера* появилось въ Нѣмецкой литературѣ множество романовъ, въ которыхъ первую роль играли художники, и художническая жизнь пріобрѣла чрезъ то бо́льшую значительность, и родилась новая наука — эстетика, о которой древніе хотя и мечтали, но произвести не могли. Эстетика руководила теперь и образомъ жизни и философіею. Мораль приняла второстепенную роль, а религія, подчинявшаяся въ Германіи, въ продолженіе нѣкотораго времени, правиламъ морали, вознеслась съ тѣхъ поръ надъ нею, потому что соединяетъ въ себѣ всѣ превосходства изящности. Такое всесильное вліяніе имѣлъ Гёте на весь образованный міръ, и нѣтъ ни малѣй-

шаго сочиненія, что духъ, произведшій его, былъ духъ самый необыкновенный. Правда, что иногда удается и посредственному таланту, вознестись подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ надъ другими дарованіями, но время обнажаетъ его посредственность. Къ разряду подобныхъ талантовъ Гёте не принадлежитъ, потому что, принявъ отъ времени многое, онъ подарилъ ему во сто кратъ больше. Сотни подражателей его забыты, но его образцовыя сочиненія и поныне извѣстны; весь свѣтъ читаетъ ихъ съ удовольствіемъ, и дивится имъ. Періоды, въ продолженіе которыхъ *Гецъ*, *Вертеръ*, *Вильгельмъ Мейстеръ* и другія подобныя его творенія, принадлежали къ модному чтенію, прошли, прекратились; но самыя сіи творенія все еще существуютъ въ литературѣ; и это обстоятельство разительно доказываетъ, что они восхищаютъ не одною только прелестію новизны, но и глубокимъ внутреннимъ достоинствомъ, — всѣмъ тѣмъ что только можетъ казаться драгоцѣннымъ для просвѣщенныхъ вѣковъ и для образованныхъ народовъ.

Читая жизнь Гёте, имъ самимъ написанную, нельзя не убѣдиться, что любовь къ художествамъ и словесности, одушевлявшая отца его; благонравная домашняя жизнь; городъ, бывшій родиною его и богатый достопамятностями; промышленость жителей, оживлявшихъ оборотливою смѣтливостію своею ежегодныя ярмарки, и великолѣпіе вѣнчанія на царство Императора Іосифа II, имѣли сильное вліяніе на умъ восторженнаго отрока, который, при врожденной ему способности смотрѣть на всѣ предметы взоромъ быстрымъ и проницательнымъ, не забывать видѣнна-

го и размышлять о немъ, вскорѣ былъ выше тѣхъ уроковъ, которые ему давали. Болѣзни, постигшія его въ дѣтствѣ, увеличили наклонность его къ размышленію. Подъ вліяніемъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ достигъ онъ осьмаго года возраста своего, и возгорѣвшаяся тогда Семилѣтняя Война, весьма способствовала къ развитію его способностей, особенно когда Французы заняли Франкфуртъ. Графъ Торанъ, (Lieutenant du Roi), командовавшій Французскими войсками въ Германіи, расположился въ домѣ родителей Гёте, и заказывалъ для себя множество картинъ у Франкфуртскихъ живописцевъ, и въ особенности у извѣстнаго Зекаца въ Дармштатѣ. А какъ Гёте часто посѣщалъ мастерскія сихъ живописцевъ, и Графъ его очень полюбилъ съ самой первой встрѣчи, то онъ почти всегда находился при совѣщаніяхъ Графа съ живописцами, при заказахъ картинъ, и при полученіи ихъ, и нерѣдко случалось, что когда приносили къ Графу эскизы или начатыя уже картины, онъ выражалъ дѣтскія свои о нихъ мнѣнія. Между прочимъ написалъ онъ тогда сочиненіе о 12 картинахъ, которыя могли бы изобразить всю исторію Іосифа изъ Ветхаго Завѣта, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно были заказаны Графомъ по его идеямъ. Развивая подобными занятіями художественныя свои способности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ практически усовершенствовалъ себя во Французскомъ языкѣ разговорами съ Графомъ; а учрежденіе во Франкфуртѣ Французскаго театра дало ему удобность познакомиться и съ Французскою драматургіею. Наконецъ заключенъ былъ миръ, и возраставшій юноша постепенно усовершенствовался въ образованіи своемъ. Онъ поперемѣн-

но занимался рисованіемъ, музыкою, разборомъ естественныхъ предметовъ, началами Правовѣдѣнія и изученіемъ разныхъ языковъ. Для лучшаго усовершенствованія себя въ каждомъ изъ нихъ, онъ вздумалъ написать романъ, въ которомъ семь братьевъ и сестеръ были дѣйствующими лицами, и каждое изъ нихъ писало къ другимъ на разныхъ языкахъ письма о своихъ похожденіяхъ и мысляхъ. Одному изъ сихъ лицъ далъ онъ въ удѣлъ Еврейско-Нѣмецкій языкъ, а это привело его къ изученію Еврейскаго языка. Правда, что онъ не сдѣлалъ въ немъ большихъ успѣховъ, но это упражненіе доставило ему по крайней мѣрѣ ту пользу, что не смотря на разныя развлеченія, духъ и чувства его долго парили надъ Восточными странами, описанными въ 1 книгѣ Моисея. Вскорѣ потомъ началъ онъ описывать подробно библейскіе характеры и происшествія, изображенныя въ Библіи одними очерками, и исторія Іосифа была первымъ его поэтическимъ твореніемъ. Опытность пріобрѣлъ онъ частію обхожденіемъ съ значительными особами, частію же завѣдываніемъ дѣлъ отца своего, а поэзія вдохнула въ него любовь, и сіе чувство, восторгающее душу каждаго чувствительнаго и нравственнаго юноши, дало бытію его духовное направленіе. Но цвѣтъ невинной любви его, къ сожалѣнію красовался не долго: онъ вскорѣ увялъ отъ весьма непріятныхъ причинъ. Впрочемъ онъ сильно развилъ въ немъ способность изображать женскій полъ съ чрезвычайною истиною во всѣхъ оттѣнкахъ его характера. Образъ возлюбленной подруги, вѣроятно, отливался въ изображеніяхъ *Клары* (Эгмонтъ), а въ Фаустѣ, онъ видимо вновь мечталъ о ней, ибо героиню сего творенія назвалъ

даже именемъ *Гретхенъ*. Порывы первой страсти, лишили его сна, покоя и здоровья; но сколь мучительны ни были его чувства и положеніе, они послужили въ его пользу: онъ купилъ ими драгоцѣнную самобытность. Преодолѣвъ тоску и сердечную горесть, онъ началъ приготовлять себя къ поступленію въ университетъ, и согласно съ желаніемъ почтеннаго родителя, избралъ Лейпцигскій, гдѣ Эрнести и Геллертъ обратили на себя безусловное его вниманіе. Но тутъ почувствовалъ онъ необходимость составить для себя планъ курсу наукъ. Упражнявшись дома Исторіею Философіи, онъ уже и прежде не могъ согласить себя совершенно съ послѣднею, и кромѣ того полагалъ, что о сущности, о мірѣ и о Богѣ онъ знаетъ уже почти столько же, сколько и профессоръ Философіи. Того же мнѣнія о себѣ былъ онъ и въ отношеніи юридическихъ лекцій. Въ Лейпцигѣ онъ вѣрно разлюбилъ бы и поэзію, потому что встрѣтилъ большія противорѣчія въ сужденіяхъ о ней, если бъ только могъ отдѣлить ее отъ существа своего. Тогдашняя эпоха литературы развивалась изъ прежнихъ эпохъ посредствомъ противорѣчій. Въ отношеніи теоріи поэзіи небыло еще ничего опредѣленнаго, а существовавшая уступала практикѣ; но между тѣмъ духъ Германской свободы и веселія проявлялся уже повсюду въ разныхъ геніяльныхъ произведеніяхъ; и чтобы исторгнуть себя изъ прежней туманной эпохи, Германцы начали заботиться сначала объ опредѣлительности, ясности и краткости, къ чему весьма способствовали Англійскіе образцы. При сихъ обстоятельствахъ Гёте вскорѣ понялъ всю важность матеріи и превосходство краткаго изложенія, но все еще не зналъ, гдѣ най-

ти первую, и какимъ образомъ усвоить себѣ послѣднее; а при существовавшемъ тогда недостаткѣ въ вспомогательныхъ средствахъ, онъ долженъ былъ искать и находить ихъ въ одинхъ только собственныхъ чувствахъ созерцательности и душевныхъ способностяхъ своихъ. Все сіе повело его къ системѣ, отъ которой уже не отступалъ онъ въ продолженіе всей жизни своей, то есть, онъ поставилъ для себя непремѣннымъ правиломъ изображать статьею или картиною каждое радостное или печальное ощущеніе, дабы чрезъ то получить ясное понятіе о внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, или успокоить душу свою. Способность къ подобнымъ описаніямъ никому не была необходимѣе какъ ему, ибо онъ, по органическому своему образованію, безпрестанно былъ переносимъ отъ одной крайности къ другой. И такъ всѣ извѣстныя сочиненія его суть не иное что, какъ отрывки огромной исповѣди, пополняющіе его біографію. Такимъ образомъ написалъ онъ *Капризы влюбленнаго,* которыя показываютъ намъ порывы жгучей страсти. Но еще прежде сего сочиненія онъ испыталъ всю тревожность юношеской жизни. Въ продолженіе связей его съ Гретхенъ, онъ, при первомъ разцвѣтѣ юности, убѣдился въ заблужденіяхъ, на которыхъ основано общежитіе. Во всѣхъ условіяхъ жизни снаружи все чисто и прилично, но во внутренности повсюду большіе недостатки. Для облегченія себя отъ непріятныхъ чувствъ, возбужденныхъ этимъ опытомъ, онъ задумалъ было написать нѣсколько драмъ, изъ которыхъ однако же кончилъ только одну: *Совиновные* (die Mitschuldigen). При сихъ первыхъ испытаніяхъ, столь опасныхъ для молодаго человѣка, развилась въ немъ отвага, не только презиравшая опас-

ности, но даже вызывавшая ихъ безъ всякой нужды При всемъ томъ, онъ не тотчасъ приступилъ къ обработанію предметовъ соотвѣтствовавшихъ состоянію его духа, а занялся ими позже. Ему казались тогда привлекательнѣйшими тѣ, которые касались сердечныхъ ощущеній, и онъ не уставалъ размышлять о мимолетности наклонностей, о измѣнчивости человѣческаго характера, о чувственной нравственности и о возвышенномъ и глубокомъ, являющемся иногда въ нашей загадочной жизни. При сихъ занятіяхъ онъ не забывалъ и изображательнаго искусства, и Эзеръ, имѣвшій столь большое вліяніе на Винкельмана, обратилъ на себя полное вниманіе Гёте. Руководствуясь Эзеромъ, онъ изучилъ Исторію Искусствъ, прилежнымъ чтеніемъ д'Аржанвиля, Келюса, Криста, Липперта и въ особенности Винкельмана, а собранія Губера, Крейхауфа, Винклера и Рихтера научили его смотрѣть на произведенія искусствъ художническихъ окомъ, въ чемъ усовершенствовался онъ въ послѣдствіи еще болѣе въ Дрезденской галереѣ. Сверхъ того занимался онъ еще и гравированіемъ на мѣди, но отъ вредныхъ испареній протравы и отъ дурной діеты, занемогъ тяжкою болѣзнію. По выздоровленіи своемъ, въ 1768 году, онъ уѣхалъ изъ Лейпцига, гдѣ не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ изученіи Правовѣдѣнія, но основалъ въ самомъ себѣ тѣ познанія, которыя долженствовали въ послѣдствіи увѣнчать его всемірною славою. Разстроенное его здоровье, котораго не могъ онъ возстановить и въ родительскомъ домѣ, имѣло впрочемъ значительныя послѣдствія, ибо оно дало ему случай познакомиться съ дѣвицею фонъ Клеттенбергъ, съ тою дамою, изъ бесѣдъ и писемъ которой соста-

вилъ онъ «*Признанія изящной души,*» помѣщенныя имъ въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ.* Религіозныя отношенія его съ сею дѣвицею побудили его заняться изученіемъ мистическо-альхимическихъ твореній Веллинга, Теофраста Парацельса, Базилія Валентина, а наконецъ и Бургава; съ этими занятіями соединилъ онъ собственные свои химическіе опыты. Сіи занятія сверхъ-чувственными предметами увлекли его къ идеѣ составить для себя особую религію. Основаніемъ ея положилъ онъ новый платонисмъ, присовокупивъ къ сему последнему ученія герметики, мистики и даже кабалистики, и изъ всего этого создалъ для себя новый міръ, особенный и странный. Послѣ сего не должно удивляться, что онъ, отправившись въ Страсбургъ для окончанія курса Правовѣдѣнія, весьма мало занимался сею наукою, а посѣщалъ преимущественно однѣ только лекціи о Химіи и Анатоміи, и даже тамошнюю клинику. Но здѣсь познакомился онъ съ Гердеромъ, и вступилъ съ нимъ въ самыя тѣсныя связи, которыя сдѣлались для него весьма полезными; ибо онъ обязанъ ему совершеннымъ изученіемъ истиннаго духа Италіянской Школы и Поэзіи. Пребываніе его въ Страсбургѣ имѣло для него еще и то неожиданное, но благотворное послѣдствіе, что онъ здѣсь, на самой границѣ Франціи, освободился отъ вліянія, которое до тѣхъ поръ имѣли на него Французскій бытъ и Французская Литература. Здѣсь убѣдился онъ совершенно и въ изяществѣ Шекспира, который уже давно увлекалъ его правдою, свободностію и возвышенностію поэзіи, и ясными взглядами на міръ и соотношенія его. По окончаніи въ Страсбургѣ курса наукъ, онъ получилъ по экзамену званіе доктора Правъ въ 1771

году, и возвратился въ родительскій домъ свой. Отселѣ отправился онъ въ Вецларъ, гдѣ породилась въ немъ идея написать *Вертера*, изобразить въ немъ собственную свою любовь къ дѣвицѣ, помолвленной съ другимъ, и страсть молодаго Іерузалема, который, бывъ ему лично знакомъ, застрѣлился въ это самое время съ отчаянія отъ любви. Несчастный сей молодой человѣкъ, исполненный рѣдкихъ способностей, и отличавшійся на поприщѣ Правовѣдѣнія, былъ единственный и любимый сынъ знаменитаго Іерузалема, творца *Размышленій о важнѣйшихъ истинахъ религіи*, переведенныхъ на Русскій языкъ въ 1831 году, Т. К. Крыловымъ. Возвратившись изъ Вецлара во Франкфуртъ, Гёте издалъ, не наименовавъ себя, нѣкоторыя изъ мелкихъ сочиненій своихъ, и помѣстилъ разныя стихотворенія въ Нѣмецкихъ альманахахъ и журналахъ. Тѣсныя связи его съ Ленцомъ, Клингеромъ и Лаватеромъ много способствовали ему къ усовершенствованію ученаго образованія. Изданіемъ *Геца* (1773) и *Вертера* (1774) онъ обратилъ на себя вниманіе всей Германіи. Наслѣдный Принцъ Веймарскій, Карлъ Августъ, познакомился съ нимъ во время путешествія своего, и сдѣлавшись Герцогомъ въ 1775 году, онъ немедленно пригласилъ его ко Двору своему. Гёте прибылъ въ Веймаръ, и въ 1776 году былъ возведенъ въ званіе тайнаго легаціоннаго совѣтника съ правомъ присутствованія въ Тайной Коллегіи, а въ 1779 въ званіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Съ Герцогинею Веймарскою совершилъ онъ второе свое путешествіе по Швейцаріи. Въ 1782 году онъ возведенъ былъ въ каммеръ-президенты, и получилъ дворянское достоинство, а 1786 году предпринялъ путеше-

ствіе по Италіи, гдѣ и пробылъ, особенно въ Римѣ, по 1788 годъ. Въ семъ вѣковомъ городѣ, онъ усовершенствовалъ художественное свое образованіе созерцаніемъ мастерскихъ произведеній искусствъ, бесѣдами съ художниками, и практическими занятіями. Въ Римѣ составилъ онъ планъ *Ифигеніи,* окончилъ *Эгмонта,* и начерталъ планъ *Тасса.* Здѣсь же познакомился онъ лично съ Швейцарцемъ Мейеромъ, который по смерть свою былъ ему вѣрнымъ другомъ и сотрудникомъ въ области художественной критики, и по части Исторіи изящныхъ искусствъ. Въ 1792 году онъ сопутствовалъ Герцогу своему во время похода его въ Шампани, въ 1806 году сочетался бракомъ съ дѣвицею Вульпіусъ, а въ 1809 году оставилъ государственную службу. Но въ 1815 году, онъ возведенъ былъ въ званіе перваго министра. По смерти Герцога Карла Августа, послѣдовавшей въ 1828 году, онъ вновь вышелъ въ отставку, и жилъ попеременно въ Іенѣ, Веймарѣ и Дорнбургѣ, наслаждаясь вожделеннѣйшимъ здравіемъ до глубокой старости, и безпритворнымъ уваженіемъ просвѣщеннаго Европейскаго міра; безпрерывно занимался изученіемъ природы и литературою по самый день кончины своей, послѣдовавшей 22 Марта 1833 года, въ Веймарѣ. Бюстъ его, изваянный Французскимъ скульпторомъ Давидомъ, поставленъ въ залѣ Веймарской Библіотеки возлѣ бюста Шиллера.

Сіи періоды внѣшняго его бытія тѣсно сопряжены съ періодами его стихотворческой жизни. Въ послѣдней представляются намъ три періода, которые можно по всей справедливости назвать сентиментальнымъ, идеальнымъ и назидательнымъ. *Гецъ* и *Вертеръ* при-

надлежатъ къ тѣмъ твореніямъ его, которыя, въ теченіе перваго изъ помянутыхъ періодовъ, изумили свѣтъ, и обратили на творца всеобщее вниманіе. Въ обоихъ сихъ сочиненіяхъ Гёте нашелъ случай удовлетворить любимымъ своимъ наклонностямъ: изобразить любовь и привязанность къ родной Нѣмецкой сторонѣ, и выразить чистѣйшія человѣческія чувства, исполнявшія сердце его горестію и удовольствіемъ. По всему кажется, что Гёте, сочиняя *Вертера* и *Геца*, имѣлъ предъ собою, точно такъ, какъ и при сочиненіи другихъ твореній, самые оригиналы: при начертаніи перваго изъ нихъ, *Вертера* — участь несчастнаго Іерузалема, а послѣдняго, *Геца* — авто-біографію мужественнаго Геца. (При семъ случаѣ напомнимъ, что Вертерова Шарлотта, Шарлотта Бифъ, по мужѣ надворная совѣтница Кестнеръ, умерла вдовою въ 1828 году.) Вышеупомянутое обстоятельство подавало многимъ поводъ сомнѣваться въ изобрѣтательномъ дарѣ Гёте; но самый поверхностный взглядъ на сіи два творенія, опровергаетъ это сомнѣніе. Въ нихъ повсюду проявляется эстетическая характеристика дѣйствующихъ лицъ, превосходнѣйшее развитіе происшествій, даже въ отдѣльныхъ и побочныхъ обстоятельствахъ, и столь естественное распредѣленіе ихъ, что все является непосредственнымъ созерцаніемъ, вѣрнымъ отпечаткомъ ощущеній, и изящнѣйшимъ произведеніемъ природы, а не искусства. Въ народныхъ пѣсняхъ своихъ Гёте, умѣлъ мастерски усвоить себѣ стиль и тонъ *Ганса Сакса;* въ *Гецѣ* и разныхъ комедіяхъ, является онъ Шекспиромъ; въ *Птицахъ*, Аристофаномъ; въ *Ифигеніи*, Греческимъ трагикомъ, въ *Германѣ и Доротеѣ*, Гомеромъ, въ *Римскихъ элегіяхъ*, Проперціемъ, а въ *Венеціянскихъ*

эпиграммахъ, Марціаломъ. Но сіе усвоеніе характера сочиненій разныхъ вѣковъ и классическихъ авторовъ, не можетъ быть почтено рабскимъ подражаніемъ: оно есть просто произведеніе самодѣятельной раздражительной фантазіи; ибо, при самомъ подражаніи, онъ не жертвуетъ самобытностью собственнаго генія. Удивительный Протей ознаменовалъ таланты свои уже въ *Гецѣ* и *Вертерѣ*, а слѣдующія его произведенія подтвердили ихъ, хотя и не равнялись изящностью первымъ. Способность его мысленно переносится въ душевное расположеніе другихъ лицъ, и ощущать ихъ ощущенія, увлекала его иногда и въ заблужденія. Это видимъ мы въ его *Клавиго* и въ *Великомъ Кофтѣ*, который, впрочемъ, равняется Клавигу въ отношеніи хорошей обрисовки характеровъ, но уступаетъ ему въ силѣ и свѣжести, свободномъ движеніи, разительныхъ ситуаціяхъ, занимательности дѣйствія, въ глубокихъ чувствахъ и завязкѣ драмы. Что же касается до трагедіи *Клавиго*, то она, не взирая на нѣсколько жесткихъ выраженій, находящихся въ прекрасной роли Бомарше, все можетъ достойнѣе и ближе стать къ *Гецу* и *Вертеру*, нежели сентиментальные отголоски *Стеллы* и *Эрвина и Эльмины*. Но какова бы ни была сія послѣдняя піеса, въ ней заключается сокровище: это пѣсня: «Ein Veilchen auf der Wiese stand,» о которой нельзя вспомнить, не вспомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о всѣхъ пѣсняхъ Гёте, сихъ очаровательныхъ произведеніяхъ, столь чистыхъ, прозрачныхъ и какъ будто бы эѳирными красками изображенныхъ. Въ пѣсняхъ Гёте и въ романсахъ его раздался вновь голосъ народности, столь давно замолкшій, и со дня появленія ихъ, весь Нѣмецкій лирисмъ освѣжился новымъ дыха-

ніемъ. Разсматривая со вниманіемъ все то, что Гёте создалъ въ семъ періодѣ, должно убѣдиться, что эти творенія его проникнуты духомъ народности, и что онъ Германскую народность, за которую Лессингъ сражался столь мужественно, укоренилъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели всѣ новые барды. Но эту народность, можно было водворить токмо посредствомъ оппозиціи, и только Гёте могъ достойнымъ образомъ быть ея главою. Съ тѣхъ поръ, онъ, въ продолженіе 12 лѣтъ, не издавалъ ничего важнаго, а потому новое появленіе его на поприщѣ наукъ и словесности, тѣмъ неожиданнѣе обрадовало литературный міръ. Между тѣмъ не должно полагать, чтобы всѣ творенія его, появившіяся въ сіе время, имѣли одинъ отпечатокъ. Въ семъ отношеніи хронологія ихъ весьма важна, и покажетъ, что между симъ періодомъ и первымъ былъ промежутокъ, въ продолженіе котораго Гёте очистилъ самого себя собственною ироніей, и привелъ въ согласіе противоборствующія силы своего генія. Къ сему промежутку времени неоспоримо принадлежатъ нѣсколько комическихъ и сатирическихъ его произведеній, а между прочими Triumph der Empfindsamkeit (1780), (Торжество чувствительности). Съ симъ твореніемъ выступилъ онъ за предѣлы прежнихъ эпохъ, и восшелъ на высокую степень изящности. Съ нея смотрѣлъ онъ спокойно на явленія тревожной жизни, и забавляясь ими написалъ (1774) *Ярмарку въ Плундерсвейлернѣ*, въ которой столь забавно изобразилъ веселую сторону жизни. Находясь уже въ области чистой изящности, онъ, въ 1787 году, положилъ на жертвенникъ литературы *Ифигенію*. Августъ Вильгельмъ Шлегель весьма справедливо называетъ ее отголоскомъ Грековъ, ибо

въ Ифигеніи мы находимъ не какое либо подражаніе обветшалымъ и всегда непріятнымъ формамъ, но твореніе проникнутое чистѣйшимъ Греческимъ духомъ. За *Ифигеніей* явился достойнымъ образомъ *Тассъ*, который уступаетъ ей, можетъ быть, въ одной только композиціи, ибо требуетъ отъ зрителя глубокаго размышленія. Но если *Тассъ*, по строгому смыслу теоріи, и не можетъ быть почтенъ совершенною драмою, то онъ навсегда пребудетъ удивительною характерною картиною, поэмою единственною въ своемъ родѣ, и которая, по словамъ А. Мюллера, и мы совершенно съ нимъ согласны, является поучительнѣйшимъ твореніемъ для познанія истинной поэзіи. Одинъ только Гёте могъ отважиться представить намъ *Тасса* въ семъ видѣ, и это могло ему удаться только въ семъ періодѣ. Для совершенія этого подвига ему *все* благопріятствовало. Находясь при Веймарскомъ Дворѣ, онъ въ обществѣ, его окружавшемъ, нашелъ обстановку *Тасса*, и изучилъ тонъ, приличный для сей обстановки. Не излишнимъ считаемъ здѣсь упомянуть, что пребываніе его при Дворѣ, въ званіи придворнаго и государственнаго чиновника, имѣло на Гёте, какъ стихотворца, большое и весьма полезное вліяніе. Необходимость соблюденія въ обхожденіи и при всякомъ случаѣ должной осторожности и разборчивости, безпрестанно утончала вкусъ его, и приближала его къ идеалу. Но не одна придворная жизнь въ Веймарѣ имѣла сильное вліяніе на его преобразованіе: оно осуществилось окончательно въ Италіи. Въ продолженіе перваго періода, онъ, въ отношеніи пластическаго искусства, предпочиталъ Нидерландскую Школу, и сія наклонность его къ ней проявляется даже въ позднѣйщее время, ибо въ

нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ своихъ онъ изображаетъ Нидерландскія сцены; но Италія раскрыла взору его все величіе искусствъ, и мощный геній его, равно постигавшій возвышенное и дѣтско-умилительное, душа его, столь же доступная для нѣжнѣйшихъ расположеній, какъ и для глубокихъ помысловъ, предались рѣшительно всему благородному и высокому. Вмѣсто одушевлявшей его натуральности, проявилась въ немъ идеальность, но не мнимая, а та, которая переноситъ природу въ царство идей и чистой изящности. Изъ числа трехъ главныхъ твореній, созданныхъ послѣ сего періода, «*Вильгельма Мейстера*» (1795), «*Фауста*» и «*Германа* и *Доротеи*» (1798), послѣднее разительнѣе прочихъ ознаменовано печатію геніяльности. А. В. Шлегель и В. фонъ Гумбольтъ доказали это превосходными разборами своими. Въ «*Фаустѣ*» и въ «*Вильгельмѣ Мейстерѣ*» соединяется вся универсальность духа Гёте. Слогъ его ясенъ и изященъ, выраженіе же просто, прекрасно, убѣдительно и краснорѣчиво. При сравненіи *Мейстера* съ *Вертеромъ*, всякъ тотчасъ можетъ убѣдиться, что въ *Вертерѣ* авторъ борется еще съ жизнію и судьбою, а въ *Мейстерѣ* онъ уже побѣдилъ ихъ, и нашелъ все счастіе въ гармонической образованности, которую дѣйствительно должно почитать главною цѣлію Мейстера. Безпристрастнымъ спокойнымъ и объективнымъ взглядомъ на міръ и жизнь, достигъ онъ того всемірнаго созерцанія, которое, будучи равно непричастно односторонней ограниченности и предразсудкамъ, доставило ему способъ находить приличное мѣсто для каждаго предмета, видѣть единое въ совокупномъ дѣйствіи цѣлаго, а въ геніяльной жизни признавать главною цѣлію ея стремленіе и

дѣянія. Все это должно было озарить менѣе яркимъ свѣтомъ ту мрачную точку человѣческой жизни, въ которой нити ея сплетаются съ неисповѣдимою судьбою. И это созерцаніе возвысило духъ его, и возродило въ немъ идею о Ѳеодицеѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, она согрѣвала также всю поэму *Фауста*, ибо въ концѣ ея, небо торжествуетъ надъ адомъ. И такъ *Фаустъ* есть не что иное какъ философическая, или лучше сказать, религіозно-дидактическая драма. Въ ней соединены возвышеннѣйшее и глубочайшее, привлекательнѣйшее и трогательнѣйшее изъ всѣхъ тѣхъ ощущеній, которыя только когда-либо могутъ колебать человѣческое сердце, и все это проникнуто изящнѣйшею поэзіею. Многіе не довольны композиціей, потому что, они, судя о *Фаустѣ*, помышляли о театрѣ, для котораго исполинская сія композиція нейдетъ. Но самое это сужденіе ихъ доказываетъ ея превосходство, смотришь ли на нее съ точки зрѣнія относительно ко времени, въ которомъ происходитъ дѣйствіе, или просто какъ на сюжетъ, который, безъ фантастической обработки, не могъ бы остаться тѣмъ, что онъ есть. Въ немъ должны были получить мѣсто свое, какъ обыкновенное и пошлое, такъ и важное и возвышенное, и можно сказать, что въ *Фаустѣ* проявляются всѣ періоды автора-стихотворца. Таинственная глубокость величественной сей поэмы, въ которой весь міръ отражается какъ въ зеркалѣ, породила многообразнѣйшіе толки и противуположнѣйшія о ней сужденія; многимъ казалось, что въ ней есть и мистицисмъ и противное ему ученіе Гегеля.

Въ концѣ втораго періода поэтической жизни своей, Гёте, изданіемъ *Ксеній* (1797), въ которыхъ развилось

въ такой силѣ все преобладаніе юмора его, возвѣстилъ свѣту начало новаго періода своей геніяльности. Тѣснѣйшія связи, въ которыя онъ въ самое это время вступилъ съ Шиллеромъ, связи, которыя объяснились напечатанною незадолго предъ смертію его «Корреспонденціею Шиллера и Гёте съ 1794 - 1805,» (6 частей, Стутгардъ 1829), не остались безъ вліянія. При всемъ томъ казалось, что творческая сила его начинала ослабѣвать. Онъ перевелъ тогда Вольтеровыхъ «Магомета» и «Танкреда,» и только изрѣдка нѣсколько романсовъ и пѣсень ознаменовывали прежнюю независимость и богатство генія его. Его *Евгенія* (1804), которою хотѣлъ онъ создать трилогію, осталась не совсѣмъ оконченною, и не возбудила въ публикѣ общаго участія. Но въ новой обработкѣ *Фауста* (1809), и въ *Духовныхъ связяхъ* (1810), явился онъ вновь во всемъ творческомъ величіи своемъ. Весьма несправедливо порицали послѣднее изъ сихъ твореній въ безнравственности. Имъ, точно такъ какъ и Вертеромъ, Гёте совсѣмъ не хотѣлъ ввести новую мораль, и столь же мало желалъ онъ, чтобы сіи романы служили образцами жизни. Что же касается до разсказа и слога *Духовныхъ связей*, то въ семъ отношеніи *Духовныя связи* являются превосходнѣйшимъ произведеніемъ Нѣмецкой литературы сего рода. Вспомнимъ здѣсь и объ автобіографіи его: «*Жизнь моя, поэзія и истина* (1811), въ которой онъ повѣствуетъ о себѣ съ откровенностію и чистосердечіемъ. — Почти можно было бы сказать, что въ сочиненіяхъ Гёте проявляются всѣ три стиля Греческой пластики: въ первомъ періодѣ величественный но грубый, во второмъ изящный, а въ третьемъ прекрасный. Много пользы принесъ онъ въ семъ періодѣ

и для изящной словесности и для драматическаго искусства не только сочиненіями, но и покровительствомъ своимъ. Въ семъ отношеніи весьма важны выставки произведеній искусства въ Веймарѣ, и Веймарскій театръ, состоявшій подъ главнымъ начальствомъ Гёте; они содѣлались разсадниками искусствъ, принесшими плоды, которые могли только созрѣвать подъ вліяніемъ идей и правилъ Гёте. Всѣмъ симъ онъ сильно подѣйствовалъ на соотечественниковъ своихъ, и если не повсюду достигнуто имъ возвышеннѣйшее и изящное, то этого ставить въ вину ему невозможно.

Сочиненія Гёте, написанныя имъ въ послѣднемъ періодѣ жизни, весьма способствовали къ лучшему познанію его духа. Сюда принадлежатъ: «*Западно-восточный диванъ*» (1819) и первый томъ романа «*Странствованія Вильгельма Мейстера*» (1824). Уже однѣ сіи двѣ книги содержатъ въ себѣ много истинно-поучительнаго. Но еще болѣе поучительнаго находится въ «Продолженіи Воспоминаній изъ жизни автора,» и въ тѣхъ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, которыя выходили въ свѣтъ между изданіемъ ученыхъ его твореній. Цѣлію сихъ послѣднихъ было изученіе художествъ и изученіе природы. Къ первому принадлежало повременное его изданіе «*Художества и Древность,*» которое можно почесть продолженіемъ подобнаго же его изданія, извѣстнаго подъ названіемъ: «*Рейнъ и Майнъ,*» а къ послѣднему тѣ тетради, которыя онъ издалъ подъ названіемъ: «Прибавленія къ Естественной Исторіи вообще и въ особенности къ Морѳологіи.»— Ученая дѣятельность Гёте взяла въ послѣднее время верхъ надъ творческою и изобразительною. Творенія его, къ сему роду принадлежащія, богаты объясненіями пред-

метовъ объективнаго знанія, и содержатъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательства глубокой учености автора. Труды его, посвященные оптикѣ, теоріи о цвѣтахъ (Farbenlehre), объясненію явленій свѣта (Erscheinungen des Lichtes), Минералогіи, Геогнозіи и Ботаникѣ, Физіологіи и Астрономіи, наблюденіямъ погоды и многимъ другимъ подобнымъ предметамъ, обѣщали наукамъ новую стезю исполненную надеждъ и ожиданій. Во всѣхъ послѣднихъ твореніяхъ своихъ, касавшихся наукъ и художествъ, Гёте являлся ученымъ, безпрестанно слѣдившимъ всѣ открытія наукъ и просвѣщенія. Въ этомъ легко убѣдиться можно при сравненіи первыхъ его сочиненій съ послѣдними. *Годы ученія Вильгельма Мейстера* являются только опытомъ соглашенія всѣхъ отношеній жизни, а не удачнымъ наставленіемъ для нея. Подобно автору, тѣмъ болѣе сомнѣвающемуся, чѣмъ болѣе приближается онъ къ результатамъ образованія, исполнено сомнѣніями и твореніе его, и часто, когда мы ожидаемъ отъ ситуацій и взглядовъ автора самаго изящнаго, онъ самъ осмѣиваетъ то проніею, невольно изъ души его изливающеюся. Образованіе, ненаходящее предмета способнаго для изученія, и являющееся одною пошлою политурою, съ другой стороны развитіе силъ, превратнымъ своимъ направленіемъ уничтожающее человѣка, зародышъ образованія, уже въ самомъ началѣ поврежденный, но не менѣе того возбуждавшій большія надежды, составляютъ главный сюжетъ *Годовъ ученія*, и представляютъ противоположнѣйшія явленія, которыя оканчиваются трагическою кончиною жизни угнетенной преувеличеннымъ образованіемъ, или, лучше сказать, лжеобразованіемъ. Статься можетъ, что онъ, начавъ писать сіе

творенiю, полагалъ, что ему удастся кончить его удовлетворительнѣйшимъ образомъ, нежели онъ кончилъ его въ самомъ дѣлѣ; но и въ семъ случаѣ оно не теряетъ своего достоинства. Романы тогда только могутъ сдѣлаться творенiями значительными, когда авторъ, вмѣсто того, чтобы писать ихъ по предначертанному себѣ плану, руководствуется генiемъ, предписывающимъ ему ходъ приключенiй и главныя ихъ измѣненiя. И дѣйствительно, Гёте въ самомъ себѣ, во внѣшнихъ соотношенiяхъ и въ нѣкоторыхъ общихъ результатахъ трудовъ, посвященныхъ образованiю и художествамъ, испыталъ, что они наконецъ не исполняютъ того, чего обѣщали. Сiе размышленiе можетъ намъ послужить къ объясненiю многаго въ *Годахъ ученiя*, особенно, если вспомнимъ, что для сего романа многое было прiуготовлено еще прежде похода Гёте въ Шампань, описаннаго имъ столь занимательно въ пятомъ томѣ его мемуаровъ. Весьма интересно послѣ этого сравнить съ *Годами ученiя* пѣсни *Дивана*, которыя ознаменовали позднѣйшую эпоху жизни Гёте, и представляютъ намъ исторiю духовнаго его развитiя. Въ нихъ повсюду проявляется неомраченное чувство неожиданнаго примиренiя съ жизнiю, и веселаго довольства. Эпоха созданiя сихъ лирическихъ стихотворенiй довольно ясно объяснена первою ихъ пѣснiю. Это тотъ перiодъ, когда все потрясалось, когда низвергались престолы и народы трепетали. Въ самое то время, когда всѣ плакали и отчаявались, Гёте кончилъ борьбу съ самимъ собою и съ внѣшнимъ мiромъ, и успѣлъ спокойно смотрѣть въ неизмѣримыя пучины началъ, гдѣ люди по словамъ его:

«Noch von Gott empfingen
Himmelslehr' in Erdensprachen,
Und sich nicht den Kopf zerbrachen.»

Но въ веселомъ расположеніи духа, оживляющаго пѣсни «Дивана» отъ начала до конца ихъ, таится глубокая мысль. На Востокѣ, въ которомъ Гёте предается всему разгулу геніяльной веселости, отражаются судьбы Запада. Ибо, не смотря на личность стихотворца, а только на объективную сторону собранія сихъ пѣсень, онѣ представляютъ намъ картину того, что человѣкъ, подъ вліяніемъ рѣшительнаго деспотисма, дѣлаетъ изъ жизни своей. Подъ симъ вліяніемъ онъ, при всѣхъ способностяхъ къ помышленіямъ и чувствованію, остается одинокъ, и отдѣленъ отъ всего окружающаго его міра. И сіе положеніе, которое прежде того казалось Гёте столь несноснымъ, утратило теперь всю горечь свою. Онъ содѣлался послѣдователемъ тѣхъ счастливыхъ мудрецовъ, которыхъ мы столь часто встрѣчаемъ на Востокѣ, душевнаго спокойствія коихъ ни что потревожить не можетъ, и которые находятъ повсюду родину свою, потому что въ сердцахъ ихъ царствуютъ спокойствіе и веселіе. — Повременное изданіе «Художества и Древность,» старается сблизить съ нами ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на произведеніе человѣческаго ума. Руководствуясь симъ правиломъ, разсматриваетъ оно прежнія и настоящія произведенія искусствъ, и судитъ о каждомъ изъ нихъ основательно. Но въ семъ твореніи своемъ Гёте является болѣе поучающимъ, нежели учащимся, и объ этомъ замѣчаемъ мы особенно потому, что онъ невыразимо поучителенъ во всѣхъ тѣхъ твореніяхъ своихъ, которыя онъ писалъ какъ будто

бы для собственнаго своего изученія. Такимъ является онъ преимущественно всегда, когда бесѣдуетъ о природѣ. Ему обязаны мы освобожденіемъ естественныхъ наукъ отъ тяжкихъ оковъ въ самое то время, когда оно было столь необходимо.

Столь же занимательны и превосходны тѣ творенія его, которыя найдены въ его бумагахъ послѣ его смерти. Примѣчательнѣйшее изъ нихъ окончаніе *Фауста,* дописанное имъ наканунѣ послѣдняго дня его рожденія. Давно весь образованный міръ ожидалъ сего окончанія; оно было принято съ невыразимымъ любопытствомъ, и сдѣлалось предметомъ разнообразнѣйшихъ сужденій. Но не одно сіе окончаніе *Фауста* завѣщано имъ потомству: къ числу сокровищъ, въ портфеляхъ его найденныхъ, принадлежатъ еще *Дневныя годовыя тетради* его и весь третій томъ посмертныхъ его твореній. Не менѣе ихъ интересны и мемуары, изданные о немъ лицами, которыя пользовались счастіемъ короткаго его знакомства и дружескаго обхожденія. Къ нимъ принадлежатъ; Göthe, aus näherem persönlichen Umgange dargestellt, von J. Falk (Leipz. 1832); Göthe in seiner praktischen Wirksamkeit vom Kanzler v. Müller (Jena 1832). Отнесемъ къ числу сихъ пояснительныхъ свѣдѣній о жизни великаго писателя еще найденныя въ бумагахъ корреспонденціи, изъ коихъ Briefe an Lavater, изданныя Гирцелемъ (Лейпцигъ 1833) сообщаютъ намъ картину юношеской его жизни, и Briefwechsel zwischen Göthe und Zelter, 1796-1832, изданный Римеромъ (4 части, Берлинъ 1833), представляя неутомимую духовную дѣятельность его даже на закатѣ его дней, во всей удивительной многосторонности ея, вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываютъ всю

прелесть его души въ изліяніи изящнѣйшихъ чувствъ ввѣряемыхъ дружбѣ. Но все сіе въ совокупности даетъ намъ право утверждать, что особенность духа Гёте, во всемъ величіи и значительности его, проявилась не столько въ продолженіе долговременной дѣятельной его жизни, какъ послѣ его оплакиваемой кончины. Голосъ порицателей его умолкъ вскорѣ, подобно тому какъ замерли уже голоса автора подложныхъ «Годовъ ученія» (1824) и дерзкаго Гловера. Но слава Гёте безсмертна и будетъ постепенно переходить отъ народовъ къ народамъ по лицу всего Земнаго Шара. 40 частей его твореній, изданныхъ самимъ имъ, и 15 томовъ послѣ его кончины, переводятся уже на Французскій и Англійскій языки, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, при видимомъ нынѣ преспѣяніи нашей Русской словесности, вскорѣ возникнутъ и у насъ геніи, способные подарить Русскую публику полнымъ собраніемъ его твореній въ достойномъ ихъ переводѣ.

ГУСТАВЪ АДОЛЬФЪ.

ГУСТАВЪ АДОЛЬФЪ.

ГУСТАВЪ АДОЛЬФЪ.

═

Густавъ II. Адольфъ, великій монархъ Швеціи и спаситель Германіи, былъ сынъ Карла IX, вступившаго на Шведскій престолъ по низложеніи Сигизмунда, и правнукъ Густава Вазы. Онъ родился въ 1594 году въ Стокгольмѣ, и съ самаго дѣтства воспитываемъ былъ съ величайшею тщательностію. Двѣнадцати лѣтъ поступилъ онъ на службу въ армію, а на шестнадцатомъ году управлялъ уже дѣлами, присутствовалъ въ государственномъ совѣтѣ, командовалъ войсками, повиновался какъ солдатъ, трактовалъ какъ министръ, и повелѣвалъ какъ король. По кончинѣ Карла IX, въ 1611 году, государственные чины ввѣрили 18 лѣтнему принцу корону, и объявили его, вопреки существовавшимъ законамъ, совершеннолѣтнимъ, будучи увѣрены, что одними рѣшительными мѣрами можно поддержать королевство, и что регентство привело бы его въ упадокъ и разореніе. По врожденной проницательности, Густавъ Адольфъ вскорѣ узналъ въ Акселѣ Оксеншернѣ, одномъ изъ младшихъ

членовъ государственнаго совѣта, великаго государственнаго мужа, достойнаго довѣренности, и просвѣщеннаго совѣтника, котораго онъ всегда могъ слушать въ самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ. Онъ привязалъ къ себѣ Оксенштерну узами искреннѣйшей дружбы. Данія, Польша и Россія находились тогда въ войнѣ со Швеціею. Густавъ понялъ, что ему невозможно вести войну вдругъ съ тремя столь сильными державами. Посему онъ заключилъ съ Даніею мирный трактатъ (1613), по которому обязался заплатить ей милліонъ талеровъ, и выговорилъ въ пользу свою весьма важныя условія. Послѣ похода противъ Россіи, въ продолженіе котораго, онъ, по собственному своему признанію, усовершенствовался въ стратегическихъ познаніяхъ, видя искусныя распоряженія де-ла-Гарди, Густавъ заключилъ съ Россіею миръ (1617). Войны съ Польшею, не смотря на успѣхи Шведовъ и на завоеваніе ими Лифляндіи, кончились только перемиріемъ на шесть лѣтъ, принятымъ потому, что съ одной стороны оно казалось ему выгоднымъ, а съ другой давало возможность собраться съ силами, для принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ Австріи, глава коей, Императоръ Фердинандъ II, силился увеличить власть свою всѣми средствами, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ непримиримымъ врагомъ протестантовъ. Намѣреніе Императора овладѣть Балтійскимъ Моремъ и приготовиться къ нападенію на Швецію, не подлежало уже ни какому сомнѣнію. Но гораздо бо́льшее побужденіе къ войнѣ съ Австріею, Густавъ Адольфъ находилъ въ борьбѣ между католиками и протестантами. Преданный всѣмъ сердцемъ Лютеранской Религіи, и видя, что равная опасность угрожаетъ и Германской свободѣ и

исповѣдуемой Германцами вѣрѣ, онъ рѣшился спасти и ту и другую. Объявивъ государственнымъ чинамъ, въ сильной и убѣдительной рѣчи, рѣшительное намѣреніе свое, и представивъ имъ со слезами и съ предчувствіемъ, что никогда уже не возвратится въ отечество, дочь свою Христину наслѣдницею престола, онъ учредилъ правительство, удаливъ отъ всякаго соучастія въ немъ любимую супругу свою, изъ нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта, отправился на флотѣ въ 1630 году въ Германію, и высадилъ армію свою, состоявшую изъ 13,800 человѣкъ, въ Помераніи. Подробное описаніе затрудненій, даже со стороны тѣхъ князей и государей, за права и пользу которыхъ онъ частію предпринялъ эту войну; изображеніе той мудрости, возвышенности духа и настойчивости, съ помощію которыхъ восторжествовалъ онъ надъ непостоянствомъ, недовѣрчивостію и слабостію характера защищаемой имъ партіи; тѣхъ героическихъ его подвиговъ, которые онъ совершилъ въ виду собственной и непріятельской арміи, и повѣствованіе о смерти этого непобѣжденнаго вождя, постигшей его 6 Ноября 1632 года на Люценскомъ полѣ, въ сраженіи съ Валленштейномъ, — не могутъ быть помѣщены вполнѣ въ нашихъ краткихъ біографическихъ очеркахъ, сопровождающихъ портреты знаменитыхъ мужей и женъ, украшающихъ эту галерею. Густавъ Адольфъ, принадлежитъ къ первому разряду тѣхъ великихъ смертныхъ, которые, какая бы участь ни постигла ихъ на поприщѣ жизни, всегда являются въ лѣтописяхъ міра благотворными геніями человѣчества, отрадою его и великими орудіями Неисповѣдимаго Промысла, дѣйствующаго ими на судьбы народовъ, и потому мы ду-

маемъ, что нѣсколько страницъ, посвященныхъ краткому очерку современныхъ ему политическихъ происшествій, подвиговъ и несчастной кончины его, также послѣдующей судьбы Шведскаго оружія, не будутъ здѣсь излишни.

Причины Тридцатилѣтней Войны, терзавшей Германію съ 1618 по 1648 годъ невыразимыми бѣдствіями, и бывшей главнымъ поприщемъ дѣятельности Густава Адольфа, таились въ положеніи реформатовъ и въ неопредѣлительности мирнаго трактата о вѣроисповѣданіи, заключеннаго ими въ Аугсбургѣ въ 1555 году съ Карломъ V. Католики и протестанты, въ Германіи, давно уже смотрѣли другъ на друга съ ненавистью, и одно взаимное опасеніе отклоняло между ими войну, готовую вспыхнуть. Но тлѣвшія тайныя искры ея разгорѣлись отъ заключенной въ 1610 году конвенціи, между протестантскими князьями Уніи, которой католики тотчасъ противупоставили такъ называемую Лигу свою, и вскорѣ война открылась въ Богеміи. Евангелическое ученіе, распространившееся постепенно въ наслѣдственныхъ областяхъ Австріи, и утвердившееся тамъ отъ грамматы Императора Рудольфа II (1609), развилось особенно въ Богеміи; послѣдователи его ободрились и еще распространили свободу и права свои. Императорскою грамматою предоставлено было городамъ и рыцарскому состоянію право строить церкви и учреждать школы. Въ одномъ небольшомъ городѣ, Клостерграбѣ, состоявшемъ въ вѣдомствѣ Прагскаго архіепископа, и въ г. Браунау, зависѣвшемъ отъ тамошняго игумена, граждане, исповѣдывавшіе протестантскую религію, построили церкви, вопреки волѣ владѣтелей своихъ. Церковь въ Клостер-

грабѣ была сломана, а въ Браунау закрыта по повелѣнію Императора. Протестанты обратились къ нему съ просьбою противъ этой мѣры, но получили въ отвѣтъ однѣ угрозы. Между тѣмъ пронесся слухъ, что Императоръ объ этомъ отвѣтѣ, данномъ отъ имени его, ничего не знаетъ, и что онъ сочиненъ въ Прагѣ. Мая 23 дня, 1618 года, императорскіе совѣтники собрались, по обыкновенію, къ засѣданію въ королевскомъ замкѣ въ Прагѣ, и тутъ вошли къ нимъ внезапно вооруженные депутаты протестантскаго земства, и требовали свѣдѣнія, кто изъ гг. совѣтниковъ принималъ участіе въ сочиненіи императорскаго отвѣта. И такъ какъ два совѣтника, и безъ того ненавидимые народомъ, отвѣчали при семъ случаѣ обидными выраженіями, то ихъ схватили и выбросили изъ оконъ въ ровъ за̀мка; къ счастію, упали они на кучи сора, сметенныя подъ окнами, и не убились до смерти. Послѣ сего протестанты овладѣли за̀мкомъ, изгнали іезуитовъ, которыхъ Богемскіе чины считали причиною претерпѣваемыхъ ими угнетеній, и подстрекаемые тщеславнымъ Графомъ Турнскимъ, вооружились. Унія не преминула послать Богемскихъ единовѣрцамъ корпусъ вспомогательнаго войска, подъ предводительствомъ храбраго Графа Мансфельда. Императоръ, съ своей стороны, подвинулъ на Богемію армію свою. Среди сихъ волненій скончался Императоръ Матіасъ (10 Марта 1619). Преемника его, избраннаго въ званіе Римскаго Императора подъ именемъ Фердинанда II, котораго протестанты почитали непримиримымъ врагомъ своимъ, Богемцы не признали королемъ, и предложили Богемскую корону Курфирсту Пфальцскому, Фридриху V (реформату), который согласился принять ее по убѣдительной

просьбѣ тщеславной своей супруги. Въ слѣдующемъ году все это вдругъ измѣнилось. Войска лигистовъ одержали на Бѣлой Горѣ, подъ Прагою, рѣшительную побѣду (8 Ноября 1620). Король вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, и Богемское возмущеніе кончилось совершеннымъ покореніемъ тамошнихъ протестантовъ. Фердинандъ II исключилъ Фридриха V изъ имперскаго союза, и паденіе его казалось тѣмъ неизбѣжнѣе, что устрашенная Унія сама собою прекратилась. Курфиршество Пфальцское занято было Баварскими и Испанскими войсками, и хотя два храбрые мужа, Графъ Петръ Эрнстъ Мансфельдъ и Герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій, поспѣшили туда на помощь съ войсками своими, содержавшими себя одними контрибуціями, но Пфальцъ вскорѣ былъ занятъ большою имперскою арміею. Между тѣмъ отдача Пфальцскаго Курфиршества Баварскому Герцогу Максимиліану (1623), ревностному поборнику Императора, отъ чего католическая партія получила большой перевѣсъ въ курфиршескомъ совѣтѣ, и успѣхи Баварскаго генерала Тилли на границахъ Нижне-Саксонскихъ, на коихъ онъ остановился, не смотря на то, что непріятелей уже не существовало, и гдѣ занимался онъ одними дѣлами Протестантской Церкви, изгонялъ лютеранъ и дѣлалъ разныя другія насилія, пробудили наконецъ отъ сна князей сего послѣдняго округа. Соединясь съ Датскимъ Королемъ и Герцогомъ Гольстинскимъ Христіаномъ IV, они вооружились. Съ другой стороны Баварская рать усилилась арміею Валленштейна, (возведеннаго въ послѣдствіи въ званіе Герцога Фридландскаго), набранною имъ на собственное иждивеніе, и оставлявшею по себѣ слѣды ужаснѣйшихъ опустошеній. Датскій Ко-

роль, въ 1626 году, былъ разбитъ наголову при Барембергѣ, генераломъ Тилли, и наконецъ нашелся вынужденнымъ подписать въ 1629 году, въ Любекѣ, постыдный мирный трактатъ, которымъ обязался никогда болѣе не вмѣшиваться въ государственныя дѣла Германіи. Послѣ сего Императоръ явился неограниченнымъ повелителемъ Германіи, и протестанты казались, совершенно погибшими. Доказательствомъ тому служитъ реституціонный актъ 1629 года, въ силу котораго всѣ церковныя имѣнія, пріобрѣтенныя протестантами съ 1555 года, слѣдовало возвратить католическому духовенству. Но въ самое это время явился въ Германіи Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, къ которому прибѣгнулъ еще въ 1628 году городъ Стральзундъ, осажденный Валленштейномъ съ 100,000 войска. Его же умоляли о помощи и погибавшіе протестанты. Обиженный нѣсколько разъ Императоромъ, и пламенѣя чистѣйшею любовію къ Вѣрѣ своей, онъ, какъ сказано выше, высадилъ 24 Іюня 1630 года, 13,800 чел. войска въ Померапіи. Эта малочисленная армія вскорѣ увеличилась. Во всѣхъ встрѣчахъ опрокидывалъ онъ Австрійскія ополченія, и преслѣдовалъ ихъ. Увеличивъ силы свои союзомъ съ Франціею и съ нѣкоторыми Нѣмецкими князьями, которыхъ частію онъ долженъ былъ принудить къ тому силою, какъ напримѣръ Курфирстовъ Саксонскаго и Бранденбургскаго, и разбивъ наголову 7 Сентября 1631 года, армію генерала Тилли подъ Лейпцигомъ, онъ пронесъ побѣдоносныя знамена свои по всей Германіи до самаго Рейна, а потомъ по Баваріи до границъ Австрійскихъ. Эти быстрые успѣхи сѣвернаго Короля, побѣды, одержанныя имъ и союзными съ нимъ полководцами, и вторженіе Шведскихъ

войскъ въ Саксонію и Богемію, привели императора и католическую Лигу въ величайшее замѣшательство; но сколь ни велики были побѣды и успѣхи Густава Адольфа, онъ не могъ спасти Магдебурга: Тилли взялъ его приступомъ и совершенно разорилъ (1631). Послѣ сего Густавъ Адольфъ освободилъ протестантовъ въ Франконіи отъ имперскихъ войскъ, взялъ Майнцъ, занялъ Курфиршество Пфальцское и вторгся въ Баварію. Въ то же самое время Курфирстъ Саксонскій проникъ въ Богемію, и овладѣлъ Прагою. Императоръ опасался уже осады Вѣны. Тилли вторгся между тѣмъ въ Баварію. Въ такомъ положеніи находились дѣла протестантовъ въ Германіи въ то время, когда Валленштейнъ, уволенный съ арміею своею, по настоятельной просьбѣ государственныхъ чиновъ въ Регенсбургѣ, за чрезвычайныя его опустошенія и грабежи, и надмѣнная гордость котораго смягчилась наконецъ неотступными и унизительными просьбами Фердинанда, явился опять на поприщѣ войны съ ужасною арміею своею, облеченный неограниченною властію. Появленіе его вынудило Густава Адольфа оставить Баварію, и искать сраженія съ этимъ сильнымъ соперникомъ. Обѣ арміи столкнулись при Нюренбергѣ. Не взирая на высокомѣрныя слова, произнесенныя Валленштейномъ при осмотрѣ войскъ, гдѣ онъ сказалъ, что въ теченіе трехъ дней рѣшится вопросъ, кто изъ нихъ двухъ, т. е. онъ ли, или Густавъ Адольфъ, будетъ повелителемъ Свѣта, онъ не принялъ сраженія, предлагаемаго Густавомъ Адольфомъ, и спокойно стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ своемъ, на который Шведы тщетно производили аттаку. Не прежде, какъ 6 Ноября 1632 года, послѣдовало на Люценскомъ полѣ кро-

вопролитное сраженіе, въ которомъ, какъ уже выше сказано, Король купилъ жизнію побѣду, не совершенно рѣшительную. Смерть его имѣла бы несчастнѣйшія послѣдствія для протестантовъ, если бъ великій канцлеръ его Оксеншерна не успѣлъ заключить, послѣ благоразумныхъ переговоровъ, новаго союза между Нѣмецкими князьями, если бы храбрые вожди, Герцогъ Бернгардъ Веймарскій и генералъ Густавъ Горнъ, не заставили чтить Шведское оружіе во всей Германіи, а Валленштейнъ не показалъ той нерѣшимости, которая заставила Императора подозрѣвать его въ измѣнѣ. Онъ былъ убитъ, какъ измѣнникъ, въ Эгерѣ, въ 1634 году. Кровавое сраженіе, послѣдовавшее въ томъ же году при Нердлингенѣ, измѣнило вдругъ положеніе дѣлъ. Послѣ этого сраженія, Курфирстъ Саксонскій долженъ былъ оставить, въ силу Прагскаго мира, сторону протестантовъ, и вооружиться даже противъ нихъ, и получилъ Лузацію въ вознагражденіе за претерпѣнныя Саксоніею разоренія. Такъ какъ многіе изъ государственныхъ чиновъ приняли этотъ договоръ, то Шведамъ оставалось только одно средство къ спасенію — тѣснѣйшій союзъ съ Франціею. Но положеніе ихъ не только поправилось послѣ побѣдоноснаго похода Бернгарда Веймарскаго, кончившаго въ продолженіе похода жизнь свою, и послѣ счастливаго предпріятія Баннера, вторгшагося опять въ Богемію, но и поставило ихъ на высокую степень значительности, которая однако же начала опять уменьшаться въ 1640 году; но тутъ Торстенсонъ внезапно и съ удивительною скоростію перенесъ Шведскія знамена отъ одного конца Германіи до другаго; потрясъ Австрійскую монархію; смирилъ кичливость Датскаго

Короля, и утвердилъ славу Шведскаго оружія, поддерживаемую до сего времени однимъ Врангелемъ. Не прежде какъ по смерти Герцога Бернгарда Веймарскаго, Франція приняла рѣшительное участіе въ этой войнѣ, и хотя сія держава сначала не отличалась большими успѣхами, и въ 1643 году потерпѣла даже пораженіе при Дутлингенѣ, но послѣ того Тюреннь и Конде одержали блистательныя побѣды надъ императорскими и Баварскими войсками. Наконецъ Фердинандъ III, (ибо Фердинандъ II, скончался уже въ 1637 году) нашелся вынужденнымъ заключить въ Мюнстерѣ и Оснабрикѣ, въ Вестфаліи, 24 Октября 1648 года, миръ, о которомъ уже въ продолженіе семи лѣтъ было трактовано, и который извѣстенъ подъ названіемъ Вестфальскаго, или Мюнстерскаго мира. Этотъ миръ, за который поручилась Швеція и Франція, доставилъ протестантамъ почти равныя права съ католиками; вмѣстѣ съ тѣмъ остались за ними и церковныя имѣнія, бывшія въ рукахъ ихъ съ 1624 года. Франція получила Эльзасъ съ епископствами Мецкимъ, Тульскимъ и Верденскимъ, а Швеція Герцогства Бременское и Ферденское, часть Помераніи и Висмаръ. Въ томъ же мирномъ трактатѣ признаны республиками Швейцарскій Союзъ и Нидерланды. Безъ великодушнаго самопожертвованія Густава Адольфа не послѣдовало бы такихъ благотворныхъ преобразованій въ политическомъ положеніи Германіи, и въ ней не просіяло бы то просвѣщеніе, которое нынѣ благословляютъ народы. Безсмертный въ Нѣмецкой словесности Шиллеръ написалъ краткую Исторію Тридцатилѣтней Войны. Вольтманову Исторію Вестфальскаго мира можно считать весьма хорошимъ продолженіемъ Шиллерова труда.

Обратимся къ вѣнценосному герою Тридцатилѣтней Войны, благородныя черты котораго изображены въ приложенномъ изящномъ портретѣ, и вѣрно возбудили полное участіе къ нему каждаго изъ нашихъ читателей. Подробности обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть его, неизвѣстны. О нихъ носились и носятся даже понынѣ разсказы; вѣроятно, онъ палъ въ пылу сраженія отъ руки сопровождавшаго его мнимаго друга; но все это не положительно, не достовѣрно. Желающимъ сравнить всѣ эти разсказы и извлечь изъ нихъ любое заключеніе, совѣтуемъ прочитать: *Сраженіе при Брейтенфельдѣ и сраженіе при Люценѣ,* сочиненіе К. Курта (Лейпцигъ и Альтенбургъ, 1814). Кожаный колетъ Густава Адольфа, облитый кровію, отправленъ былъ въ Вѣну, гдѣ онъ и понынѣ хранится, а трупъ его отвезенъ былъ Бернгардомъ Веймарскимъ въ Вейсенфельсъ, и отданъ Королевѣ. Сердце его сохраняется въ церкви мѣстечка Мейхенъ, въ странѣ, за которую пожертвовалъ онъ жизнію, а останки въ королевскомъ склепѣ въ Стокгольмѣ. Память его останется въ Германіи навѣки священною и незабвенною. За свободу ея онъ сразился и положилъ голову. Онъ палъ на полѣ чести, какъ великій государь, какъ герой непобѣжденный, какъ мужъ любившій человѣчество, какъ правитель мудрый, кроткій и благочестивый, увѣковѣчившій имя свое и воинскою доблестію и всѣми гражданскими добродѣтелями.

РАФАЭЛЬ.

РАФАЭЛЬ.

РАФАЭЛЬ.

Рафаэль Санціо, или де Санти, величайшій живописецъ новѣйшаго періода искусствъ, родился въ Урбинѣ, въ Страстную Пятницу, 7-го Апрѣля 1520 года. Образъ Мадонны съ Младенцемъ, написанный юнымъ Рафаэлемъ на наружной стѣнѣ отцовскаго дома, съ которой онъ въ послѣдствіи былъ выпиленъ съ самою стѣною, и поставленъ во внутренности покоя, убѣдилъ отца его, Джованни Санціо, посредственнаго живописца, умершаго 1 Августа 1494 года, что уроки, даваемые имъ сыну въ живописи, уже недостаточны для усовершенствованія его въ искусствѣ, и потому онъ рѣшился отдать мальчика въ школу одного изъ лучшихъ живописцевъ тогдашняго времени. Піетро Перуджино, по убѣдительной просьбѣ Рафаэлева отца, принялъ его въ число учениковъ своихъ. Рафаэль вскорѣ превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей, и усвоилъ себѣ искусство самого учителя до такой степени, что наконецъ рѣдко кто могъ различать ихъ произведенія.

Это доказывается первыми извѣстными картинами Рафаэля, напримѣръ: Вѣнчаніемъ Св. Николая Толентинскаго, Распятіемъ Спасителя между двухъ Ангеловъ, Святымъ Семействомъ, Благовѣщеніемъ Богородицы, и въ особенности Вѣнчаніемъ Мадонны, написаннымъ для монастыря Св. Франческа въ Перуджіи; всѣ эти картины написаны, когда ему было только отъ 15 до 18 лѣтъ; тогда же онъ написалъ и собственный портретъ свой, съ котораго снята приложенная гравюра. Въ это самое время, одному изъ школьныхъ товарищей его, Пентурикіо, поручено было расписать залу библіотеки въ соборной церкви Сіенской. Пенторикіо попросилъ Рафаэля помочь ему. Онъ согласился, и уже заготовилъ было большую часть картоновъ для этой работы, какъ вдругъ узналъ, что во Флоренціи публично выставлены картоны Микель-Анджела и Леонарда да Винчи. Ему захотѣлось посмотрѣть эти картоны, и онъ тотчасъ отправился во Флоренцію. Но не однѣ картины, самый городъ Флоренція, тогдашняя столица всего превосходнаго и изящнаго, произвели на юную душу его сильное впечатлѣніе; столько же полезно для него было знакомство съ разными молодыми, но значительными художниками Флоренціи. Если біографы Рафаэля не утверждаютъ, что онъ изучилъ во Флоренціи произведенія знаменитыхъ живописцевъ, каковы суть: Чимабуэ, Массаччіо, Джотта, Вероккіо, Гиберти, по примѣру Микель-Анджела и Леонарда да Винчи, то нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ни какого сомнѣнія, что онъ видѣлъ и разсматривалъ ихъ со вниманіемъ и художественнымъ окомъ. Эта догадка подтверждается картиною, написанною имъ тогда во Флоренціи: «Мадонна со Младенцемъ,» находящеюся въ трибунѣ Фло-

рентинской, и столь превозносимою Вазаріемъ. Кончина родителей Рафаэля побудила его поспѣшить обратно на родину, въ городокъ Урбино, гдѣ тотчасъ занялся онъ приведеніемъ въ порядокъ домашнихъ дѣлъ, а между тѣмъ, въ часы отдохновенія, создалъ нѣсколько картинъ, напримѣръ: двѣ Мадонны, Св. Михаила (находится нынѣ въ Парижѣ), молящагося Спасителя въ вертоградѣ (въ Парижѣ), а въ 1504 году бракосочетаніе Маріи (lo Sposalizio, нынѣ въ Миланѣ). Приверженность къ Перуджіи, которую почиталъ онъ второю родиною своею, ибо здѣсь развилось его дарованіе, вскорѣ побудила его отправиться въ этотъ городокъ. Здѣсь утвердилъ онъ славу свою нѣсколькими картинами: Мадонною, написанною для церкви Frati de Servi, одною Mater dolorosa, надъ которою во второмъ экземплярѣ изобразилъ онъ Бога Отца (находящуюся нынѣ во дворцѣ Колонна, въ Римѣ), и сверхъ другихъ картинъ, одною огромною, представляющею Спасителя и Бога Отца, окруженныхъ нѣсколькими святыми угодниками, въ маломъ монастырѣ Камальдуленцевъ. Эта картина написана имъ альфреско, и есть первый опытъ его въ этомъ родѣ живописи.

Сильное стремленіе къ усовершенствованію себя въ искусствѣ побудило его вновь отправиться во Флоренцію, гдѣ и продолжалъ онъ изучать произведенія старыхъ мастеровъ и, познакомясь съ Фра Бартоломео, положилъ твердое основаніе своему колориту. Вообще кажется, что онъ все время пребыванія своего во Флоренціи посвятилъ своему усовершенствованію, ибо кромѣ нѣсколькихъ портретовъ и картона *Положенія во гробъ*, онъ ничего другаго во Флоренціи не написалъ. Самую же картину съ этого картона онъ исполнилъ

въ Перуджіи, откуда она перешла наконецъ во дворецъ Боргезскій, въ Римѣ. Она чудесна по композиціи, по рисовкѣ и выразительности. Ея никто не превзошелъ и понынѣ. По окончаніи вѣковой картины, Рафаэль отправился во Флоренцію въ третій разъ, и вновь предался изученію таинствъ; по крайней мѣрѣ такъ должно предполагать, ибо въ продолженіе пребыванія своего во Флоренціи, онъ создалъ только ту превосходную Мадонну (въ Парижѣ), которая извѣстна подъ названіемъ La bella Giardiniera, и другую, окруженную святыми отцами (въ Брюсселѣ); обѣ картины окончены однако же не самимъ Рафаэлемъ. Частыя посѣщенія Флоренціи имѣли благотворное вліяніе не только на самого Рафаэля, но и на всю новѣйшую эпоху искусства. Въ твореніяхъ Джирландаіо и Массаччіо, онъ нашелъ высшую цѣль стремленія своего: величіе стиля въ формахъ, контурахъ и ризахъ. Обладая уже всѣми преимуществами знаменитѣйшихъ художниковъ Романьи, онъ во Флоренціи усвоилъ себѣ еще всѣ преимущества Флорентинской Школы, и вотъ почему никогда не переставалъ питать къ ней величайшее уваженіе. Знáкомъ этого уваженія можетъ служить между прочимъ и то, что онъ въ *Ложахъ* своихъ изобразилъ съ величайшею точностію двѣ фигуры кисти Массаччіо; ихъ и понынѣ можно видѣть въ церкви Кармелитовъ, во Флоренціи, а именно Адама и Евву, изгоняемыхъ ангеломъ изъ рая. Между тѣмъ Папа Юлій II осуществилъ, посредствомъ зодчаго, Браманте, первую идею построенія Собора Св. Петра, и украшенія Ватиканскаго дворца. По докладу Браманте, Папа приказалъ пригласить Рафаэля въ Римъ, и принялъ его съ отличною благосклонностію;

всѣ Римскіе художники оказали ему также величайшее уваженіе. Здѣсь, во второмъ покоѣ возлѣ большой Константиновской залы, извѣстной подъ названіемъ Stanza della Segnatura, изобразилъ онъ, на каменной стѣнѣ, диспутъ или преніе Святыхъ отцевъ. Между этою картиною и Положеніемъ во гробъ, примѣчается нѣкоторое сходство; но подобныхъ повтореній въ последующихъ твореніяхъ Рафаэля уже нигдѣ не видно. Въ групировкѣ фигуръ и въ стилѣ онъ послѣдовалъ въ этомъ случаѣ предшественникамъ своимъ. Но Преніе исполнено гораздо отчетливѣе всѣхъ ихъ произведеній. Въ картинѣ все поражаетъ невыразимымъ удивленіемъ: повсюду видимъ жизнь, движеніе, дѣйствіе; характеры выдержаны какъ нельзя лучше, и каждая черта кисти исполнена души и мысли.

Если раздѣлимъ творенія Рафаэля на нѣсколько періодовъ, и отнесемъ къ первому картины, писанныя по правиламъ Перуджина, а ко второму всѣ, созданныя имъ въ Урбинѣ, во Флоренціи и т. д., то въ *Преніи* увидимъ переходъ его къ третьему роду, который проявляется еще гораздо рѣшительнѣе во второй главной картинѣ, написанной въ томъ же покоѣ, т. е. въ *Аѳинской Школѣ*. Эта картина, написанная послѣ третьей въ томъ же покоѣ, т. е. послѣ *Парнасса*, выражаетъ болѣе свободы въ исполненіи, болѣе мужественности и силы. Папа такъ высоко цѣнилъ Рафаэля, что повелѣлъ истребить въ Ватиканѣ почти всѣ картины альфреско другихъ живописцевъ, и поручилъ Рафаэлю расписать покои вновь. Рафаэль немедленно приступилъ къ исполненію, и, вмѣсто истребленныхъ живописей, написалъ аллегорическія фигуры *Теологіи*, *Философіи*, *Правосудія* и *Поэзіи*, а въ углахъ плафона,

*

сообразуясь всегда съ главными изображеніями: *Паденіе Адама, Астрономію, Аполлона* и *Марсія*, и *Соломоновъ Судъ;* на четвертой же главной стѣнѣ покоя, надъ окнами: *Благоразуміе, Умѣренность* и *Силу*, изобразивъ ихъ Юстиніаномъ, вручающимъ Римское Право Трибоніану; Папою Григоріемъ III, подающимъ декреталіи консисторіальному адвокату, и Моисеемъ, въ аллегорическомъ вооруженномъ видѣ. Въ 1511 году, всѣ изображенія въ первой станцѣ были окончены. Послѣ сего, по увѣренію Вазарія, Рафаэль написалъ еще нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ, но столь же превосходныхъ изображеній альфреско, напримѣръ: *Исаію* въ церкви Св. Августина, *Пророковъ* и *Пророчицъ* въ церкви Св. Богоматери Миротворицы (del Pace) и извѣстную *Мадонну-ди-Фолиньо,* въ Ватиканѣ. Съ какою исполинскою силою Рафаэль возвышался въ изящномъ стилѣ своемъ, доказываетъ слѣдующая его картина въ станцахъ, изображающая *изгнаніе Иліодора* изъ храма. Здѣсь стиль живописи важнѣе и возвышеннѣе, смѣлѣе и отважнѣе, а исполненіе дышитъ вдохновеніемъ. Послѣ *Иліодора* написалъ онъ, при новомъ Папѣ Львѣ X, *Аттилу*, принужденнаго Львомъ Великимъ къ отступленію отъ Рима; *освобожденіе Св. Апостола Петра изъ темницы*, а на плафонѣ этой станцы изобразилъ онъ *Моисея въ купинѣ, Построеніе ковчега, Жертвоприношеніе Исаака,* и *Сонъ Іакова.* Въ то же самое время написалъ онъ масляными красками извѣстную Мадонну del pesce (въ Эскуріалѣ), которая въ Парижѣ снята съ доски и перенесена на холстъ; столь же превосходную *Св. Цецилію* (въ Болоньѣ), оконченную Джуліемъ Романо, *Святое Семейство,* названное la Perla (въ Эскуріалѣ), *Сонъ Эзекіиля* (во Флоренціи), нѣсколько

Мадоннъ, а въ числѣ ихъ и извѣстную подъ названіемъ Impannata; *Несеніе креста,* извѣстное подъ названіемъ lo Spasimo di Sicilia (въ Мадридѣ), *Спасителя съ сіяніемъ,* окруженнаго Святыми, li cinque Santi, *собственный свой портретъ* (въ Мюнхенѣ), *портретъ Льва X* (въ Парижѣ) и р. д. — Альбрехтъ Дюреръ, увлеченный славою Рафаэля, предложилъ ему письменно дружбу свою, и доставилъ ему картины и портретъ свой, имъ самимъ гравированные, и получилъ отъ Рафаэля въ подарокъ нѣсколько оригинальныхъ рисунковъ. Картиною *Пожара* (Incendio del Borgo), *потушеннаго Львомъ,* начинается третія станца въ Ватиканѣ. Эта картина признана мастерскимъ произведеніемъ Рафаэля, какъ по силѣ и истинѣ выраженія, такъ и по красотѣ формъ и группировки. Послѣ нея написалъ онъ *Вѣнчаніе Карла Великаго, Оправданіе Льва III предъ Карломъ и Львомъ IV,* и *Побѣду надъ Сарацинами при Остіи,* въ исполненіи которой помогали ему его ученики. Потомъ окончилъ онъ Брамантіевы ложи въ Ватиканѣ, т. е. галереи, которыя соединяютъ покои дворца, и начерталъ рисунки для живописи и лѣпныхъ работъ. Изъ числа первыхъ, исполнилъ онъ самъ только четыре, прочія же написаны ученикомъ его Джуліо Романо, а лѣпныя украшенія совершены подъ руководствомъ его, Іоанномъ Удинскимъ. Такимъ образомъ положилъ онъ вѣнецъ на всѣ произведенія искусства, и его творенія до позднѣйшихъ временъ пребудутъ образцовыми для всѣхъ художниковъ, а Ватиканскій дворецъ содѣлываютъ святынею изящныхъ художествъ. Папа, восхищенный превосходствомъ Рафаэлевыхъ произведеній, поручилъ ему украсить еще одну залу въ Ватиканѣ изображеніемъ Святыхъ Апостоловъ; возвелъ его въ

званіе главнаго инспектора всѣхъ художественныхъ сокровищъ дворца, и осыпалъ почестями. Въ этомъ періодѣ жизни своей, Рафаэль произвелъ еще много другихъ превосходныхъ работъ, начерталъ планы для нѣсколькихъ дворцевъ, построенныхъ въ Римѣ и въ другихъ Италіянскихъ городахъ, и окончилъ *Мадонну* для церкви Св. Сикста въ Піаченцѣ, которая, безспорно, одно изъ лучшихъ произведеній его кисти, и находится теперь въ Дрезденѣ. Копія съ этой превосходной картины находится въ Аббатствѣ Св. Аманда, въ Руанѣ, а съ оригинала снята безподобная гравюра Шульцомъ и Фридрихомъ Мюллеромъ. Величіе, важность и возвышенность картины, соединенныя съ привлекательностію, кротостію и изящностію, неподражаемы. Къ тому же періоду жизни Рафаэля принадлежатъ еще слѣдующія его картины: *Св. Михаилъ* (въ Луврѣ), портреты *Беатричи Феррарской; Любовницы его Форнарины; Корондолета* (въ Англіи); *Графа Кастильоне;* прекрасной *Іоанны Арагонской* (оба въ Парижѣ); съ послѣднихъ существуютъ превосходныя копіи, которыя нерѣдко слывутъ за оригиналы. Къ этому же числу принадлежатъ еще картины, писанныя альфреско въ виллѣ Фарнезинѣ, представляющія въ 12 изображеніяхъ *жизнь Психеи* и *Галатею* (за исключеніемъ послѣдней, всѣ прочія исполнены по рисункамъ его, его учениками); также 38 картинъ, представляющихъ сцены, тоже изъ *жизни Психеи,* но совершенно отличныя отъ первыхъ, и *Мадонна della Seggiola* (въ Парижѣ). Вѣроятно, послѣ этихъ произведеній, созданы Рафаэлемъ, для Августина Шиги, рисунки для украшенія придѣла въ Церкви Св. Маріи-дель-Пополо, а для Папы Льва X прославленные во всемъ мірѣ *картоны* для обой одного

покоя въ Ватиканѣ. Г-нъ Лухмановъ, въ Москвѣ, имѣетъ въ рукахъ своихъ эти *картоны;* другіе утверждаютъ, что оригиналы ихъ находятся въ Англіи. Для украшенія масляною живописью четвертой станцы, а именно Константиновой залы, Рафаэль оставилъ по себѣ только нѣсколько рисунковъ, изъ коихъ лучшій представляетъ *Сраженіе Константина съ Максентіемъ;* ими воспользовались Джуліо Романо и другіе ученики его, которымъ поручено было исполнить эту работу. Но кажется, что и въ этой залѣ написаны его кистью картины, представляющія *Правосудіе* и *Ласку*. Точно такъ принадлежатъ, къ тому же періоду трудовъ его, и нѣсколько отдѣльныхъ картинъ, напримѣръ: *Св. Іоаннъ въ пустынѣ* (экземпляры котораго, почти совершенно между собою схожіе и почти равные въ достоинствѣ своемъ, находятся во Флоренціи, Лондонѣ, въ галереѣ Герцога Орлеанскаго, въ Вѣнѣ и Дармштадтѣ, такъ что никакъ невозможно положительно опредѣлить, который изъ нихъ оригинальный); *Мадонна съ младенцемъ,* котораго ангелы осыпаютъ цвѣтами, и *Св. Маргарита. Преображеніе* — послѣдняя картина, написанная Рафаэлемъ, нынѣ находится опять въ Ватиканѣ. Хотя критика и порицаетъ ее за то, что она представляетъ два главныя предмета, и состоитъ слѣдовательно изъ двухъ картинъ; но знатоки и весь образованный міръ, соглашаются, что *Преображеніе* есть совершеннѣйшее и изящнѣйшее произведеніе новѣйшаго христіанскаго искусства. Композиція такъ благородна, рисовка такъ правильна, выраженіе такъ возвышенно и важно, въ характерахъ такъ много разнообразія, а колоритъ такъ прекрасенъ, истиненъ и силенъ, что картина превосходитъ совершенствомъ своимъ всѣ прочія

произведенія Рафаэля во всѣхъ отношеніяхъ. Читатели наши, надѣемся, не посѣтуютъ за сообщеніе имъ вновь (*) описанія этой чудесной картины, предъ которою я часто благоговѣлъ въ Луврской галереѣ, въ продолженіе пребыванія моего въ Парижѣ, въ 1808, 1809 и 1810 годахъ. Тогда украшала и она огромную святыню искусствъ (Galerie du Louvre), въ которой, по велѣнію Наполеона, собраны были изящнѣйшія произведенія, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ.

«*Христосъ*, въ сіяніи небеснаго свѣта, съ распростертыми руками, съ возвышеннымъ къ небу взоромъ, выражающимъ сердечное умиленіе, и облеченный величественною бѣлою ризою, представленъ поднявшимся съ земли, и парящимъ надъ вершиною Ѳавора. При немъ Илія и Моисей, взирающіе на него съ благоговѣйнымъ восторгомъ. Три апостола, пришедшіе съ нимъ на вершину горы, объятые внезапнымъ изумленіемъ, пали ницъ. Положеніе ихъ выражаетъ съ неподражаемою истиною всю нестерпимость яркаго свѣта, ослѣпляющаго глаза ихъ. Эта величественная сцена, занимающая верхнюю половину картины, въ такой степени очаровываетъ зрителя, что онъ переносится воображеніемъ въ блаженныя обители спокойствія и мира. Въ особенности видъ Спасителя возбуждаетъ величайшее удивленіе. Онъ, какъ идеалъ величія, паритъ, кажется, совершенно отдѣльно отъ картины въ воздухѣ, и самое пылкое воображеніе не можетъ желать ничего совершеннѣйшаго. Риза Спасителя, бѣлѣе снѣга, со-

(*) Сіе описаніе помѣщено мною и въ 19 тетради II. части Всемірной Панорамы моей.

вершенно прозрачная и какъ будто сотканная изъ эѳира; вдохновенное положенiе головы и рукъ, невыразимо трогательное выраженiе сердечной кротости и благости, сiяющихъ въ божественныхъ чертахъ Его, свѣтотѣнь, выказывающая во всей обворожительности неподражаемое искусство художника, контрастъ столь многихъ совершенствъ со строгимъ видомъ и почтенными ликами обоихъ Пророковъ, и съ выраженiемъ благоговѣнiя и страха, видимаго въ чертахъ и позѣ трехъ Апостоловъ, и наконецъ небесный тонъ, разлитый по всему цѣлому, все это производитъ на душу созерцателя одно изъ глубочайшихъ и неизъяснимыхъ впечатлѣнiй. Но оставимъ вершину Ѳавора, и обратимъ взоры наши на нижнюю часть картины. Какая тутъ противуположность сценъ! Вверху, изображенiе небеснаго блаженства и божественнаго величiя; а здѣсь, бѣдствiе угнетеннаго человѣчества, агонiя афектовъ, безпомощность и отчаянiе! Бѣснующiйся, осьми или девяти-лѣтнiй отрокъ, приведенъ родственниками его къ девяти Апостоламъ, ожидающимъ сошествiя Спасителя съ Ѳавора. Въ самомъ первомъ планѣ вы видите прекраснѣйшую жену, старшую сестру бѣснующагося, падшую на колѣни, и просящую помощи для брата своего у одного Апостола, который, сидя противъ нея на пнѣ, взглядываетъ на нее съ изумленiемъ, и оставляетъ книгу, чтенiемъ которой онъ, кажется, занимался. Младшая сестра, прекрасная какъ Дiана, но проникнутая горестью и печалiю, говоритъ съ ближайшимъ Апостоломъ, которому внимаютъ три другiе; между ими отличается младшiй, Iоаннъ. Отецъ несчастнаго отрока, почтенный старецъ, сердечная горесть котораго выражается въ чертахъ его, обращается съ

просьбою о помощи къ одному изъ учениковъ Христовыхъ, поражающему своимъ величіемъ. Упованіе на божественную силу Учителя ясно говоритъ на челѣ его; онъ показываетъ лѣвою рукою на вершину горы, а отверзтыя уста его, произносятъ, кажется, утѣшительныя слова для скорбящаго отцовскаго сердца: «возвратясь съ Ѳавора, Господь тебѣ поможетъ!» — Всѣ прочіе Апостолы, представленные въ выразительныхъ видахъ, совѣщаются, кажется, о невозможности помочь несчастному семейству, до возвращенія Господня. Чувства горести, происходящей отъ убѣжденія въ этой невозможности, выражается на всѣхъ лицахъ, какъ главный афектъ, и взоры, ихъ исполненные соболѣзнованія, обращены на группу, окружающую бѣснующагося, котораго держитъ сзади подъ мышцы человѣкъ пожилой, но дюжій; лице его выражаетъ ужасъ и напряженіе силъ. Несчастный отрокъ, почти полунагой, силится и корчится, мучимый невыразимою болью судорогъ; въ бѣшенствѣ своемъ онъ вытягивается, и, бросая вокругъ себя ужасные взоры, старается освободиться и повергнуться въ отчаяніи на землю. Члены его вывихнуты, и кажется, что кости готовятся оставить тѣло, покрытое блѣдностью мертваго трупа. И при всемъ томъ, живописецъ, поставивъ это несчастное существо среди печальнаго его семейства, среди двухъ нѣжныхъ, прекрасныхъ сестеръ, возлѣ отца съ невыразимымъ выраженіемъ соболѣзнующей любви, и возлѣ родственниковъ съ заплаканными глазами, выражающими живѣйшее сердечное участіе, умѣлъ подчинить въ душѣ созерцателя ужасъ сожалѣнію, и взоры его покоятся безъ отвращенія на фигурѣ, отъ которой, если бы она стояла отдѣльно, одна, онъ вѣрно отвратился

бы съ ужасомъ. Эта картина, безъ сомнѣнія, есть высшее торжество искусства.» — Глава Спасителя, въ которой художникъ соединилъ всю изящность искусства съ возвышеннѣйшею божественною красотою, была послѣднею его работою. Заболѣвъ горячкою, онъ скончался въ цвѣтущемъ возрастѣ, 37 лѣтъ отъ роду. Невыразимая горесть объяла всѣхъ жителей Рима, при полученіи извѣстія о его смерти, а ученики его приходили въ отчаяніе. Они лишались въ немъ отца и друга, радушное сердце коего всегда одушевляло ихъ стремленіемъ къ высокому искусству. Трупъ его былъ выставленъ въ его ателье на великолѣпномъ катафалкѣ; передъ нимъ была поставлена едва конченная картина, *Преображеніе Господне;* а по прошествіи нѣсколькихъ дней, погребли его въ Церкви Маріи-делла-Ротонда (въ Пантеонѣ древнихъ Римлянъ). Безчисленное множество людей всѣхъ состояній сопровождали печальное шествіе. — На томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ его, и гдѣ Карло Маратто поставилъ бюстъ безсмертнаго художника, изваянный скульпторомъ Пальдини съ надписью кардинала Бембо:

Ille hic est Raphael, timuit quo sospite vinci
Rerum magna parens et moriente mori,

въ Сентябрѣ 1833 года вырытъ былъ изъ земли неповредившійся еще скелетъ его, для опроверженія принятаго мнѣнія, будто бы въ Санъ-Лукской Академіи хранится его черепъ; потомъ останки его были вновь погребены съ большою церемоніею. По прошествіи 300 лѣтъ послѣ смерти его, а именно 7 Апрѣля 1820 года, празднованъ былъ день рожденія его съ большимъ торжествомъ въ Мюнхенѣ, Майнцѣ и Берлинѣ, см.

«Rede bey der Gedächtnißfeyer Rafaels» (Берлинъ 1820, 4). Всѣ современные писатели изображаютъ Рафаэля человѣкомъ весьма добродушнымъ, услужливымъ, ласковымъ и любезнымъ въ обращеніи. Прекрасное его сложеніе и благородныя черты привлекательнаго лица, возбуждали къ нему любовь и приверженность, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Онъ умеръ холостой, но былъ усердный чтитель женскаго пола. Имѣніе свое отказалъ онъ въ завѣщаніи любимѣйшимъ своимъ ученикамъ, Джулію Романо и Франческу Пенни.

Обращая взоръ на чрезвычайное множество Рафаэлевыхъ картинъ, признанныхъ навѣрное за оригинальныя, едва можемъ постигнуть, какъ одной недолговѣчной жизни одного человѣка могло быть достаточно на исполненіе ихъ. Уже однимъ числомъ безсмертныхъ своихъ произведеній, Рафаэль доказалъ плодовитость своего генія и чрезвычайную легкость въ исполненіи живописи. Если же принять во уваженіе, что онъ, сверхъ картинъ, имъ самимъ писанныхъ, рисовалъ еще и всѣ проекты для картинъ, исполненныхъ его учениками, а для собственныхъ своихъ составлялъ по нѣскольку этюдовъ, прежде нежели приступалъ къ исполненію (напримѣръ, множество этюдовъ для Мадоннъ, для Аѳинской Школы, для Преніи и т. п.), и часто рисовалъ сначала однѣ нагія фигуры, дабы тѣмъ лучше и соотвѣтственнѣе расположить по нимъ ризы; и если наконецъ вспомнимъ, что ему порученъ былъ главный надзоръ за построеніемъ Собора Св. Петра, составленіе проектовъ для сооруженія множества церквей, дворцевъ и другихъ зданій, то геній его дѣйствительно долженъ поразить удивленіемъ каждаго, кто можетъ судить о подобныхъ колоссальныхъ занятіяхъ. Сначала рисовка

его соотвѣтствовала тогдашнему времени и вкусу учителя его: она была немного суха и принуждена; но съ того времени, какъ началъ онъ изучать природу и антики; онъ создалъ для себя идеалъ, который заключая въ себѣ болѣе естественнаго, человѣческаго, привлекаетъ чувства людей, такъ точно, какъ Греческій идеалъ увлекаетъ своею возвышенностію. Когда же Рафаэль возмужалъ, рисовка его отличалась свободою; фигуры его оживились и получили движеніе. Ризы его всегда просты, легки, составляютъ большія массы и расположены столь искусно, что никогда не покрываютъ всего тѣла. Сокращеніями и перспективою онъ никогда не отличался, и колоритъ его сначала былъ также сухъ, пока наконецъ, по совѣту Фра Бартоломео, не началъ онъ подражать природѣ. Но если онъ въ этой части искусства не достигъ степени совершенства Тиціана и Корреджія, потому что колоритъ почти во всѣхъ его картинахъ нѣсколько густъ и не довольно прозраченъ, то, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній, напримѣръ въ *Іоаннѣ,* что во Флоренціи, въ *Форнаринѣ* и въ *Преображеніи*, онъ доказалъ, до какой высокой степени совершенства онъ могъ удовлетворить и этому требованію; впрочемъ мы должны судить объ его геніи и талантѣ только по этимъ картинамъ, потому что большая часть прочихъ его произведеній написаны по его рисункамъ учениками его, и имъ только поправлены. Онъ умѣлъ весьма хорошо отдѣлять свѣтъ отъ тѣни, но въ отношеніи изображенія свѣто-тѣней, уступаетъ Тиціану и Корреджію. По композиціи и выраженію, ни одинъ изъ живописцевъ въ свѣтѣ не можетъ состязаться съ нимъ. На этомъ поприщѣ онъ былъ и останется навѣки единственнымъ,

неподражаемымъ художникомъ. Для изображенiй своихъ онъ всегда избиралъ тотъ моментъ, который лучше всѣхъ прочихъ можетъ выразить расположенiе духа дѣйствующихъ лицъ. Онъ избѣгалъ всего лишняго, и занимаясь однимъ необходимымъ, придавалъ дѣйствующимъ лицамъ своимъ одно необходимое движенiе. И вотъ отъ чего всѣ картины его дышатъ такою убѣдительною истиною! Если въ нихъ видны повсюду фигуры, стоящiя прямо и спокойно, то онѣ поставлены кстати, и такъ необходимы, что безъ нихъ дѣйствующая группа, или сцена, представляющая дѣйствiе и движенiе, были бы менѣе изящны, менѣе вразумительны. Не слѣдуя примѣру и системѣ прочихъ живописцевъ, онъ всегда начиналъ глубокимъ размышленiемъ и соображенiями о цѣломъ того предмета, который задумывалъ представить, и о характерахъ дѣйствующихъ лицъ; и приступалъ къ начертанiю фигуръ не прежде, какъ по совершенномъ соглашенiи всѣхъ соображенiй и мотивовъ съ необходимостiю. По этому картины его носятъ печать духовности и облечены гармонiею, которыхъ другiе живописцы никогда достигнуть не могли. Къ числу его отличнѣйшихъ учениковъ принадлежали: Джулiо Романо, Франческо Пенни-иль-Фотторе, Полидоро Калдара-ди-Караваджiо, Бенвенуто Гарофало, Джованни-да-Удине, Бартоломео Раменги-иль-Баньякавалло. Они, съ учениками своими, образуютъ Римскую Школу, основанную Рафаэлемъ, и которая, по преимуществамъ, свойственнымъ учредителю ея, всегда отличалась предъ всѣми другими, хотя впрочемъ и представляла только слабую тѣнь Рафаэлевой изящности. Маркъ Антонiй (Антонiй Раймонди) вырѣзалъ на мѣди Рафаэлевы рисунки, изъ коихъ нѣсколько награвиро-

ваны самимъ Рафаэлемъ. Въ 1819 году напечатанъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Catalogue des estampes gravées d'après Raphael par Tauriscus Euboeus (Графъ Лепель), а въ Парижѣ въ 1822 году: Études calquées et dessinées d'après cinq tableaux de Raphael, accompagnées de la gravure au trait et des notices historiques et critiques par Emeric David. Эти пять картинъ суть: Agnus Dei, la Perle, la Visitation (вырѣзанныя на мѣди Деноеромъ), la Vierge au poisson и lo Spasimo, которыя въ 1813 году были привезены во Францію, и по ресторированіи ихъ, опять отправлены въ Испанію. Новѣйшія біографіи Рафаэля суть: Браунова, Фюсли, Катрмеръ-де-Кенси, Реберга, Карла Ферстера, Паглера и Elogio storico da Giovanni Sanzio, сочиненія Луиджи Пургіелони. Знаменитѣйшіе граверы всѣхъ школъ увѣковѣчили произведенія Рафаэля рѣзцомъ своимъ, и лучшія собранія ихъ трудовъ находятся въ Парижѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

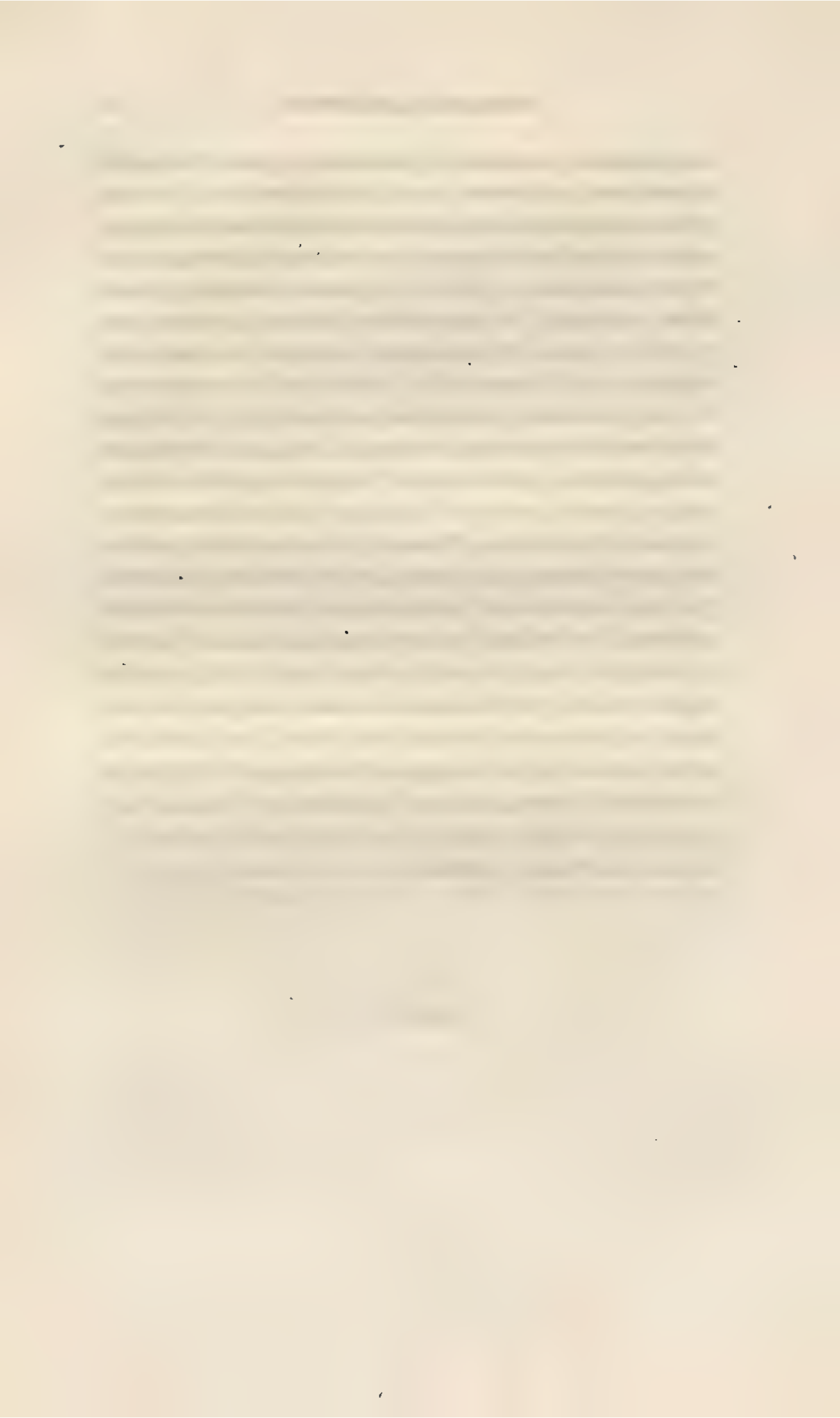
Леонардо да-Винчи, знаменитѣйшiй Италiянскiй живописецъ, родился въ мѣстечкѣ Винчи, близъ Флоренцiи, вѣроятно въ 1444 году. Онъ былъ побочный сынъ нотарiуса Санъ-Пiетро. Уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ занимался онъ разнообразнѣйшими предметами: живописью, скульптурою, пластикою, анатомiею, архитектурою, геометрiею, механикою, поэзiею и музыкою. Онъ вскорѣ превзошелъ учителя своего, живописца и ваятеля Андрея дель-Баррокiо, и какъ молва и слава о немъ разносилась далѣе и далѣе, то Герцогъ Миланскiй, Лодовико Марiя Сфорца, пригласилъ его къ себѣ, и принялъ въ свою службу. Леонардо учредилъ въ Миланѣ рисовальную академiю, распространившую вскорѣ благотворное свое влiянiе на всю Ломбардiю, и которая вѣрно возвысила бы въ ней художества еще болѣе, если бы не послѣдовало несчастное паденiе дома Сфорца. — Въ числѣ картинъ, написанныхъ Леонардомъ да-Винчи по повелѣнiю Герцога, превосходнѣй-

шею почитается *Тайная Вечеря*, находившаяся въ рефекторіи Доминиканскаго монастыря Св. Маріи делла-Грація; о ней носились, да и нынѣ еще носятся разные анекдоты, истина которыхъ однако же ни чѣмъ не доказана, напримѣръ, будто бы, голову Іуды, Леонардо написалъ съ пріора монастыря; что онъ не кончилъ лика Спасителя, потому что не могъ изобразить всей божественности Его и т. д. Достойно вѣчнаго сожалѣнія, что его превосходная картина, писанная альфреско, попортилась, и наконецъ совершенно пропала отъ невѣжества людей; но, по счастію, перешла она къ намъ въ нѣсколькихъ, очень хорошо написанныхъ старинныхъ копіяхъ, изъ которыхъ видимъ изящность состава и расположенія, и превосходство группировки и подробностей. Различные характеры Апостоловъ изображены художникомъ съ удивительнымъ совершенствомъ; а среди ихъ является Божественный образъ Спасителя, подобно солнцу среди звѣздъ. Знаменитый граверъ Рафаэль Моргенъ подарилъ свѣту драгоцѣнный снимокъ съ вѣковой картины. Геній и дѣятельность Леонарда не ограничивались одною живописью: онъ показалъ ихъ и въ другихъ огромныхъ предпріятіяхъ. Онъ провелъ рѣку Адду въ Миланъ, выкопалъ судоходный каналъ Мортезанскій въ долинахъ Кіавенны и чрезъ Вальтелинскую линію, на протяженіи 200 Италіянскихъ миль и т. д. Въ 1499 году онъ возвратился во Флоренцію, гдѣ поручено ему было украсить одну стѣну въ большой залѣ Совѣта. Состязаясь съ Микель-Анджеломъ, нарисовалъ онъ картонъ, принадлежащій къ превосходнѣйшимъ его произведеніямъ. Его картонъ увѣковѣчилъ побѣду Флорентинцевъ, одержанную подъ начальствомъ Никколы Пичиніо; въ немъ

особенно удивлялись группѣ всадниковъ, сражающихся за знамя. И этотъ картонъ, принадлежавшій къ лучшимъ его произведеніямъ, къ сожалѣнію, уже не существуетъ, и извѣстенъ только по сохранившимся копіямъ. По восшествіи Льва X въ 1513 году на папской престолъ, Леонардо отправился въ Римъ, въ свитѣ Герцога Джуліана Медичи; но въ 1515 году выѣхалъ опять изъ этого города, вѣроятно потому, что и тамъ преслѣдовало его соперничество Микель-Анджела, или, потому что Рафаэль уже занимался огромными работами въ Ватиканѣ. Послѣ сего отправился онъ, по приглашенію Франциска I, во Францію. Но преклонность лѣтъ не дозволяла ему болѣе обогащать свѣтъ геніяльными произведеніями, и въ 1519 году онъ скончался въ объятіяхъ Короля, въ самую ту минуту, когда Леонардо, изъ почтенія къ нему, хотѣлъ приподняться съ постели. — Художества чтятъ въ Леонардѣ мужа, который, при самомъ ихъ возрожденіи, основалъ ихъ на незыблемыхъ правилахъ. Въ числѣ картинъ, имъ написанныхъ, мало такихъ, которыя были бы совершенно кончены. Причиною этому было неутомимое, и даже въ глубокой старости одушевлявшее его стремленіе къ достиженію совершенства. Принимаясь за картину, онъ всегда чувствовалъ неизъяснимую робость, и даже дрожалъ иногда подобно ученику; и чѣмъ далѣе вырабатывалъ начатую картину, тѣмъ болѣе былъ недоволенъ исполненіемъ, такъ, что наконецъ оставлялъ ее недоконченною. Къ числу превосходнѣйшихъ его произведеній принадлежатъ, сверхъ упомянутыхъ выше: портретъ *Лизы-дель-Джокондо*, въ Парижѣ; *Леда*, въ галереѣ Князя Кауница въ Вѣнѣ; картина, находящаяся во дворцѣ Памфили, въ Римѣ, представляющая бесѣду

Отрока Христа, въ храмѣ, съ учителями; очаровательный образъ *Богоматери*, извѣстный подъ названіемъ la vierge aux rochers; *Іоаннъ Креститель*, находившійся во Французскомъ музеумѣ; портретъ Герцога *Лодовика Маріи Сфорца*, въ Дрезденской галереѣ, и разныя другія. Но не однѣ картины великаго художника увѣковѣчили его неувядаемою славою. Сочиненія его столь же драгоцѣнны; остается только сожалѣть, что изъ нихъ многія утрачены, а другія сохраняются въ однѣхъ рукописяхъ. Понынѣ напечатано изъ нихъ (1651 и 1816), во всемъ объемѣ своемъ, только одно: Trattato della pittura (Парижъ 1651, in folio; лучшее же изданіе сего творенія, въ 2 частяхъ, Монціево, въ Римѣ 1817, 4). Съ глубокимъ познаніемъ, говоритъ Фіорилло, разсуждаетъ Леонардо въ этомъ твореніи о свѣтѣ, о тѣни, объ отраженіяхъ (рефлексахъ), и въ особенности о даляхъ. Онъ доказываетъ, что такъ какъ естественныя тѣла большею частію ограничиваются очерками (контурами) нѣжными и мягкими, то главное искусство живописи состоитъ въ томъ, чтобы эти очерки постепенно терялись; что это исчезаніе ихъ можетъ быть произведено только посредствомъ грунта, на которомъ предметъ представляется; что внутренній очеркъ окружающаго грунта и внѣшній контуръ представляемаго предмета, суть одно и то же, и что даже послѣдній въ фигурѣ своей вообще дѣлается видимымъ только съ помощію окружающихъ его предметовъ; далѣе, что не только фигуры, но даже и краски зависятъ отъ окружающихъ предметовъ; что краски взаимно опредѣляютъ одна другую, и смотря по этому взаимному отношенію, дѣлаются ярче или слабѣе; что если должны явиться предметы одного и того же цвѣта, то

они должны дѣлиться и удаляться другъ отъ друга различными степенями свѣта или освѣщенія, потому что масса воздуха, находящаяся между глазомъ и предметомъ, ослабляетъ краску его по мѣрѣ діаметральнаго своего содержанія. Всѣ эти правила Леонарду были очень извѣстны, и чрезвычайно хорошо развиты имъ въ его твореніи. Кромѣ этого трактата и одного сочиненія его: Fragment d'un traité sur les mouvemens du corps humain, ничего не напечатано; но въ Амброзіянской Библіотекѣ, въ Миланѣ, находятся 16 томовъ Леонардовыхъ рукописей, и 7 другихъ томовъ его же манускриптовъ, которые были пріобрѣтены Испанскимъ Королемъ Филиппомъ. Понынѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно даже и содержаніе этихъ драгоцѣнныхъ рукописей. Что жъ касается до рисунковъ и этюдовъ Леонарда да-Винчи, то Келюсъ (Caylus) издалъ собраніе: Recueil de têtes de caractère et de charge etc, 1730, которое перепечатано и на Нѣмецкомъ языкѣ. Сверхъ того изданы: «Dessins de Léonard da-Vinci, par Gerli,» и «Osservazioni sopra i disegni di Leonardo. Mil. 1784,» и наконецъ принадлежащее Англійскому Королю собраніе эстамповъ: «Imitations of original dessings by Leonard da-Vinci, published by J. Chamberlaine.»

ТИЦІАНЪ.

ТИЦІАНЪ.

Собственность Вл. Картавова

ТИЦІАНЪ.

═

Тиціанъ (Верчелли), знаменитѣйшій изъ всѣхъ Италіянскихъ живописцевъ, родился въ Капо-дель-Кадоре, среди Альповъ Фріульскихъ, въ 1477, а по мнѣнію другихъ, въ 1480 году. Въ самомъ дѣтствѣ своемъ обнаружилъ онъ большую наклонность къ рисованію, и былъ отправленъ въ Венецію, гдѣ поступилъ въ число учениковъ Джованни Беллини. Тутъ отличился онъ чрезвычайными успѣхами, и выучился такъ хорошо подражать живописи учителя своего, что произведенія ихъ трудно было различить одно отъ другаго. Но стиль Беллини былъ сухой и принужденный. Тиціанъ имѣлъ случай видѣть картины Джоржоно, отличавшіяся бо́льшею красотою и свободностію, и усвоилъ себѣ методу его. Онъ одаренъ былъ такою способностію къ подражанію, что вскорѣ научился писать картины, совершенно похожія на произведенія Джоржоно, а Джоржоно началъ завидовать ему, и прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія. Занимаясь живописью, Тиціанъ не пренебрегалъ

и другими познаніями и искусствами, и въ особенности поэзіею, такъ что уже въ юношескомъ возрастѣ прослылъ однимъ изъ лучшихъ современныхъ стихотворцевъ. Не обольщаясь славою поэта, онъ продолжалъ заниматься живописью, и достигъ въ живописи пейзажной, портретной и исторической до рѣдкой степени совершенства. Наблюдая природу, онъ превосходно оттѣнивалъ и оживлялъ картины свои отличнымъ колоритомъ, и выражалъ всѣ предметы кистью сильною и исполненною истины. Первая большая его картина, обратившая на него вниманіе художественнаго міра, *Успеніе Богородицы*, написана имъ для церкви Миноритовъ въ Венеціи, и находится нынѣ въ большой академіи. Всѣ его *Венеры* суть изображенія и портреты его любовницъ. Тиціанъ признанъ величайшимъ мастеромъ по колориту и въ пейзажной живописи. Онъ считается отцемъ портретной въ отношеніи сходства, выразительности характера, пріятной простоты и красотъ костюма; но рисовка его уступаетъ этимъ преимуществамъ. Тиціанъ жилъ большею частію въ Венеціи, и отлучался изъ этого города только по приглашеніямъ владѣтельныхъ особъ. Едва слава его распространилась, какъ Герцогъ Феррарскій пригласилъ его къ себѣ, для окончанія во дворцѣ своемъ живописи, которую началъ Беллини. Къ существовавшимъ картинамъ прибавилъ онъ нѣсколько другихъ, собственнаго изобрѣтенія, и написалъ, сверхъ того, портреты *Герцога*, *Герцогини* и *Аріоста*, находившагося тогда при Феррарскомъ Дворѣ. Въ Римѣ, куда призванъ онъ былъ кардиналомъ Фарнезе, во время владычества Папы Павла III, написалъ онъ изображеніе Папы въ ростъ. Когда Императоръ Карлъ V пріѣхалъ въ Италію для коронаціи,

онъ пригласилъ Тиціана въ Болонью, и поручивъ ему написать портретъ свой, былъ такъ восхищенъ его работою, что возвелъ его въ званіе кавалера, и пожаловалъ ему пенсію, увеличенную въ послѣдствіи Филиппомъ II. Многіе князья и вельможи тогдашняго времени хвастали честью, что ихъ портреты писалъ Тиціанъ, а потому портреты, имъ писанные, нынѣ считаются драгоцѣнными не только по художественному ихъ достоинству, но и потому, что вѣрно представляютъ намъ черты знаменитѣйшихъ особъ тогдашняго вѣка. Послѣ путешествія, предпринятаго имъ, для художествъ, по Испаніи и Германіи, онъ прожилъ въ послѣдней пять лѣтъ; но Венеція осталась мѣстомъ постояннаго его пребыванія, гдѣ онъ жилъ роскошно и на большой ногѣ. Въ глубокой старости и по самую смерть свою, онъ пользовался умственными и тѣлесными юношескими силами. Онъ скончался въ 1576 году. Въ теченіе долговременной жизни своей, онъ произвелъ множество превосходныхъ картинъ, которыя и понынѣ украшаютъ знаменитѣйшія церкви, дворцы и галереи. Изъ числа историческихъ картинъ его, славнѣйшія суть «*Вечеря*,» находящаяся въ рефекторіи Эскуріала и «*Христосъ, увѣнчанный терніемъ*,» въ одной изъ Миланскихъ церквей. Съ шести сотъ картинъ Тиціана существуютъ прекрасныя копіи въ гравюрахъ на мѣди, а частію и ксилографическія. См. «Dell' imitatione pittorica, dell' eccellenza e della opera di Ticiano (Венеція 1818),» и «Del bello ideale delle opere di Ticiano,» соч. Каспари (второе изданіе, Падуа 1820).

ШИЛЛЕРЪ.

Adrian Schleich sc.

ШИЛЛЕРЪ.

Собственность Эд. Гербеля

ШИЛЛЕРЪ.

Іоаннъ Христофъ Фридрихъ фонъ Шиллеръ, великій Нѣмецкій поэтъ, философъ и историкъ, коего творенія содѣлались собственностію всего Нѣмецкаго народа, предметомъ удивленія всѣхъ сословій, и будутъ, вмѣстѣ съ памятью о поэтѣ, вѣчно жить въ литературѣ образованныхъ народовъ, родился 10 Ноября 1759 года въ Морбахѣ, маленькомъ Виртембергскомъ городѣ, лежащемъ на рѣкѣ Неккарѣ. Отецъ его, служившій прежде лекаремъ въ Баварскомъ гусарскомъ полку, потомъ корнетомъ и адъютантомъ при одномъ Виртембергскомъ Принцѣ, и наконецъ инспекторомъ школы лѣсоводства, заведенной при герцогскомъ увеселительномъ замкѣ Солитюдѣ, былъ человѣкъ честный и благоразумный, а мать его, дочь Кодвейсскаго хлѣбника, была женщина добрая и чувствительная, любившая своего мужа и сына. Съ самаго дѣтства, Шиллеръ отличался пылкостію воображенія; съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ пѣснопѣнія Древняго Завѣта, между

которыми больше всѣхъ прочихъ восхищали его Видѣнія Езекіиля, и при каждомъ случаѣ обнаруживалъ душевную кротость и доброе, чувствительное сердце. Пасторъ Мозеръ былъ его первымъ наставникомъ въ Лорхѣ, маленькомъ Виртембергскомъ пограничномъ селеніи, въ которомъ родители его жили три года, начиная съ 1765; въ послѣдствіи, когда они переселились въ Лудвигсбургъ, Шиллеръ, съ 1773 года, посѣщалъ тамошнюю латинскую школу. Ему было девять лѣтъ, когда увидалъ онъ въ первый разъ представленіе одной драмы, и этотъ случай имѣлъ рѣшительное вліяніе на его призваніе. Съ этого времени всѣ дѣтскія его забавы принадлежали къ роду театральныхъ представленій, декламацій и т. п. Первые стихи, имъ сочиненные, были религіознаго содержанія; онъ написалъ ихъ, по просьбѣ матери, въ 1772 году, накапунѣ того дня, въ который былъ конфирмованъ. Онъ отличался рѣзвостію, веселымъ характеромъ и чрезвычайнымъ прилежаніемъ. Почти противъ воли родителей, Герцогъ Карлъ Виртембергскій опредѣлилъ его въ военную школу, учрежденную въ замкѣ Солитюдѣ, и потомъ перемѣщенную въ Стутгартъ, подъ названіемъ высшей Карловской Школы. По желанію родителей, Шиллеръ, имѣвшій большую наклонность къ стихотворству, посвятилъ себя правовѣдѣнію. Трудно было ему перенести методу воспитанія, введенную въ этомъ институтѣ и уничтожавшую всю свободу духа; но чѣмъ живѣе чувствовалъ онъ это бремя, тѣмъ выше возносился духомъ въ идеальный міръ, и привыкалъ взирать на окружающій его вещественный міръ съ ропотомъ и огорченіемъ. Чувствуя безуспѣшность свою на поприщѣ правовѣдѣнія, онъ уже въ 1775 году вос-

пользовался случаемъ посвятить себя изученію медицины, для которой, въ томъ же военномъ институтѣ, Герцогъ открылъ особый классъ. Кромѣ медицины, онъ изучалъ преимущественно исторію, а изъ числа древнихъ классиковъ полюбилъ предпочтительно Гомера и Виргилія. На шестнадцатомъ году, онъ напечаталъ въ Швабскомъ Магазинѣ отрывокъ изъ Энеиды, переведенный имъ въ экзаметрахъ. Изъ Нѣмецкихъ стихотворцевъ привлекалъ его вниманіе, болѣе всѣхъ, Клопштокъ, и нѣтъ сомнѣнія, что прежнія его занятія въ изученіи піитическихъ красотъ Ветхаго Завѣта, и любовь къ Клопштоковымъ твореніямъ, важнымъ, и трогательнымъ по благородной простотѣ и по безпрерывному стремленію автора къ достиженію недостижимаго, имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе и направленіе стихотворческаго его генія. Онъ читалъ всегда съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ разборомъ, и даже въ самомъ Клопштокѣ вычеркивалъ стихи и строфы, ему не нравившіеся. Отъ такихъ занятій въ немъ развилось религіозное чувство, такъ что онъ рѣшился было наконецъ осуществить идеи свои, и началъ писать поэму, главнымъ лицемъ которой долженствовалъ быть Моисей. Но, по прочтеніи Герстенбергова *Уголина*, внезапно родилась въ душѣ его наклонность къ трагедіи. Твореніе Гёте: *Гёцъ фонъ Берлихингенъ*, *Юлій Тарентскій*, сочиненіе Лейзевица, и драматическія произведенія Лессинга питали въ немъ эту искру, вспыхнувшую наконецъ яркимъ огнемъ отъ животворнаго дыханія Шекспира. Первые свои драматическіе опыты: трагедію, *Пассаускій Студентъ*, и драму, *Косма Медичи*, подражаніе Юлію Тарентскому, онъ въ послѣдствіи времени предалъ огню, и помѣстилъ

изъ послѣдней піесы только нѣсколько сценъ въ *Разбойникахъ*. *Лирическіе опыты* его, произведенія того же времени, такъ же мало удались ему, потому что не проистекали изъ очищеннаго, успокоеннаго духа, а были большею частію только туманныя воспоминанія и повторенія другихъ поэтовъ, которыхъ превзойти стремилась взволнованная и пышная его фантазія. При стихотворческихъ своихъ занятіяхъ, Шиллеръ усердно посвящалъ себя философіи и исторіи, а въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, предпочтительно медицинскимъ наукамъ.

На осмнадцатомъ году написалъ онъ *Разбойниковъ*, твореніе исполинское, исполненное буйной силы. Хотя критика признала его произведеніемъ безвкуснымъ, однако же оно до сихъ поръ прельщаетъ читателей и зрителей. По окончаніи въ Стутгартѣ академическаго образованія, онъ издалъ, въ 1780 году, слѣдуя тогдашнему обыкновенію, пробное сочиненіе на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Опытъ о связяхъ животной природы человѣка съ духовною,» которое снова было напечатано въ 1821 году, въ одномъ Берлинскомъ журналѣ. Въ этомъ Опытѣ находится, въ видѣ мнимаго перевода съ Англійскаго, отрывокъ изъ пятаго дѣйствія его *Разбойниковъ* (тогда еще ненапечатанныхъ), какъ доказательство одного психологическаго явленія. Шиллеръ помѣстилъ его здѣсь потому, что, по мнѣнію друзей своихъ, онъ не могъ объявить себя сочинителемъ этой драмы. Въ томъ же 1780 году поступилъ онъ въ службу полковымъ лекаремъ. Такъ сдѣлался онъ полнымъ господиномъ воли своей, и душевныя его силы, подавляемыя дотолѣ деспотическимъ воспитаніемъ, проявились во всемъ своемъ объемѣ. Строгая дисциплина,

наблюдаемая въ институтѣ, и побуждавшая студентовъ къ прилежанію, пораждала въ нихъ возвышенныя идеи и поддерживала полетъ ихъ стихотворческаго генія. Кажется, что нѣкоторыя сцены въ *Разбойникахъ*, истекли изъ этого источника. Даже въ лѣта возмужалости, Шиллеръ часто разсказывалъ, что въ Стутгартской Академіи провелъ онъ счастливѣйшіе дни бытія своего. Онъ пользовался искреннею дружбою многихъ лицъ, более или менѣе талантливыхъ. Композиторъ Цумштегъ принадлежалъ къ числу школьныхъ друзей его, и многіе изъ собственныхъ его стихотвореній, изданныхъ имъ въ послѣдствіе времени вмѣстѣ съ произведеніями его друзей, подъ названіемъ *Онтологіи*, были имъ сочинены во время этихъ пріятныхъ связей. Накопецъ напечаталъ онъ, собственнымъ иждивеніемъ, *Разбойниковъ*, потому что никто изъ книгопродавцевъ не соглашался издать эту драму на свой счетъ. Одобреніе, оказанное этому творенію публикою, весьма обрадовало Шиллера, а въ 1781 году, Мангеймскій книгопродавецъ Шванъ, пригласилъ его даже передѣлать эту драму для Мангеймскаго театра. Подобное приглашеніе получилъ онъ и отъ директора Мангеймскаго театра, Барона Дальберга, съ которымъ съ тѣхъ поръ онъ находился въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ (см. Письма Шиллера къ Барону Гериберту Дальбергу, писанныя въ 1781 — 1785 годахъ, Карлсбадъ 1819). Шиллеръ исполнилъ просьбу ихъ, перемѣнилъ въ *Разбойникахъ* нѣсколько сценъ и выраженій, и драма была представлена въ первый разъ на Мангеймскомъ театрѣ въ 1782 году. Шиллеръ находился при первыхъ двухъ представленіяхъ, и такъ какъ онъ уѣзжалъ въ этотъ городъ безъ особеннаго на то до-

зволенія и отпуска, то, по обратномъ прибытіи въ Стутгартъ, былъ арестованъ на двѣ недѣли. Между тѣмъ оригинальное это произведеніе обратило на себя всеобщее вниманіе, и вскорѣ потомъ одинъ Швейцарецъ, изъ Кантона Граубюндена, принесъ на него жалобу, и просилъ удовлетворенія за то, что въ *Разбойникахъ* Шиллеръ выставилъ на сцену земляковъ его въ неблагопріятномъ и даже обидномъ видѣ. Герцогъ принялъ эту жалобу, и приказалъ объявить Шиллеру, чтобы онъ впредь не сочинялъ и не печаталъ другихъ твореній, кромѣ медицинскихъ.

Такое ограниченіе должно было казаться несноснымъ для Шиллера, который въ самое это время вступилъ въ товарищество съ профессоромъ Абелемъ и библіотекаремъ Петерсеномъ по изданію журнала: «Würtembergisches Repertorium,» и вмѣстѣ съ тѣмъ ласкалъ себя надеждою получить вскорѣ хорошее жалованье отъ театральной дирекціи въ Мангеймѣ, за обязанность писать піесы для тамошняго театра. Даровитый юноша, руководимый благороднѣйшими правилами, не могъ рѣшиться просить Герцога объ отмѣнѣ повелѣнія; къ тому же онъ опасался испытать участь извѣстнаго Шубарта (*). Между тѣмъ Герцогъ требовалъ еще,

---

(*) Христіанъ Фридрихъ Даніилъ Шубартъ, отличавшійся рѣдкими дарованіями и геніяльностію поэтическихъ своихъ произведеній, былъ въ 1768 году директоромъ оркестра Герцога Виртембергскаго въ Лудвитсбургѣ. Онъ написалъ сатиру на одного придворнаго чиновника, и былъ за то изгнанъ изъ предѣловъ герцогства. Послѣ многихъ приключеній въ разныхъ княжествахъ Германіи, изъ которыхъ приходилось ему безпрестанно выѣзжать за острые стихи и неосторожныя выраженія, находился онъ въ городѣ Ульмѣ, гдѣ продолжалъ изданіе своей *Нѣмецкой Хроники*, начатой имъ въ 1774 году въ Аугсбургѣ. Въ Хроникѣ напечаталъ онъ между прочимъ, что Императрица Марія Терезія скон-

чтобы Шиллеръ представлялъ собственно ему на разсмотрѣніе даже всѣ стихотворенія свои, до напечатанія ихъ. Стѣснительныя эти мѣры показались ему нестерпимыми. Наконецъ онъ рѣшился просить Барона Дальберга исходатайствовать у Герцога отмѣну принятыхъ противъ него мѣръ; но Дальбергово ходатайство оказалось безуспѣшнымъ, и Шиллеръ скрылся тайнымъ образомъ изъ Стутгарта. Онъ отправился подъ чужимъ именемъ во Франконію. Здѣсь жилъ онъ цѣлый годъ, близъ Мейнингена, въ Бауэрбахѣ, имѣніи Графини Вольцогенъ, радушнымъ пріемомъ Графини, онъ былъ обязанъ сыновьямъ ея, съ которыми подружился въ Стутгартскомъ Университетѣ. Въ этомъ пріятномъ уединеніи кончилъ онъ своего *Фіеско*, начатаго уже въ Стутгартѣ, и трагедію *Коварство и Любовь*. Вліяніе, производимое на каждаго благороднаго и образованнаго человѣка умными и почтенными женщинами, вскорѣ проявилось во всей нравственной чистотѣ и во всемъ достоинствѣ своемъ въ произведеніяхъ, написанныхъ Шиллеромъ во время пребыванія его въ Бауэрбахѣ. Здѣсь начерталъ онъ и основныя идеи *Донъ-Карлоса*. Въ Сентябрѣ 1783 года поѣхалъ онъ въ Мангеймъ, гдѣ

чалась отъ апоплексическаго удара, и такое объявленіе побудило правительство Швабскаго округа дать повелѣніе вновь арестовать его. Узнавъ объ этомъ, онъ умѣлъ избѣжать заключенія, но его заманили вѣроломнымъ образомъ во владѣнія Виртембергскія, арестовали въ Блаубаернѣ, 22 Сентября 1777 года, и заключили въ крѣпость Гогенасперпъ. Въ темницѣ просидѣлъ онъ десять лѣтъ сряду, не бывъ подверженъ ни слѣдствію, ни допросамъ. Наконецъ въ 1787 году его освободили отъ содержанія въ крѣпости, по ходатайству Прусскаго Короля. Онъ скончался въ 1791 году, оставивъ по себѣ множество извѣстныхъ въ Нѣмецкой литературѣ сочиненій, исполненныхъ геніяльныхъ мыслей. Несчастія его и претерпѣнныя имъ гоненія за геніяльныя произведенія, оправдываютъ нѣкоторымъ образомъ побѣгъ Шиллера изъ Стутгарта.

тогда блистали на театрѣ Ифландъ, Бекъ, Бейль и Каролина Бекъ. Представленіе на этомъ театрѣ *Разбойниковъ*, уже во время перваго его пріѣзда въ Мангеймъ, сдѣлало на него столь глубокое впечатлѣніе, что теперь онъ совершенно было рѣшился поступить въ число актеровъ; но благонамѣренный Бейль отсовѣтовалъ ему. Въ Мангеймѣ многія знатныя и образованныя особы полюбили Шиллера, особенно Баронъ фонъ Дальбергъ и Антонъ фонъ Клейнъ, и опредѣлили его поэтомъ при Мангеймскомъ театрѣ. Въ этомъ званіи чувствовалъ онъ себя совершенно счастливымъ, ибо душевно былъ убѣжденъ, что благоразумно управляемый театръ можетъ быть важнымъ нравственнымъ училищемъ для всѣхъ состояній. Его приняли въ число членовъ Курпфальцскаго Нѣмецкаго Общества въ Мангеймѣ, и онъ пріобрѣлъ искреннюю дружбу фонъ Клейна, коего «Рудольфъ Габсбургскій» побудилъ его написать задуманнаго *Донъ-Карлоса* ямбами.

Первыя свои драматическія сочиненія Шиллеръ подвергалъ самъ строгому разбору. «Если, сказалъ онъ, изъ числа безсчетныхъ жалобъ на моихъ *Разбойниковъ*, которая нибудь дѣйствительно основательна, это есть та, что я отважился изобразить людей за два года до вступленія съ ними въ связь. Не зная людей, судьбы и похожденій ихъ, кисть моя должна была блуждать между ангелами и порожденіями ада; должна была создать изверга, котораго не существовало, да и не могло быть на свѣтѣ,» и т. д. — Не взирая на столь строгое сужденіе Шиллера о первомъ драматическомъ произведеніи своемъ, и на всѣ находящіяся въ немъ слишкомъ роскошныя и даже уродливыя порожденія пламенной фантазіи, неукрощенной

еще познаніемъ свѣта, *Разбойники* всегда останутся геніяльнымъ твореніемъ, нетерпящимъ смягченія первоначальной своей дикости, что доказывается многократными опытами, сдѣланными не только другими писателями, но и самимъ авторомъ. При сочиненіи этой драмы, Шиллеръ хотѣлъ изобразить, какимъ образомъ человѣкъ, одаренный отъ природы благородною душею, можетъ быть увлеченъ къ преступленію обстоятельствами, непріязнію и коварствомъ. *Фіеско* (1783) и *Коварство и Любовь* (1784) показываютъ, при всемъ яркомъ величіи своемъ, уже благоразумнѣйшее стремленіе и бо́льшее познаніе средствъ, предоставленныхъ поэту. Эти трагедіи утвердили славу Шиллера. Въ нихъ порокъ является двигающею силою, а борьба свободы съ судьбою — главнымъ предметомъ; но изображеніе порока уже не столь уродливое, не столь исполинское и адское: оно мягче, соотвѣтственнѣе человѣческой природѣ и правдоподобнѣе; при всемъ томъ и въ нихъ господствуютъ еще высокопарность, ищущая необыкновенной силы въ выраженіяхъ, и парадоксы. Этими тремя трагедіями оканчивается *первый* періодъ поэтической жизни Шиллера, которую мы, кажется, довольно ясно изобразили временемъ неправильныхъ порывовъ великаго и сильнаго генія. Къ сему періоду принадлежатъ также нѣсколько мелкихъ стихотвореній, какъ-то: *Битва*, *Дѣтоубійца* и *Стихи къ Лаурѣ*, дочери Совѣтника Швапа и т. п., написанныя всѣ еще въ Стутгартѣ, въ самое то время, когда онъ съ восторгомъ читалъ Петрарку. Въ 1784 году издавалъ онъ повременное сочиненіе, *Талію*, имѣвшее цѣлію усовершенствованіе и облагороженіе Нѣмецкаго театра. Сверхъ того занимался онъ начертаніемъ плановъ для многихъ

другихъ драматическихъ пiесъ, напримѣръ для задуманнаго имъ *Конрадина Швабскаго* и для второй части *Разбойниковъ*. Но любовь къ начертанной имъ трагедiи *Донъ-Карлосъ*, восторжествовала надъ всѣми другими его планами, и онъ не замедлилъ помѣстить въ *Талiи* нѣсколько сценъ изъ этой трагедiи. При чтенiи ихъ предъ Гессенъ Дармштадтскимъ Дворомъ, Шиллеръ удостоился личнаго знакомства съ Великимъ Герцогомъ Веймарскимъ, который даровалъ ему тутъ же чинъ совѣтника, что въ послѣдствiи было ему весьма полезно.

Вскорѣ потомъ Шиллеръ почувствовалъ потребность бо́льшаго круга дѣйствiя. Онъ рѣшился путешествовать, и прибылъ въ 1785 году въ Лейпцигъ, гдѣ нашелъ многихъ чтителей своего таланта, и между прочими Губера и Кёрнера, съ которыми онъ уже давно велъ ученую переписку. Здѣсь, и въ сосѣднемъ селѣ Голисѣ, жилъ онъ на дружеской ногѣ съ просвѣщенными своими прiятелями. *Пѣсня къ радости* излилась здѣсь изъ очаровательнаго пера его. Осенью отправился онъ въ Дрезденъ. Множество ученыхъ и остроумныхъ людей, съ которыми онъ здѣсь познакомился, прiятныя окрестности города, его богатство предметами изящныхъ художествъ, и въ особенности огромная библiотека, очаровали Шиллера. Въ Дрезденѣ пробылъ онъ до 1787 года. Для осуществленiя *Донъ-Карлоса*, онъ прочиталъ здѣсь всѣ творенiя о Филиппѣ II, которыя находились въ библiотекѣ. Плодомъ его занятiй, увлекшихъ его нечувствительно въ область исторiи, была *Исторiя отложенiя Соединенныхъ Нидерландовъ* (Leipzig 1788. Zwei Theile), творенiе, соединяющее въ себѣ глубокiя философическiя и историческiя изысканiя съ живымъ и блестящимъ изложенiемъ; жаль только, что онъ не

совсѣмъ ее кончилъ. Къ плодамъ этого времени, посвященнаго историческимъ изысканіямъ, принадлежитъ также *Исторія достопамятнѣйшихъ революцій и заговоровъ,* коей изданъ имъ одинъ только томъ. Въ эту же эпоху сочинено было извѣстное его *Вольнодумство Страсти*, достоинство котораго утратилось, подобно какъ другихъ его стихотвореній, отъ позднѣйшихъ перемѣнъ и сокращеній первоначальныхъ характеровъ. Подобно другимъ даровитымъ людямъ, которые долго не могли наслаждаться удовольствіями жизни, Шиллеръ охотно и всею душею предавался радости и веселію; но наслажденія его были геніальныя и благородныя. Единомыслящимъ людямъ онъ довѣрялъ и раскрывалъ сердце свое, преданное всему возвышенному и изящному, и удвоивалъ бытіе свое мѣною идей и ощущеній. Онъ страстно любилъ все, что только могло возвышать его душу или исполнять ее восторгомъ и ощущеніями священнаго трепета. Духовнымъ созерцаніямъ и занятіямъ своимъ, посвящалъ онъ преимущественно ночи. Когда умолкалъ вокругъ него суетный шумъ внѣшняго міра, ему казалось, что онъ яснѣе понимаетъ внушенія своего генія, и очень часто утренняя заря заставала его за тѣмъ же столомъ и бумагами, за которыя садился онъ съ наступленіемъ ночи. Въ Дрезденѣ и въ близлежащей деревнѣ Лошвицъ, въ домѣ друга своего Кёрнера, лежащемъ среди винограднаго сада, Шиллеръ кончилъ своего *Донъ-Карлоса* (1787). Это твореніе, которое одно могло увѣковѣчить память о Шиллерѣ въ позднѣйшемъ потомствѣ, не достигло однако того совершенства, которое бы оно могло имѣть, если бы Шиллеръ послѣдовалъ первоначальнымъ идеямъ своимъ. Онъ самъ сѣтуетъ «въ письмахъ о Донъ-

Карлосъ» на слишкомъ обширный объемъ піесы; жалѣетъ о продолжительномъ времени, употребленномъ на это произведеніе, въ теченіе котораго многое измѣнилось въ немъ самомъ, и говоритъ, что эта піеса, въ первомъ дѣйствіи, возрождаетъ ожиданія, неисполненныя послѣднимъ, изъ чего наконецъ заключаетъ, что вообще каждое драматическое твореніе должно быть *цвѣтомъ и плодомъ одного и того же года.* Не взирая на то, что *Донъ-Карлосъ* принятъ былъ публикою съ невыразимымъ восторгомъ, и, по мнѣнію нашему, навсегда останется украшеніемъ Нѣмецкаго театра, Шиллеръ не признавалъ этой піесы театральною. Въ письмахъ своихъ къ Дальбергу, онъ называетъ ее просто фамильною картиною Испанскаго королевскаго Двора. Виландъ находилъ въ дѣйствующихъ лицахъ ея одни фантастическія существа. Это сужденіе покажется многимъ весьма страннымъ; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи піесы, мы можемъ убѣдиться, что въ ней остаются въ нерѣшительной сильной борьбѣ между собою усиліе къ примѣненію философическихъ идей свободы и космополитисма, и стремленіе фантазіи къ идеализированію историческихъ матерій съ стремленіемъ, превратить всѣ начертанные въ планѣ характеры въ индивидуальность, посредствомъ психологической силы и истины. Къ этому періоду жизни Шиллера принадлежитъ также планъ драмы: *Нелюдимъ*, изъ которой найдены въ бумагахъ его нѣсколько готовыхъ сценъ, и неоконченнаго романа *Духовидецъ* (1 часть, Лейпцигъ 1789), привлекательнаго по обрисовкѣ характеровъ, по живописи повѣствованія и чистотѣ языка. Вѣроятно, тогдашніе разсказы о дивномъ Каліострѣ побудили его начать этотъ занимательный романъ.

Въ 1787 году Шиллеръ отправился въ Веймаръ, гдѣ Гердеръ и Виландъ приняли его съ большимъ радушіемъ, а послѣдній весьма много содѣйствовалъ къ его усовершенствованію. Посвятивъ себя въ Веймарѣ классицисму, онъ занялся переводомъ Эврипида. Изъ Веймара посѣщалъ онъ нѣсколько разъ и Бауэрбахъ. Въ Рудольштадтѣ познакомился онъ съ дѣвицею фонъ Ленгефельдъ, на которой въ послѣдствіи женился. Здѣсь, въ Рудольштадтѣ, встрѣтился онъ въ первый разъ съ Гёте, который въ самое это время возвращался изъ Италіи съ вдовствующею Герцогинею Веймарскою. При посредствѣ Гёте, который ему сначала не очень понравился, по совершенно противоположнымъ взглядамъ на міръ, онъ сдѣлался извѣстнымъ остроумной Герцогинѣ; а по ходатайству Гёте и тайнаго совѣтника фонъ Фохта, получилъ въ 1789 году должность экстраординарнаго профессора въ Философическомъ Факультетѣ Іенскаго Университета. Онъ вступилъ въ должность въ томъ же 1789 году, и открылъ лекціи свои словомъ: «Что есть Всемірная Исторія, и на какой конецъ изучаютъ ее?» — Тутъ посвятилъ онъ себя изученію исторіи и древности, со всею восторженностію души, и всѣ поэтическія его произведенія этого періода, которыхъ однако жъ очень мало, относятся большею частію къ исторіи. Къ числу ихъ принадлежатъ: *Боги Греціи, Художники* и смѣлый планъ эпической поэмы изъ исторіи Фридриха Великаго. Знакомство и бесѣды съ отличнѣйшими Іенскими учеными, а именно съ Рейнгольдомъ, чрезъ котораго онъ узналъ короче философію Канта, чрезвычайно его привлекали. Въ особенности занимался онъ въ 1792 году Кантовою Критикою разума. Это занятіе произвело нѣсколько фило-

софическихъ и эстетическихъ разсужденій, помѣщенныхъ въ мелкихъ прозаическихъ сочиненіяхъ его (4 части, Іена 1792 — 1802), въ которыхъ проявляются Кантовы основанія, не подавляющія впрочемъ остроумныхъ и особенныхъ взглядовъ самого Шиллера. — Съ отличнѣйшимъ успѣхомъ и одобреніемъ преподавалъ Шиллеръ Исторію, а потомъ и Эстетику въ Іенѣ; богатство Нѣмецкаго языка давало ему средства изображать отвлеченнѣйшія понятія, возвышеннѣйшія идеи и многосложнѣйшіе факты. Въ продолженіе этого времени, онъ вновь началъ издавать сочиненныя имъ и другими *Историческія Записки, начиная отъ XII столѣтія до новѣйшихъ временъ* (17 томовъ, Іена 1790 — 1804) и *Исторію Тридцатилѣтней Войны*, напечатанную сначала въ *Дамскомъ Карманномъ Календарѣ* (1790 — 1793), и принятую во всей Германіи съ восхищеніемъ. Въ продолженіе этого времени онъ мало занимался поэзіею, переводилъ Виргилія, и начерталъ нѣсколько плановъ для будущихъ стихотворческихъ произведеній. Во всей Германіи и даже внѣ предѣловъ ея, великія достоинства Шиллера были повсюду признаны и награждены націями и ихъ правителями. Мы уже сказали, что Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій далъ ему чинъ совѣтника. Тогдашняя Французская Республика даровала ему право Французскаго гражданства, а Нѣмецкій Императоръ возвелъ его, въ 1802 году, въ званіе дворянина Римской Имперіи. — Безпрерывныя литературныя и ученыя занятія въ продолженіе ночей, и употребленіе раздражительныхъ напитковъ для возбужденія умственныхъ силъ, разстроили его здоровье; онъ медленно излечился отъ постигшей его грудной болѣзни (1791), но совершенно оправиться уже не могъ.

Не взирая на неблагопріятныя послѣдствія сидячей жизни и постоянныхъ трудовъ, онъ не переставалъ заниматься науками и словесностію. Чтобы улучшить его положеніе и дать ему способъ къ существованію безъ напряженія душевныхъ силъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, покойный Герцогъ Гольстейнъ-Августенбургскій и Графъ фонъ-Шиммельманъ, назначили ему на три года ежегодную пенсію въ 1,000 талеровъ. Такое участіе и попечительность ихъ тронули его невыразимо. — Въ 1793, онъ началъ пересматривать собственныя свои сочиненія, и поступалъ въ разборѣ ихъ чрезвычайно строго противъ самаго себя. Въ самое это время подвергъ онъ поэтическія произведенія Бюргера критическому и ѣдкому разбору; этотъ разборъ покажется весьма справедливымъ каждому, кто обсудитъ его съ той точки зрѣнія, съ которой Шиллеръ смотрѣлъ на поэзію. Въ 1793 году отправился онъ на родину свою, въ Швабію, гдѣ и жилъ съ Августа по Май слѣдующаго года, въ кругу родителей и друзей своихъ, то въ Гейльброннѣ, то въ Лудвигсбургѣ, наслаждался всѣми очарованіями счастія семейственной жизни, и не былъ уже преслѣдуемъ Герцогомъ своимъ, къ которому впрочемъ онъ отправилъ прошеніе изъ Гейльбронна. Въ этомъ городѣ написалъ онъ для Герцога Августенбургскаго *Письма объ эстетическомъ воспитаніи*. Возвратившись въ Іену, онъ приступилъ, вмѣстѣ съ отличнѣйшими писателями Германіи, къ изданію новаго журнала «*Го̀ры*,» коимъ и заключилась его *Талія*. Къ этому періоду принадлежитъ и тѣсный союзъ его съ Гёте, изображенный въ изданной нынѣ *Корреспонденціи* (Briefwechsel, 6 частей, Стутгартъ 1828 — 1830), продолжавшейся одиннадцать лѣтъ сряду;

онъ послужилъ къ развитію многихъ способностей и идей, таившихся до тѣхъ поръ въ душѣ его. Съ новою ревностію обратился Шиллеръ къ возлюбленной своей поэзіи, и написалъ, особенно въ 1795 году, прекраснѣйшія лирическія сочиненія, помѣщенныя имъ тогда въ *Го́рахъ*, а съ 1796 года и въ изданныхъ имъ *Альманахахъ Музъ*. Тогда занимался онъ преимущественно дидактическими стихотвореніями, написалъ *Идеалъ и Любовь*, *Идеалы*, *Прогулки* и т. д. Въ 1796 году издалъ онъ, вмѣстѣ съ Гёте, *Критическія Ксеніи*, а въ 1797 году первыя свои *Баллады*, изъ коихъ нѣкоторыя превосходно переведены на Русскій языкъ очаровательнымъ перомъ нашего *Жуковскаго*. Вскорѣ однако жъ онъ вновь появился на поприщѣ драматической поэзіи. Уже въ 1795 году начерталъ онъ планъ драмы, сюжетъ коей почерпнутъ былъ изъ исторіи осады Турками острова Мальты, и хотѣлъ назвать ее: «Мальтійскіе рыцари.» Но планъ *Валленштейна* предпочелъ онъ всѣмъ прочимъ, и кончилъ вѣковое свое твореніе въ 1799 году. *Исторія Тридцатилѣтней Войны*, имъ написанная, породила было въ немъ идею, сдѣлать героемъ эпической поэмы великаго Густава; но онъ не осуществилъ ея. Вмѣсто того, онъ почерпнулъ изъ той же исторіи планъ для трагедіи *Валленштейнъ*, и приступилъ къ трудному творенію съ большею робостію, возраставшею въ немъ по мѣрѣ бо́льшаго размышленія о предпріятіи. Величественное изображеніе характеровъ является въ этомъ твореніи главнымъ предметомъ; въ составѣ же всего движенія, и во всѣхъ монологахъ *Валленштейна*, проявляются повсюду размышленія о судьбѣ, и Шиллерова теорія о трагедіи. Ровное и величественное исполненіе *Валленштейна*, даетъ

этой трагедіи преимущество надъ *Донъ-Карлосомъ* и другими Шиллеровыми произведеніями въ этомъ родѣ. Повсюду видна въ ней благоразумная послѣдовательность и согласіе; характеристика главныхъ лицъ исчерпнута изъ глубины всей жизни, и основана на непоколебимыхъ началахъ. Самъ *Валленштейнъ* изображенъ во всемъ величіи мужа знаменитаго, воина храбраго и неустрашимаго, который, полагаясь на собственную силу, на армію, имъ самимъ созданную и устроенную, на дружбу и на созвѣздіе свое, поставляетъ закономъ своихъ дѣйствій собственный свой произволъ, и наконецъ, желая отклонить политическое свое паденіе, дѣлается его жертвою. *Станъ Валленштейна* есть не вещественная принадлежность самой трагедіи, а изображаетъ только характеръ арміи, мнѣнія ея о главномъ вождѣ и ея ожиданія. Что же касается до слога, облекающагося величіемъ звучныхъ трагическихъ стиховъ, и вообще до всей внѣшней формы, то они исполнены съ чрезвычайною отчетливостію и достигаютъ высшей степени совершенства. Этимъ превосходнымъ твореніемъ заключается *второй* періодъ поэтической жизни Шиллера, періодъ, отличающійся стремленіемъ къ великой и истинной характеристикѣ, и отпечаткомъ самосозданныхъ теорій.

Послѣ исполненія Валленштейна, Гёте и театръ болѣе и болѣе манили Шиллера въ Веймаръ. Онъ послѣдовалъ зову ихъ, и съ 1797 года жилъ въ этомъ городѣ съ знаменитыми своими пріятелями, окруженный любезною супругою и добрыми дѣтьми, и пользовался уваженіемъ просвѣщеннаго Герцога. При сихъ счастливыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, духъ его освѣжился новою юношескою силою.

Послѣ *Валленштейна* сочинилъ онъ *Марію Стуартъ* (1800) и *Орлеанскую Дѣву* (1801). Первая изъ нихъ отличается истинно трагическими мотивами и мастерскимъ расположеніемъ, а послѣдняя, какъ вдохновенное орудіе спасающаго Божества, блещетъ въ роскошнѣйшемъ убранствѣ чудесной романтики, и прельщаетъ не только чарами цвѣтущей фантазіи, но и пышною театральною обстановкою. Возведя героиню на высшую степень счастія, Шиллеръ испытуетъ ее земною любовью, и примиряетъ ее съ нею самою ударами несчастнѣйшей судьбы. Въ послѣдствіи времени авторъ написалъ самъ нѣсколько писемъ о *Дѣвѣ,* которыя простотою и взглядами своими бросаютъ яркій свѣтъ на тогдашнюю внутреннюю жизнь его. Оба творенія представляются совершенствомъ драматической его поэзіи. Спокойствіе, ясность и связь, успѣшное стремленіе къ цѣлому и къ поэтической истинѣ, нигдѣ такъ не проявляются, какъ въ *Маріи Стуартъ;* между тѣмъ, какъ въ *Орлеанской Дѣвѣ,* авторъ заимствовалъ многія украшенія, и, увлекаясь своими мнѣніями о романтическомъ исполненіи, отступилъ въ иныхъ мѣстахъ отъ исторической простоты. — Съ этого времени онъ началъ посвящать себя одной драматической поэзіи, и хотя обширныя познанія природы Гёте чрезвычайно привлекали его и казались ему невыразимо занимательными, при всемъ томъ онъ постоянно старался объ усовершенствованіи Нѣмецкаго Театра, и способствовалъ къ достиженію цѣли, поучительными своими бесѣдами съ Веймарскими актерами, сочиненіемъ для Веймарскаго театра многихъ собственныхъ піесъ и передѣлкою чужихъ. Въ послѣдующей первой драмѣ своей, *Невѣста Мессинская* (1803), Шиллеръ вновь отступилъ отъ пред-

начертанной для себя стези. Въ этой пiесѣ, заключающей опытъ ввести вновь на сцену хоръ Грековъ, изобразилъ онъ съ лирическимъ вдохновенiемъ и пламенную любовь, и ужасающую месть; но если съ одной стороны уже одно совокупленiе языческой религiи съ Христiанскою Вѣрою, производитъ на зрителя необыкновенное впечатлѣнiе, то съ другой изображенiе судьбы, представленной не въ видѣ строгой и справедливой богини кары, но ужасною фурiею, допускающею сладчайшiя узы только для того, чтобы разрывать ихъ съ коварною насмѣшкою, еще болѣе усиливаетъ непрiятное впечатлѣнiе. *Невѣсту Мессинскую* должно почитать однимъ опытомъ соединенiя античнаго съ романтическимъ. Но если характеристическая обрисовка потерпѣла въ этой трагической пiесѣ, то какими величественными и мастерскими очерками исполнена она въ послѣднемъ его великомъ творенiи! *Вильгельмъ Тель* невыразимо привлекателенъ тою истиною, съ которою изображены и простой бытъ свободнаго, неиспорченнаго народа, живущаго въ счастливомъ уединенiи, и борьба его съ надменнымъ притѣснителемъ, и торжество надъ нимъ. Знаменитый писатель оставилъ это вѣковое творенiе, какъ драгоцѣнное наслѣдiе и какъ пророчество родному народу своему, униженiя коего онъ не успѣлъ видѣть. Шиллеръ началъ было писать еще трагедiю, *Лжедимитрiй,* но смерть не дозволила ему кончить это творенiе; оно было кончено Мальтицемъ, уже послѣ смерти Шиллера, но по плану его. Сверхъ того Шиллеръ передѣлалъ Шекспирова «Гамлета» и «Турандоту» Гоцци; написалъ прелестное *Посвященiе Художествъ* (1803) для торжественнаго дня бракосочетанiя Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини

Маріи Павловны съ Наслѣднымъ Принцемъ Веймарскимъ; передѣлалъ Расинову *Федру*, Французскія комедіи: *Дядя и Племянникъ* и *Паразита*. Послѣднія двѣ піесы доказываютъ однако жъ, что Шиллеръ не имѣлъ большихъ способностей подвизаться на поприщѣ Таліи; въ нихъ недостаетъ той веселой игривости, которая составляетъ первую принадлежность комической музы. Вотъ весь вѣнокъ драматическихъ трудовъ незабвеннаго Шиллера. Шлегель говоритъ о нихъ въ чтеніяхъ своихъ о Исторіи древней и новѣйшей литературы: «Шиллеръ былъ исполненъ духа драматической поэзіи; онъ соединялъ съ нею весь объемъ страстной риторики, а это большой даръ для поэта. Всѣ его историческія и философическія творенія являются только приготовленіями къ драматическому искусству. Но философическія его творенія примѣчательны еще и тѣмъ, что они показываютъ намъ, болѣе чѣмъ прочія, весь образъ мыслей его, и какъ мало достигалъ онъ полной гармоніи въ самомъ себѣ. Скептическіе и неудовлетворяюшіе взгляды проявляются во всѣхъ его усиліяхъ удовлетворить потребностямъ собственнаго своего изыскательнаго духа. Если Шиллеръ, въ нѣкоторыхъ твореніяхъ средняго своего періода, не чуждъ превратнаго примѣненія философическихъ понятій, въ отношеніи древней трагедіи, или исторической односторонности, то эти недостатки произошли не отъ того, что онъ предавался спекуляціи, но отъ незрѣлости его изысканій, ибо хотя онъ и занимался ими со всею силою души, однако же привсемъ томъ не достигъ еще цѣли своей.»

Между твореніями Шиллера, драматическія произведенія занимаютъ первое мѣсто. Если Шекспиръ пред-

ставляетъ намъ, въ многообразнѣйшихъ твореніяхъ своихъ, многообразный міръ въ настоящемъ видѣ, то въ Шиллерѣ видимъ мы, какъ онъ, безпрестанно недовольный мірскою существенностію и результатами, достигаемыми человѣческимъ родомъ, безпрерывно стремится къ идеальному, существующему только въ областяхъ фантазіи. Колебаніе между идеальнымъ и существеннымъ было вообще характеристическою чертою всего его бытія, и произошло, можетъ быть, отъ размышленій о разительныхъ противоположностяхъ, представлявшихся ему уже въ юношескомъ возрастѣ. Подобно Прометею, силится онъ, съ видимымъ пожертвованіемъ всѣхъ силъ своихъ, достигнуть небеснаго огня, недоступнаго смертному. И вотъ отъ чего ему никогда совершенно не удавалось отдѣлить самого себя отъ своего творенія, хотя впрочемъ, въ послѣднее время, когда онъ уже и самъ въ томъ убѣдился и занимался болѣе творчествомъ, нежели поэзіею, нерѣдко сѣтовалъ онъ на эстетику. По той же причинѣ въ комисмѣ успѣлъ онъ менѣе нежели на поприщѣ трагедіи, на которомъ онъ, при возвышенности своего духа, подвизался столь свободно и величественно; и вотъ почему онъ, даже въ обрисовкѣ женскихъ характеровъ своихъ, облекалъ ихъ болѣе величіемъ, нежели милою граціозностію, и въ этомъ отношеніи они уступаютъ привлекательнымъ созданіямъ Гёте. Для Шиллера, любовь была всегда дѣломъ побочнымъ. Изображеніе мелочной и безпрестанно повторяющейся суетности обыкновенной жизни, казалось ему предметомъ недостойнымъ театра, и онъ сильно выразилъ свое мнѣніе объ этомъ въ *Тѣни Шекспира*. Самыя лирическія стихотворенія его ознаменованы печатію такого же духа. — Въ числѣ

мелкихъ его стихотвореній, отличаются блестящею, живописною фантазіею и поэтическою силою, описательныя, дидактическія и философическія. Стихотворенія для пѣнія ему менѣе удавались: онѣ большею частію написаны диѳирамбами, а романсы и баллады разукрашены риторическою роскошью. Это сужденіе о балладахъ не распространяется на *Рыцаря Тоггенбурга;* эта баллада никогда не обветшаетъ, и всегда будетъ говорить сердцу, доколѣ святость любви и вѣчная скорбь невознагражденной приверженности, будутъ почитаться чувствами истинными и непритворными. Дидактическія эпиграммы его суть мастерскія произведенія, по глубокому ихъ смыслу. Но въ механисмѣ экзаметровъ и пентаметровъ, онъ не достигъ большáго совершенства, и вообще не очищалъ стиховъ своихъ отъ погрѣшностей въ риѳмахъ и стопахъ, не отъ того, чтобы не могъ соблюсти въ этомъ потребной стройности, но единственно потому, что онъ не почиталъ этого дѣломъ важнымъ. Великую способность въ сочиненіи романовъ показалъ онъ только въ нѣсколькихъ опытахъ, которые превосходны и изящны. Кромѣ *Духовидца,* подарилъ онъ намъ еще прекрасную повѣсть: «Der Sonnenwirth,» и нѣсколько другихъ отрывковъ въ мелкихъ прозаическихъ сочиненіяхъ своихъ.

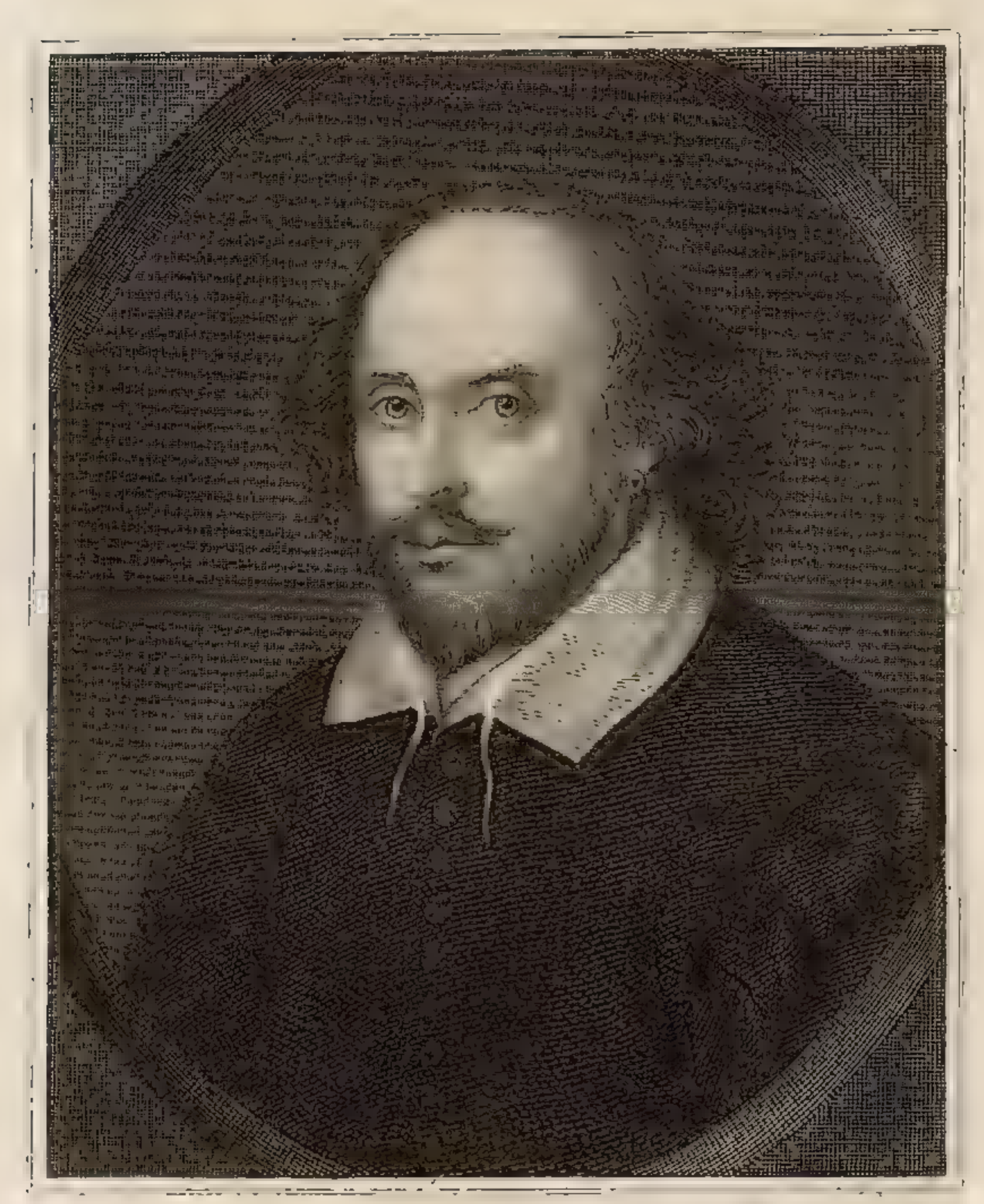
Ранняя смерть похитила у насъ великаго генія. Въ 1804 году находился онъ при представленіи «Вильгельма Теля» въ Берлинѣ, гдѣ былъ принятъ съ величайшимъ уваженіемъ и отличіемъ. Король Прусскій предлагалъ ему 3,000 талеровъ ежегоднаго жалованья, если онъ рѣшится жить въ Берлинѣ; но онъ не принялъ предложенія, и возвратился въ Веймаръ. Казалось, что здоровье его начало поправляться, но онъ внезапно

скончался 9 Мая 1805 года. Ни одного изъ авторовъ своихъ, Германія не оплакивала съ такою горестью, какъ Шиллера. Не только всѣ народы, ее населяющіе, но и весь образованный міръ, чувствовали невозвратную свою потерю. Стремясь безпрерывно къ высшему, вѣчному, божественному, Шиллеръ пожертвовалъ собою наукамъ и художествамъ. Доброта сердца его не уступала великимъ его душевнымъ способностямъ. Главная черта его характера состояла въ непримиримой враждѣ ко всему ложному и противному правотѣ. Сердце его было храмомъ безусловной приверженности ко всему истинному, возвышенному и изящному, и глубокаго благоговѣнія къ Промыслу. Будучи довѣрчивъ и откровененъ, честенъ въ словахъ и поступкахъ, онъ вскорѣ пріобрѣталъ довѣренность каждаго. Чуждый гордости, самолюбія и надменности, встрѣчаемыхъ иногда и въ образованныхъ людяхъ, онъ привлекалъ къ себѣ неодолимою силою. Чѣмъ короче кто съ нимъ знакомился, тѣмъ болѣе плѣнялся имъ. Высокій его ростъ, тощее блѣдное лице, на которомъ выражались слѣды тѣлеснаго недуга, заставляли многихъ не обращать на него вниманія при первой съ нимъ встрѣчѣ; но отъ наблюдателя никогда не ускользалъ вдохновенный огонь, горѣвшій въ голубыхъ глазахъ его; высокій и открытый лобъ его, обличалъ поэта и созерцателя; когда Шиллеръ начиналъ говорить, по блѣдному лицу его, покрывавшемуся нѣжнымъ румянцемъ въ продолженіе оживленной бесѣды, разливалась невыразимая привлекательность. Черты лица его чрезвычайно удачно изображены знаменитымъ скульпторомъ Даннекеромъ, въ колоссальномъ бюстѣ, изваянномъ въ честь и память его. Останки Шиллера сначала погребены были на

кладбищѣ церкви Св. Іакова въ Веймарѣ; но въ 1826 году перемѣщены на новое кладбище, возлѣ герцогскаго фамильнаго склепа, гдѣ покоятся и понынѣ, за исключеніемъ черепа, который, въ Септябрѣ мѣсяцѣ 1826 года, положенъ въ піедесталъ бюста, изваяннаго и поставленнаго въ Веймарской Библіотекѣ. — Послѣ него остались вдова, съ двумя сыновьями и двумя дочерьми. По предложенію надворнаго совѣтника Беккера, представляемы были на всѣхъ Германскихъ театрахъ, въ память Шиллера, піесы его, съ тѣмъ, чтобы изъ сборовъ могло быть куплено имѣніе, которое переходило бы изъ рода въ родъ, къ позднѣйшему его потомству, но прекрасная идея не осуществилась, потому что вскорѣ возгорѣлась война. См. Жизнь Шиллера, почерпнутую изъ фамильныхъ записокъ, изъ собственныхъ его писемъ и изъ свѣдѣній, доставленныхъ другомъ его Кёрнеромъ (2 Bde., Stuttgart 1830). Кто желаетъ совершенно вникнуть во внутреннюю жизнь Шиллера и всѣ помыслы его, тому совѣтуемъ прочитать корреспонденцію его съ Гёте, и письма его къ В. фонъ Гумбольту, который обогатилъ ихъ предисловіемъ о Шиллерѣ и о ходѣ духовнаго его развитія (Stuttgart 1830). Полное собраніе его твореній издано, въ 1818 году, въ Стутгартѣ и Тюбингенѣ (18 томовъ); послѣ того, въ 16 долю листа, а также и въ одномъ томѣ, и наконецъ, въ Стутгартѣ же и въ Тюбингенѣ, великолѣпное изданіе въ 12 частяхъ, украшенное гравюрами на стали, въ 1836 году. Къ изданію въ маломъ форматѣ присовокуплена біографія Шиллера, написанная Г. Дерингомъ, который издалъ еще, въ 1834 году, *Собраніе остальныхъ сочиненій Шиллера,* найденныхъ по смерти его, и бывшихъ до тѣхъ поръ неизвѣстными; они со-

держатъ много любопытнаго, такъ же, какъ и изданное Дерингомъ: *Собраніе отличнѣйшихъ писемъ Шиллера, написанныхъ имъ съ 1781 по 1805 годъ* (3 части). Изъ всѣхъ переводовъ его твореній на Французскій, Англійскій и Италіянскій языки, нѣтъ почти ни одного удачнаго, кромѣ довольно изряднаго перевода трагедіи *Маріи Стуартъ*, на Италіянскій языкъ, Маффеемъ. Русскіе читатели должны быть благодарны знаменитому нашему поэту, Жуковскому, за удовольствіе, доставленное имъ мастерскими переводами нѣсколькихъ балладъ и пѣсенъ *Шиллера*, и превосходной его трагедіи, *Орлеанская Дѣва*. Сверхъ этой трагедіи, переведены изъ Шиллеровыхъ піесъ, на Русскій языкъ, еще слѣдующія: *Валленштейнъ* и *Смерть Валленштейна, или Пикколомини,* и *Марія Стуартъ*, Шишковымъ 2; *Донъ-Карлосъ,* Ободовскимъ; *Разбойники, Фіеско* и *Коварство и Любовь.*

ШЕКСПИРЪ.

ШЕКСПИРЪ.

ШЕКСПИРЪ.

Вилліамъ Шекспиръ (Shakespeare), величайшій драматическій стихотворецъ Англіи, родился, по мнѣнію новѣйшихъ біографовъ, 23 Апрѣля 1564 года, въ маленькомъ городѣ Стратфордѣ, лежащемъ на рѣчкѣ Авонѣ, въ Графствѣ Варвикскомъ. Отецъ его, Джонъ Шекспиръ, человѣкъ зажиточный и производившій оптовую торговлю шерстью, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и почтеннымъ городскимъ чиновникомъ въ званіи мирнаго судьи, а супруга его (мать Вилліама Шекспира), была дочь и наслѣдница Роберта Веллингтона, имѣвшаго помѣстья тоже въ Варвикскомъ Графствѣ. Изъ десятерыхъ дѣтей Джона, Вилліамъ былъ старшій сынъ. О образѣ воспитанія его нѣтъ ни какихъ положительныхъ свѣдѣній; но кажется, можно полагать, что онъ посѣщалъ Стратфордскую народную школу, ибо въ сочиненіи его замѣтно знаніе Латинскаго языка; что жъ касается до Французскаго и Италіянскаго, которые ему равнымъ образомъ не были, кажется, совершенно чужды, ибо

въ сочиненіяхъ своихъ употреблялъ онъ въ иныхъ мѣстахъ не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя фразы на Французскомъ и Италіянскомъ языкѣ, то, вѣроятно, онъ изучилъ ихъ, точно такъ какъ миѳологію и древнюю исторію, въ послѣдствіе времени. Достигши шестнадцати лѣтъ, онъ долженъ былъ помогать отцу своему по торговымъ дѣламъ, а на осьмнадцатомъ году женился на двадцатипятилѣтней дѣвицѣ Аннѣ Гатовáй, которая родила ему въ 1583 году любимую его дочь Сусанну, а въ 1584 году близнецовъ Іудиѳь и Самуила. Преданіе говоритъ, что какая то безразсудность побудила его, въ 1586 или въ 1587 году, бѣжать въ Лондонъ. Другіе утверждаютъ, что онъ сперва отправился въ Бристоль, а оттуда на купеческомъ кораблѣ въ Венецію, и заплатилъ корабельщику за оба пути службою своею матросомъ. Похожденія Шекспира, въ продолженіе юности его, покрыты совершенною неизвѣстностію, а потому о нихъ носятся разныя преданія и разсказы, ни на чемъ не основанные; точно такъ разсказываютъ и печатаютъ даже, безъ малѣйшей отчетливости, множество выдумокъ о приключеніяхъ его въ Лондонѣ, но на чемъ основаны эти разсказы, ни слова не упоминаютъ; это непростительно, ибо Шекспиръ лице историческое, важное, и на счетъ такихъ великихъ мужей, каковъ онъ, не слѣдовало бы произносить ни одного слова, котораго невозможно доказать вѣрнымъ свидѣтельствомъ.

Прибывъ въ Лондонъ, Шекспиръ, по рекомендаціи земляка своего, Томаса Грина, любимаго актера Лондонскаго театра, былъ принятъ въ 1589 году въ члены труппы его. Тогда было обыкновеніе, произносить роли съ жеманствомъ, и совершенно особеннымъ однозвуч-

нымъ и протяжнымъ голосомъ. Шекспиръ не слѣдовалъ принятой методѣ, явился на сценѣ безъ всякой чопорности, и руководимый врожденнымъ чувствомъ изящности, разыгрывалъ роли свои натурально, безъ всякаго видимаго напряженія и соотвѣтственно положенію представляемаго характера; это не понравилось, и публика была имъ довольна только въ одной роли «Духа,» въ *Гамлетѣ*, въ которой онъ, по характеру представляемаго привидѣнія, долженъ былъ произносить слова, тономъ необыкновеннымъ, напыщеннымъ. Между тѣмъ, драмы его, не нравившіяся тогдашнимъ критикамъ, восхищали народъ, и народная къ нему любовь, при каждомъ случаѣ болѣе и болѣе выражавшаяся, обратила вниманіе многихъ вельможъ и даже самой Королевы, умѣвшей оцѣнивать и постигать великія дарованія. Рѣшительнымъ его доброжелателемъ сдѣлался короткій пріятель тогдашняго временщика Эссекса, Графъ Соутгамптонъ, а Король Іаковъ Стуартъ написалъ ему даже собственноручное письмо, въ которомъ изъявилъ ему благодарность свою за то, что онъ въ трагедіи *Макбетъ*, счастливымъ прорицаніемъ поколѣнію Банко, выразилъ глубокое свое благоговѣніе къ потомству его, къ которому принадлежалъ Іаковъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, Шекспиръ пріобрѣлъ между прочимъ пріязнь Бенъ-Джонсона, писавшаго также трагедіи, которыя впрочемъ теперь почти вовсе забыты. Въ 1610 году, Іаковъ I дозволилъ ему и двумъ его товарищамъ, Геннингу и Конделю, коимъ мы обязаны первымъ изданіемъ Шекспировыхъ твореній (in folio), учредить новый театръ, и даровалъ имъ большія преимущества. Послѣ сего, Шекспиръ жилъ еще нѣсколько лѣтъ на родинѣ своей, въ кругу

супруги и двухъ замужнихъ дочерей, наслаждался всѣми пріятностями семейнаго благополучія, и скончался 23 Апрѣля 1616 года. Въ большой церкви въ Стратфордѣ, поставленъ ему на сѣверной сторонѣ каѳедры, памятникъ изъ камня: онъ изображенъ сидящимъ въ нишѣ подъ сводомъ; передъ нимъ лежитъ подушка; въ правой рукѣ держитъ онъ перо, лѣвая покоится на развернутомъ свиткѣ бумагъ. На лицевой сторонѣ монумента, ниже подушки, вырѣзано на камнѣ слѣдующее неправильное Латинское двустишіе (ибо въ словѣ Socratem, первый слогъ краткій):

Judicio Pylium, genio Socratem, arte Maronem,
Terra tegit, populus moeret, Olimpus habet.

За двустишіемъ слѣдуютъ шесть стиховъ, отличающихся страннымъ мнѣніемъ, что съ кончиною Шекспира умерла и самая природа. Трудолюбію біографовъ Шекспира удалось въ позднѣйшее время найти и духовное его завѣщаніе. О наружности его, только одинъ изъ древнихъ писателей, Обри (Aubrey), потрудился сообщить потомству нѣсколько свѣдѣній. По словамъ его, Шекспиръ былъ красивъ, статенъ, веселъ и исполненъ пріятнаго остроумія, выражавшагося при каждомъ случаѣ и всегда кстати. Всѣ эти качества заставили Лондонскихъ жителей любить его, и искать съ нимъ знакомства. Шекспировъ сынъ умеръ на двѣнадцатомъ году, а вдова его скончалась черезъ семь лѣтъ послѣ него. Старшая его дочь, Сусанна, вышедшая за мужъ за врача Джона Голя, умерла на шестьдесятъ шестомъ году, а младшая, Іудиѳь, по мужѣ Гинеи, на семьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія. Дѣти ихъ померли, не оставивъ наслѣдниковъ знаменитому имени.

При всемъ томъ однако же, въ 1819 году, Англійскія газеты упоминали о существованіи одной родственницы Шекспирова поколѣнія. Домъ Шекспира, въ которомъ онъ скончался, въ Стратфордѣ, построенъ потомкомъ одного древняго дворянскаго поколѣнія, Сиромъ Гугомъ Клоптономъ, который былъ Лондонскимъ шерифомъ въ царствованіе Ричарда III, и Лондонскимъ лордъ-меромъ при Генрихѣ VII, и завѣщанъ наслѣдникамъ его подъ названіемъ: *большаго дома въ Стратфордѣ.* У нихъ купилъ его Шекспиръ, перестроилъ и назвалъ Нью-Плесомъ (New Place). Фамилія Клоптонъ пріобрѣла его обратно куплею отъ наслѣдниковъ Шекспира, и одинъ изъ родственниковъ ея, Сиръ Гугъ Клоптонъ, угощалъ въ немъ Гаррика (котораго, по всей справедливости, можно назвать практическимъ представителемъ Шекспира), подъ шелковичнымъ деревомъ, которое было посажено собственными руками поэта. Около десяти лѣтъ послѣ того, Шекспировъ домъ перешелъ въ собственность священника Гастреля, который не только срубилъ достопамятную шелковицу, потому что ему надоѣли частыя посѣщенія любопытствовавшихъ путешественниковъ, но и сломалъ весь домъ до основанія и продалъ матеріялы, потому что, по мнѣнію его, съ него взималось по положенію слишкомъ много денегъ въ пользу бѣдныхъ, и онъ не хотѣлъ болѣе платить этого налога.

Не прежде, какъ въ 1741 году, вздумали Англичане соорудить отцу драматургіи памятникъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, иждивеніемъ театральныхъ сборовъ за представленія піесъ его на двухъ большихъ Лондонскихъ театрахъ. Памятникъ состоитъ изъ мраморной статуи, представляющей великаго поэта въ со-

временной ему одеждѣ, облокотившимся на аллегорически украшенный столбъ, на которомъ лежитъ книга съ надписью, неудачно выбранною изъ его творенiй. Въ 1769 году, Гаррикъ праздновалъ день рожденiя его въ Стратфордѣ замысловатымъ юбилеемъ (*). Въ слѣдующемъ году главная сцена этого торжества была представлена на Друриленскомъ театрѣ въ Лондонѣ, и представленiе было повторено *сто разъ сряду;* восторгъ публики каждый разъ доходилъ до изступленiя. Такимъ образомъ пламя всеобщей любви, столь долго подавляемое, вспыхнуло наконецъ въ народѣ огнемъ яркимъ и неодолимымъ, а художества, науки и таланты истощили всѣ средства къ представленiю Шекспировыхъ пiесъ съ возможнѣйшею роскошью. Но если эта роскошь, съ одной стороны имѣла цѣлiю увеличить Шекспирово достоинство поправкою его текста, то, съ другой она оказывается тщетною, жалкою и даже пошлою. Высшая степень совершенства въ композицiи, въ гармоническомъ подчиненiи всѣхъ частей ея одному цѣлому, т. е. главной идеи, въ рисовкѣ, положенiи, колоритѣ, и наконецъ въ исполненiи, составляетъ то истинное величiе Шекспира, которому не возможно надивиться. Можно ли было отваживаться на поправку слога или грамматическихъ ошибокъ Шекспира, до прiобрѣтенiя совершеннѣйшаго познанiя того состоянiя, въ которомъ языкъ находился при жизни поэта? А если кто и захотѣлъ бы почитать творенiя сего вѣковаго *мастера своего дѣла* не однимъ зеркаломъ современнаго ему

(*) Это торжество состояло въ церемонiяльной процессiи къ гробу Шекспира, въ обѣдахъ, балахъ, концертахъ, ристанiяхъ, драматическихъ представленiяхъ и въ чтенiи оды, сочиненной Гаррикомъ, въ честь Шекспиру.

быта, но и отраженіемъ современнаго ему языка, то и въ этомъ случаѣ возможно ли было заставлять его говорить текстомъ изданій, очищеныхъ отъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ (gross blunders), которыя, по мнѣнію велемудрыхъ корректоровъ, вставлены въ его творенія прежними ихъ переписчиками и издателями; и не слѣдовало ли придерживаться лучше первоначальныхъ и самому автору ближайшихъ изданій, когда не предстояло возможности черпать истину изъ самаго источника, потому что самъ Шекспиръ не издалъ ни одного изъ своихъ твореній (первое изданіе ихъ напечатано семь лѣтъ послѣ его кончины). Нѣтъ! нельзя предположить, чтобы кто либо съ намѣреніемъ исказилъ его творенія грубыми ошибками; что же касается до дѣйствительныхъ недосмотровъ, то каждый образованный человѣкъ могъ самъ усмотрѣть ихъ, а для необразованнаго простолюдина, они не могли быть вредными, потому что такіе люди не могутъ цѣнить ни изящности, ни правильности. И такъ исправленіе Шекспира можно почесть тяжкимъ литературнымъ грѣхомъ, и труды Англійскихъ изыскателей и коментаторовъ, въ продолженіе пятидесяти послѣднихъ лѣтъ, могутъ, по результатамъ своимъ, казаться полезными только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они старались освѣтить историческій мракъ лучами самихъ источниковъ; но тамъ, гдѣ свѣтятъ они факеломъ своей критики, все осталось темно и мрачно по прежнему. Изъ числа всѣхъ прибавленій къ Шекспиру, Джонсоновы мелкія примѣчанія суть несноснѣйшія, и при всемъ томъ они и понынѣ повторяются въ каждомъ Англійскомъ изданіи! Отъ подобныхъ искаженій великаго поэта, къ счастію избавлена навѣки Германія, съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ

поразилъ смертельно Французскій театръ съ александрійскими стихами его, а Гёте, Шиллеръ, Гердеръ и почти всѣ великіе геніи Германіи возгласили справедливое сужденіе о безсмертномъ писателѣ. Въ одномъ изъ лучшихъ чтеній своихъ о драматургіи, посвященномъ памяти Шекспира, А. В. фонъ Шлегель доказалъ, что именно то, что скудными умами называется въ Шекспирѣ безобразіемъ, дикостію и невѣжествомъ, дѣйствительно есть чистая, неподдѣльная поэзія; что художество есть мастеръ, не ищущій отличаться заимствованными блестками школьнаго ума, и слѣдовательно не дорожитъ элементарнымъ изученіемъ эпохъ, исторіи, географіи и разныхъ другихъ, впрочемъ весьма полезныхъ наукъ; что Шекспиръ вовсе не явился на поприщѣ изящной словесности въ видѣ генія дикаго и безобразнаго, но что, напротивъ того, онъ всѣ творенія свои, которыхъ многіе не понимаютъ, потому что они объемлютъ весь міръ, ознаменовалъ печатью глубочайшей разсудительности и того художественнаго совершенства, въ которыхъ выражаются свободный умъ и обдуманный выборъ автора; что, ни сколько не колеблясь, можно приписать Шекспиру большую начитанность древнихъ классиковъ, если и не въ подлинникахъ, то по крайней мѣрѣ въ переводахъ; что миѳологіею древности онъ игралъ только символическимъ образомъ, между тѣмъ, какъ многіе стихотворцы, даже въ XVIII вѣкѣ, идолопоклонствовали ей пошлыми сладкозвучными стихами; и что если, не смотря на то, весьма многіе Англійскіе эстетики взираютъ на него съ смѣшною и чопорною снисходительностію, какъ на сына природы, то такое горделивое ихъ чванство можетъ только быть признано учебнымъ заблужденіемъ

и ни на чемъ неоснованнымъ самолюбіемъ. Далѣе Шлегель изображаетъ живую картину здраваго и сильнаго, рыцарскаго и славолюбиваго вѣка Елисаветы, великолѣпія и роскоши дворянства; въ рѣзкихъ очеркахъ представляетъ различіе состояній, царствовавшую тогда наклонность къ скорымъ оборотамъ, возраженіямъ, остротамъ и двусмысленностямъ въ разговорѣ, и показываетъ наконецъ, какъ сильно всѣ эти элементы должны были дѣйствовать на современнаго стихотворца. «Однимъ этимъ элементамъ и царствовавшему тогда тону, продолжаетъ онъ, должно приписать тѣ игривыя и разгульныя двусмысленности, которыя нерѣдко кажутся почти неприличностями; ибо Шекспиръ есть не что иное, какъ чистое, превосходное зеркало, которое могло бы отразить вѣрную картину современности даже и тогда, когда бы погибли для насъ всѣ историческія черты ея. Къ тому же не должно забывать, что если Шекспиръ воспользовался стихотворческою свободою, которою современники его пользовались до совершеннаго неприличія, то она въ твореніяхъ его, какъ у великихъ древнихъ авторовъ, является въ полной, но чистой силѣ невинной жизни, чуждой соблазну. Кто занимается изученіемъ Шекспира, тотъ вѣрно скоро пойметъ, что онъ въ маломъ отдѣльномъ мірѣ своемъ не могъ бы занять довольно красокъ для выраженія явленій природы, особенностей своей родины и чужихъ земель, быта, обыкновеній и сказаній народныхъ, если бъ они были ему чужды. Смотря на него съ такой точки зрѣнія, изыскатель убѣдится, что съ одной стороны, хотя онъ и могъ ошибаться во внѣшнихъ костюмахъ, даже до такой степени, что выводилъ на сцену Грековъ и Римлянъ въ Испанскихъ

мантіяхъ, при шпагахъ, но что съ другой стороны, внутренній костюмъ, характеръ людей, ему весьма былъ извѣстенъ. Въ этомъ убѣжденіи, изыскатель утвердится совершенно, если увидитъ, что Шекспиръ столь глубоко вникалъ во всѣ свѣтскія соотношенія, въ неисчислимую разнообразность судьбы людей и общественной ихъ жизни, а что всего важнѣе, что онъ столь хорошо зналъ людей и сердце ихъ со всѣми тайными его изгибами, что могъ постигнуть ту высокую степень истины въ характеристикѣ, которой не могъ достигнуть ни одинъ изъ послѣдующихъ писателей. Каждое изъ Шекспировыхъ лицъ является намъ органически-живымъ существомъ, которое, по общимъ законамъ природы, не могло *быть* и *дѣйствовать* иначе, какъ оно *есть* и *дѣйствуетъ*. Вѣка и народы, Римляне, Французы и Англичане, обитатели Сѣвера и Италіянцы, званія, поколѣнія и возрасты, короли и нищіе, герои и плуты, мудрецы и пошлые невѣжды, всѣ они въ своемъ видѣ являются на сцену и дѣйствуютъ на ней. Но не однихъ смертныхъ, говоритъ Шлегель, образуетъ сей Прометей съ творческою изящностію: онъ отверзаетъ также врата въ чудесный міръ духовъ, вызываетъ привидѣнія, даетъ волю вѣдьмамъ творить причуды, населяетъ воздухъ эльфами и сильфами; и всѣ эти созданія, въ одномъ только воображеніи существующія, облечены такою истиною, что даже уродливый Калибанъ вынуждаетъ каждаго изъ насъ сознаться, что если бъ на свѣтѣ дѣйствительно были подобныя созданія, то каждое изъ нихъ поступало бы не иначе. Однимъ словомъ: Шекспиръ переноситъ дивную и ужасную фантазію въ міръ природы столь же свободно, какъ и самую природу въ необъятныя области фантазіи.

Находясь въ магическомъ кругу такихъ очарованій, мы удивляемся, что такъ близко находимся ко всѣмъ этимъ чрезвычайностямъ, къ этому чудесному и даже неслыханному міру. Точно такъ не забылъ онъ украсить идеальный міръ свой поэтическимъ великолѣпіемъ музыки, жалобными мелодіями и торжественными звуками, созерцательными повѣствованіями о прошедшемъ, и всѣмъ тѣмъ, что должно быть въ драмѣ безъ хоровъ, если она имѣетъ достоинство поэтическое.» Но не одно чудесное изобиліе геніяльности поражаетъ насъ въ твореніяхъ Шекспира; въ его богатомъ мірѣ истощено и совершенное познаніе психологическихъ явленій; «каждое положеніе души, каждое расположеніе ея, отъ равнодушія и веселости до дикаго изступленія и отчаянія; исторія свойствъ душевныхъ; весь рядъ предшествовавшихъ расположеній, выраженный единымъ словомъ; постепенное возвышеніе страсти, отъ перваго ея порожденія; остроумная и изобразительная энергія въ рѣчи и выраженіяхъ; насмѣшки, досада и смѣхъ отчаянія; и хотя все это ознаменовано вѣковою печатію оригинальнаго его генія, но при всемъ томъ никто менѣе его не можетъ быть уличенъ въ односторонности и однообразіи изображенія.» — Если мы пораженные удивленіемъ, благоговѣемъ предъ вождями и героями его, проникнутыми всею силою тѣлесной жизни; то съ другой стороны, какъ невыразимо трогаютъ насъ его дѣвы, какъ будто бы изъ нѣжнѣйшихъ весеннихъ цвѣтовъ созданныя! Во всѣхъ его лицахъ выражается вся прелесть добродѣтели, вся святость великодушнѣйшихъ помысловъ. Посмотримъ теперь на чистую и умную веселость другихъ лицъ, и особенно, на умилительное веселіе стариковъ, а потомъ на ужасающую,

но вмѣстѣ съ тѣмъ изящную истину сумасшествія сердецъ, сокрушенныхъ судьбою, и мы увидимъ предъ собою два новые полюса, изъ которыхъ изливается свѣтъ, озаряющій еще многія другія неразгаданныя противуположности; и соображенія о нихъ и о взаимномъ ихъ другъ на друга вліяніи, покажутъ намъ Шекспира опять въ новомъ, неподражаемомъ и творческомъ величіи. Измѣривъ всѣ способности, весь объемъ исполинской силы своей, онъ представилъ самыя крайнія бѣдствія жизни и всѣ ужасы катастрофъ въ самомъ дѣйствіи, не ограничиваясь однимъ риторическимъ повѣствованіемъ о нихъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ другіе писатели. Онъ хотѣлъ достигнуть высшей степени эффекта самою жизнію, хотѣлъ ужасать, трогать, уничтожать, чтобы тѣмъ удачнѣе и сильнѣе не только вновь воскресить никогда неугасающую искру любви, раскаянія и примиренія, но и давать ей возможность вспыхнуть вновь огнемъ яркимъ и очистительнымъ, изъ развалинъ и пепла. Вотъ для чего не прикрываетъ онъ никогда жестокости, дикости, кровожадности и злобы лакомъ лживости, но напротивъ того показываетъ порокъ и преступленіе во всей наготѣ ихъ. «И сей трагическій Титанъ, говоритъ Шлегель, посягающій на самое небо, и потрясающій весь міръ въ основаніяхъ его, сей Титанъ, предъ которымъ содрогаемся во внутренности души нашей, и кровь застываетъ въ жилахъ отъ ужаса и оцѣпенѣнія, былъ проникнутъ всею очаровательною нѣжностью сладчайшей поэзіи; онъ съ дѣтскимъ простосердечіемъ игралъ любовію, и пѣсни его дышатъ вздохами невинныхъ ея вдохновеній. Онъ соединялъ въ себѣ возвышенность чувствъ съ глубокомысліемъ; противоположнѣйшія душевныя способности

жили мирно одна возлѣ другой въ неразгаданномъ его сердцѣ. Царства духовъ и природы ввѣрили ему всѣ свои сокровища. Равняясь силою полубогу, глубокими созерцаніями пророку, а мудростію духу небесному, онъ низшелъ съ горняго къ смертнымъ, и какъ будто бы не чувствуя своего преобладающаго превосходства надъ ними, явился имъ во всей трогательной прелести простодушнаго, непритворнаго ребенка.» — Въ мірѣ, въ человѣческой жизни и въ сердцахъ нашихъ, важность и смѣхъ, горесть и веселіе сближаются иногда столь внезапно, что нерѣдко одно превращается въ другое: скорбь въ смѣхъ, и смѣхъ въ горесть. И это чудесное сближеніе противоположнѣйшихъ ощущеній, сознаніе, что свѣтъ и тѣнь должны сочетаваться въ картинѣ, если хотите, чтобы она была дѣйствительно картиною, есть тотъ холстъ, на которомъ поэзія пишетъ чары свои и раскидываетъ небесный сводъ изящности и любви. Смотря на геніяльныя произведенія съ этой точки зрѣнія, мы поймемъ, что комисмъ можетъ превратиться въ дѣйствіе трагическое, а язвительность нестерпимой ироніи усилить его до ужаснѣйшаго мученія. Каждая Шекспирова піеса доказываетъ эту истину; но великій поэтъ умѣлъ, искусною рукою, съ неподражаемымъ благоразуміемъ управлять этимъ рычагомъ, столь же сильнымъ, какъ и раздражительнымъ. Шекспировъ талантъ, какъ въ трагической возвышенности, такъ и въ уморительномъ комисмѣ, трогаетъ и изумляетъ силою и изящностію своею; и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что всѣ тѣ, которые читали или видѣли комическія его сцены, не ощутили въ полной мѣрѣ той невыразимой сладости и нѣжности, которыя разливаются въ нихъ со всею свѣжестію веселой жизни.

«Шекспировъ слогъ, говоритъ Шлегель, почерпнутъ непосредственно изъ самой жизни, и представляется неподражаемымъ образцемъ силы и возвышенности, привлекательности и нѣжности. Въ сферѣ своей Шекспиръ истощилъ всѣ средства языка; все писанное имъ ознаменовано печатью мощнаго и великаго генія. Картины и фигуры его облечены невыразимою привлекательностію не только по простотѣ своей, но и по особенности. Иногда слогъ его теменъ отъ краткости выраженій, но это не бѣда, ибо дума надъ Шекспиромъ каждому принесетъ пользу.» — Тонкое, обдуманное различіе въ употребленіи стиховъ и прозы, смотря по званію, характеру и душевному расположенію дѣйствующихъ лицъ, или по ихъ чрезвычайному или обыкновенному политическому положенію, легкій и свободный переходъ отъ стиховъ къ прозѣ или наоборотъ, и употребленіе риѳмъ, которыя то служатъ къ сильнѣйшему обозначенію или округленію отдѣленія, то должны послужить къ лучшему украшенію, всѣ эти техническія таинства не могутъ укрыться отъ ума, созерцающаго Шекспира художественнымъ окомъ. Намъ кажется, что не только разнообразность гармоническихъ и звучныхъ ямбовъ его, но даже и характеръ тѣхъ изъ нихъ, которые видимо написаны съ намѣреніемъ шероховато и отрывисто, могли бы послужить для драматическихъ писателей предметами изученія и глубокихъ размышленій; ибо всѣ они употреблены кстати и совершенно соотвѣтственно положенію дѣйствующаго лица. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи доказывается, кажется, *правильность* Шекспира. Но съ другой стороны есть еще другая, высшая правильность, которая недостижима въ мірѣ семъ, и не достигнута самимъ

Шекспиромъ. Это *правильность идеальная.* Надѣемся, что никто не поставитъ Шекспиру въ вину, что этой правильности не достаетъ и въ его твореніяхъ; ибо каждый художникъ едва облечетъ свою идею въ изящную форму, какъ уже и долженъ самъ сознаться съ горестнымъ чувствомъ, что онъ опять не достигъ своего идеала! Но таковъ уже жребій смертныхъ, *вѣчно стремиться къ совершенству*, *и никогда не достигать цѣли.*

Шекспиру приписываютъ сорокъ три драматическія піесы; Англійскіе коментаторы объявили восемь изъ нихъ подложными; но Нѣмецкіе критики возвратили ему на нихъ право собственности. Всѣ его творенія могутъ быть раздѣлены на три класса, т. е. на комедіи, трагедіи и историческія драмы. «Содержаніе комедій его, по мнѣнію Шлегеля, почерпнуто большею частію изъ повѣстей.» Это романическія любовныя приключенія; ни одна изъ нихъ не разыгрывается въ однихъ только предѣлахъ гражданскихъ или семейственныхъ отношеній; всѣ они украшены поэзіею, а иныя изъ нихъ переносятся даже въ области чудеснаго и возвышеннаго. *Два Веронскіе дворянина,* столь непостоянные въ любви и дружбѣ; *Заблужденія или ошибки,* единственный примѣръ, гдѣ Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ изъ древнихъ (изъ Менехмовъ Плавта); *Покоренная упрямица* (почти то же, что нынѣ Дона Діана Англійскаго театра), дышащая Италіянскою пылкостію, и принадлежащій къ ней недоконченный прологъ къ *Мѣднику* (шуточная народная сцена, поставленная на театръ Голбергомъ), и *Тщетная любовь,* доказываютъ содержаніемъ и исполненіемъ своимъ, что онѣ принадлежатъ къ драматическимъ опытамъ автора. — *Если*

окончаніе хорошо, то все хорошо; Много шуму о бездѣлкѣ; Плата тою же монетою (піеса, которая приличнѣе могла бы быть названа торжествомъ надъ карающимъ правосудіемъ, и которая украшена безподобнымъ лицемъ Изабеллы), и *Венеціянскій купецъ* (чудесное произведеніе искусства и характеристики, одно изъ лучшихъ Шекспировыхъ твореній), равны другъ другу въ отношеніи того искусства, съ которымъ Шекспиръ умѣлъ устранить всѣ мелочныя отношенія общежитія, и замѣнить ихъ творческою игрою и перенесеніемъ дѣйствія въ область поэзіи. Совершенно противоположною симъ піесамъ можно почесть: *Какъ вамъ угодно*, прелестную комедію, испещренную геніяльностію, дышащую свѣжестію лѣсовъ и изображающую возвращеніе природной свободы и человѣческаго ума, посредствомъ освобожденія себя отъ цѣпей привычки. *Что вы хотите, или святочный вечеръ*, комедія, исполненная интригъ и комисма, облечена очаровательнѣйшими красками поэзіи. Если она дѣйствительно послѣдняя изъ Шекспировыхъ піесъ, то онъ по самый конецъ жизни своей былъ равно юнъ и свѣжъ духомъ, и унесъ съ собою въ гробъ неистощимое сокровище таланта. *Виндзорскія проказницы* (или *Виндзорскія кумушки*), комедія, написанная, говорятъ, по приказанію Королевы Елисаветы, желавшей видѣть Фальстафа влюбленнымъ, но въ самомъ дѣлѣ представленная еще до восшествія ея на престолъ, вѣроятно въ Виндзорѣ, при празднованіи дня учрежденія ордена *Подвязки*, столь поэтически увѣковѣченнаго въ самой піесѣ, болѣе всѣхъ прочихъ принадлежитъ къ роду истинныхъ комедій, облагороженныхъ въ концѣ піесы чудесною вставочною сценою, исполненною поэзіи и замысловатости. *Сонъ лѣтней ночи*

и *Буря,* сходны между собою, по соединенію въ нихъ чудеснаго міра духовъ съ суматохою человѣческихъ страстей и смѣшными приключеніями. Первая изъ этихъ піесъ, писанная, кажется, въ молодости автора, можетъ быть почтена самымъ фантастическимъ и самымъ цвѣтущимъ произведеніемъ Шекспира, соединяющимъ во влюбчивости Титаніи крайніе предѣлы фантастическаго и пошлаго; но вторая, написанная безъ сомнѣнія гораздо позже, превосходитъ первую характеристикою, и изображаетъ въ мудрыхъ созерцаніяхъ Проспера, въ нѣжныхъ чувствахъ Фернанда и Миранды, въ мастерскомъ чудовищѣ Калибанѣ и въ небесно-преображенномъ Аріелѣ, не только совокупность совершеннѣйшихъ противуположностей, но и знаніе внутренней жизни природы и таинственныхъ пружинъ ея. *Зимняя сказка,* противуположная картина *Сну лѣтней ночи,* изображаетъ приключеніе, привлекательное и удобопонятное для дѣтей, переносящее пожилыхъ людей въ счастливый и златый вѣкъ воображенія, живую картину характеровъ и страстей, украшенную простотою безъ малѣйшаго соблюденія эпохъ и мѣстностей, однимъ словомъ: картину пеструю, цвѣтистую и милую, какія безпрестанно отражаются въ дѣтскихъ душахъ.

Переходомъ отъ комедіи къ трагическимъ піесамъ, представляется намъ *Цимбелинъ,* вѣроятно одно изъ первѣйшихъ твореній Шекспира; оно составлено изъ чудеснѣйшихъ элементовъ, совокупляетъ повѣсть Бокаччія съ древне-Британскими сагами временъ первыхъ Римскихъ Императоровъ, и начиная отъ новѣйшихъ обыкновеній общежитія до героическихъ подвиговъ, и даже до баснословнаго появленія боговъ, сливаетъ всё въ легкихъ переходахъ отъ одного къ другому; это

одна изъ тѣхъ піесъ, которыя пишутся только для поэтовъ, могутъ быть понимаемы только ими, и останутся безвкусными для всѣхъ тѣхъ, которымъ чужды стихотворческія восторженія. *Ромео и Юлія*, а также и *Отелло,* суть настоящія повѣсти, и если Шлегель называетъ Отелло картиною съ черными тѣнями, *трагическимъ Рембрантомъ,* то мы осмѣливаемся назвать *Ромео и Юлію*, картиною, исполненною очаровательныхъ красокъ и свѣтло-тѣней, — *Корреджіемъ*. Величія и глубокости трагедіи Гамлета нельзя ни чѣмъ лучше доказать, какъ разными мнѣніями превосходнѣйшихъ критиковъ о достоинствѣ и внутреннемъ значеніи главнаго характера піесы. Изъ всѣхъ сужденій отличается предъ прочими разборъ *Тика,* помѣщенный въ драматическихъ листахъ (Dramaturgische Blätter). Первое изданіе этой трагедіи (1603), вторично тиснуто въ 1825 году, и потомъ опять въ Лондонѣ и Лейпцигѣ 1826 года. Многіе полагаютъ, что оно не что иное, какъ только сокращенная передѣлка Гамлета; а другіе, что оно составлено со словъ актеровъ, во время представленія трагедіи. Но какъ бы то ни было, въ этомъ изданіи выпущены неприличныя фразы Гамлета къ Офеліи (въ третьемъ дѣйствіи). Первое, понынѣ неизвѣстное изданіе Шекспира, содержало въ себѣ двѣнадцать драмъ; старшее же извѣстное изданіе (1604), состояло изъ тринадцати піесъ; послѣ сего изданія напечатано было второе въ 1623 году. *Макбетъ,* величайшая и ужаснѣйшая трагедія, которая только могла быть создана послѣ *Эвменидъ Эсхила,* и въ которой съ такимъ искусствомъ исполнены сцены вѣдьмъ въ древнемъ Шотландскомъ характерѣ, безъ нарушенія поэтической точки зрѣнія, показываетъ предѣлъ, до котораго дозволено прости-

раться порожденіямъ ада, безъ оскорбленія небесъ: здѣсь они ищутъ и находятъ легкій доступъ до человѣка, забывшагося въ разгульномъ веселіи, и побуждаютъ его обременить себя преступленіемъ, потому что онъ слишкомъ легко предавался грѣху, и не оказывалъ должнаго сопротивленія лукавымъ силамъ. Этотъ Макбетъ, эта громадная развалина, возносящаяся къ небу изъ пропастей ада, существовать будетъ въ полномъ блескѣ своемъ даже и тогда, когда послѣдніе остатки Макбетова замка въ Инвернесѣ, превратясь въ прахъ, поравняются съ землею. Въ Гамлетѣ ходъ піесы поддерживается «блѣдною краскою нерѣшимости,» въ Макбетѣ совершается онъ со всѣмъ изступленіемъ гибельнаго ослѣпленія. Но подобно тому, какъ въ Макбетѣ ужасъ достигаетъ высшей степени, точно такъ въ *Лирѣ,* гдѣ главное лице является несчастнымъ, истощена вся мѣра сострадапія. Эти пять трагедій суть превосходнѣйшія изъ всѣхъ Шекспировыхъ, а три послѣднія могутъ почтены быть трилогіею восторженнаго генія. Но изъ числа строго историческихъ драмъ Шекспира, нѣкоторыя такъ же отличаются великимъ трагическимъ совершенствомъ, и всѣ онѣ облечены блистательными особенными достоинствами.

Три Римскія піесы, почерпнутыя изъ Плутарха, скрываютъ, въ мнимой простотѣ своей и въ простомъ повѣствованіи историческихъ фактовъ, чрезвычайное искусство. *Коріоланъ* отличается разгульною веселостію. Въ *Юліи Цесарѣ,* на развалинахъ, подъ которыми погребенъ Цесарь, Брутъ стоитъ во всемъ величіи Римлянина, и представляется истиннымъ героемъ піесы. Драма *Антоній и Клеопатра*, могла бы быть почтена картиною характеровъ, изъ которой можно почерпнуть

основательнѣйшее сужденіе объ этихъ двухъ историческихъ лицахъ и Августѣ, нежели изъ многихъ историковъ новѣйшаго времени. *Тимонъ Аѳинскій*, и *Троилъ и Крессида*, хотя не принадлежатъ къ числу историческихъ піесъ, и столь же мало относятся къ трагедіямъ, но по содержанію своему, они не чужды древности. Въ числѣ твореній Шекспира, сатира царствуетъ въ Тимонѣ болѣе, нежели въ другихъ, а именно сатира шуточная, въ изображеніи льстецовъ и паразитовъ; а Ювеналова, въ ѣдкихъ и горькихъ выходкахъ на неблагодарность міра, произносимыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, домогающимся славы. *Троилъ и Крессида* есть единственная драма, которую Шекспиръ напечаталъ до представленія ея; она является школою остротъ, незаботившеюся о театральномъ эффектѣ, ѣдкою ироніею на Троянскую войну, не на счетъ Гомера, но на рыцарскій романъ Даресъ Фригіуса, изобразившаго въ немъ эту войну. Въ драмѣ изображены и любовныя похожденія, сдѣлавшіяся тогда въ Англіи народною повѣстью, такъ что имя Троила означаетъ теперь вѣрную, но обманутую любовь, а имя Крессиды, любовь лукавую, женскую.

Съ мнѣніемъ Шлегеля, что десять Шекспировыхъ піесъ, почерпнутыхъ изъ Англійской Исторіи, составляютъ *одно* твореніе, *одну* героическую поэму въ драматической формѣ, согласится всякій, кто всѣ піесы прочитаетъ по очереди и по порядку ихъ. Вѣрное понятіе о причинахъ и дѣйствователяхъ, высокія поученія для царей о внутренней важности наслѣдственнаго ихъ назначенія и ихъ обязанностей, опасности похищенія власти, паденіе тиранства, гибельныя слѣдствія его слабостей и преступленій для народовъ и цѣлыхъ

поколѣній, все это вмѣстѣ невольно заставляетъ каждаго критика почитать его піесы учебною книгою для царей. Восемь изъ этихъ піесъ, начиная отъ Ричарда II до Ричарда III, объемлютъ въ безпрерывной послѣдовательности почти цѣлое столѣтіе; тутъ изображены политическія бури и великія явленія, согласно историческому о нихъ повѣствованію. Хронологически отдѣлены отъ этихъ піесъ *Король Іоаннъ* и *Генрихъ VIII*. Первая изъ нихъ можетъ служить прологомъ, а послѣдняя эпилогомъ и прорицаніями при рожденіи Елисаветы, *низводящими* великую поэму Англійской Исторіи Средняго Вѣка на вѣкъ *Шекспировъ*. Бѣглое и отдѣльное чтеніе каждой піесы этого великаго цѣлаго ни къ чему повести не можетъ, а разсматриваніе однихъ только высшихъ взглядовъ поэта, столь богатаго и разнообразнаго, всегда оставитъ въ насъ чувство, что мы забыли разсмотрѣть ихъ съ должнымъ вниманіемъ. А потому совѣтуемъ почерпать познаніе о могучей исполинской эпопеѣ изъ самыхъ ея источниковъ, и изучать поэта въ его превосходномъ изображеніи слабыхъ, добродѣтельныхъ, жестокосердыхъ, мрачныхъ и рыцарскихъ королей, въ окружающихъ ихъ лицахъ и въ искусныхъ изобрѣтеніяхъ творческаго его воображенія. Его изобрѣтенія возвышаютъ замысловатымъ образомъ движеніе таинственныхъ силъ, управляющихъ судьбами людей, то вставкою комедій (*Князь негодяевъ Фальстафъ* и *Расчетливая свадьба Генриха V*), то примѣсью сверхъестественности (*Сны Ричарда* и *Ричмонда*). Если же оскорбитъ насъ лице, выведенное на сцену подъ названіемъ *Орлеанской дѣвственницы*, то не забудемъ, что Шекспиръ изображалъ мнѣніе Англійскаго народа, и что съ другой стороны, въ изображеніи Генриха VIII,

онъ выставилъ Короля именно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно.

Не только отдѣльныя мѣста, *признанныя* Попомъ, за подлинныя Шекспировы, каковы напримѣръ явленіе призраковъ и Юпитера въ *Цимбелинѣ*, но и цѣлыя піесы, оспоренныя у Шекспира, должны быть ему вновь приписаны. *Титъ Андроникъ* напечатанъ уже въ собраніи его твореній, изданномъ его друзьями, Геннингомъ и Конделемъ; да и современникъ его, Мересъ, которому онъ читалъ многія изъ своихъ сочиненій до напечатанія ихъ, упоминаетъ о Титѣ Андроникѣ въ оглавленіи его піесъ въ 1598 году; сверхъ того, это сочиненіе носитъ на себѣ типъ огромнаго таланта, не взирая на нѣкоторые недостатки въ расположеніи исполинскаго сюжета, и кажется, нѣтъ причины сомнѣваться, подлинно ли написалъ Шекспиръ эту піесу до вообще принятаго 1590 года, подобно его *Локрину*, *Периклу*, признанному уже Дрейденомъ, и *Лондонскому блудному сыну*, признанному Лессингомъ за его твореніе. Шлегель почитаетъ *Кромвеля*, *Сиръ Джонъ Ольдкестля*, *Генриха VIII*, *Генриха V* и *Трагедію въ Іоркширѣ* (ужасающее изображеніе смертоубійства), богатыми и превосходнѣйшими твореніями Шекспира. *Пуританка*, или *Вдова въ Велингстритѣ*, признана Тикомъ за шутливый опытъ комедіи во вкусѣ Бенъ-Джонсона. Къ числу піесъ, содѣлавшихся столь рѣдкими, что о нихъ едва ли что извѣстно, кромѣ названій ихъ, принадлежатъ: *Веселый бѣсъ въ Эдмонтонѣ*, *Обвиненіе Париса*, *Рожденіе Мерлина*, *Эдуардъ III*, *Прекрасная Эмма*, *Муцедоръ* и *Арбенъ Февершемскій*. Нѣмецкая словесность чрезвычайно обязана Тику за переводъ и изданіе *Короля Іоанна*, *Джоржа Грина*, *Векфильдскаго*

полеваго стража, Перикла, Принца Тирскаго, Локрина, Веселаго бѣса Эдмонтонскаго, Короля Лира (сочиненнаго прежде извѣстнаго *Лира,* напечатаннаго въ 1605 году), а въ послѣднее время и за переводъ четырехъ Шекспировыхъ историческихъ драмъ: *Эдуарда III, Сиръ Джонъ Ольдкестля, Томаса Кромвеля* и *Лондонскаго блуднаго сына* (въ Стутгартѣ 1836). Сверхъ сего, должно здѣсь упомянуть о Тиковыхъ предисловіяхъ къ древне-Англійскому театру и о твореніи его: Shakespeare's Vorschule (I и II часть въ Лейпцигѣ 1823 и 1829). Наконецъ въ драматическихъ листахъ своихъ (Dramaturgische Blätter), Тикъ бросаетъ свѣтлые взгляды на творенія Шекспира.

Сверхъ драматическихъ твореній своихъ, Шекспиръ подарилъ свѣту еще нѣсколько *повѣствовательныхъ стихотвореній* и 154 сонета. Первые суть: *Венера и Адонисъ,* и *Похищеніе Лукреціи.* Сонетъ: *Венера и Адонисъ,* напечатанъ въ 1593 году, и посвященъ Графу Соутамптону, котораго Шекспиръ назвалъ первымъ наслѣдникомъ своей изобрѣтательности; но, по эпохѣ изданія, не должно еще заключать, чтобы Шекспиръ до 1593 года не занимался поэзіею; напротивъ того, весьма вѣроятно, что онъ, уже до 1583 года, въ родинѣ своей, началъ писать *Ромео и Юлію,* и *Тщетную любовь,* и окончилъ ихъ только въ Лондонѣ. По этимъ юношескимъ сочиненіямъ нельзя не убѣдиться въ пламенныхъ чувствахъ и геніяльной силѣ Шекспира; роскошныя картины, игривое остроуміе, обстоятельность и неровность, суть черты юности. Сонеты его, облеченные характеромъ краткости, ума и нерѣдко веселаго остроумія, привлекательны еще въ другомъ отношеніи, и Тикъ, какъ поэтъ, превознесшій *великаго поэта* въ

двухъ прекрасныхъ повѣстяхъ своихъ, весьма искусно употребилъ сонеты его для поясненія жизни Шекспира. Чтобы ни говорили Французы, но нельзя не согласиться, что однимъ Нѣмецкимъ писателямъ будетъ навѣкъ принадлежать слава глубочайшаго изученія духа великаго поэта, и отчетливаго, яснаго изображенія необъятнаго его величія, а Англичанамъ то, что они ничего не жалѣли для украшенія изданій его твореній типографскимъ великолѣпіемъ и роскошью. Эти роскошныя изданія Шекспира и понынѣ продолжаются; но изданія Джонсона и Стивена, Рида и Малоне, пользуются справедливымъ авторитетомъ. Къ числу лучшихъ новѣйшихъ Англійскихъ изданій принадлежатъ Босвелево и Хельмерово. Изданіе всѣхъ Шекспировыхъ твореній въ одномъ томѣ, въ Лейпцигѣ (1830 — 1833), заслуживаетъ вниманіе. Нельзя не упомянуть и о Shakespeare gallery Бойделя.

Русская словесность не обогащена еще классическимъ переводомъ всѣхъ твореній Шекспира; мы имѣемъ только Гамлета и Макбета (переводъ Врончепки), о другихъ же переводахъ не стоитъ упоминать; и потому мы полагаемъ, что для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые не могутъ заниматься Англійскою литературою, но знаютъ Нѣмецкій языкъ, пріятно будетъ получить свѣдѣніе о лучшихъ Нѣмецкихъ источникахъ, по которымъ можно изучить Шекспира.

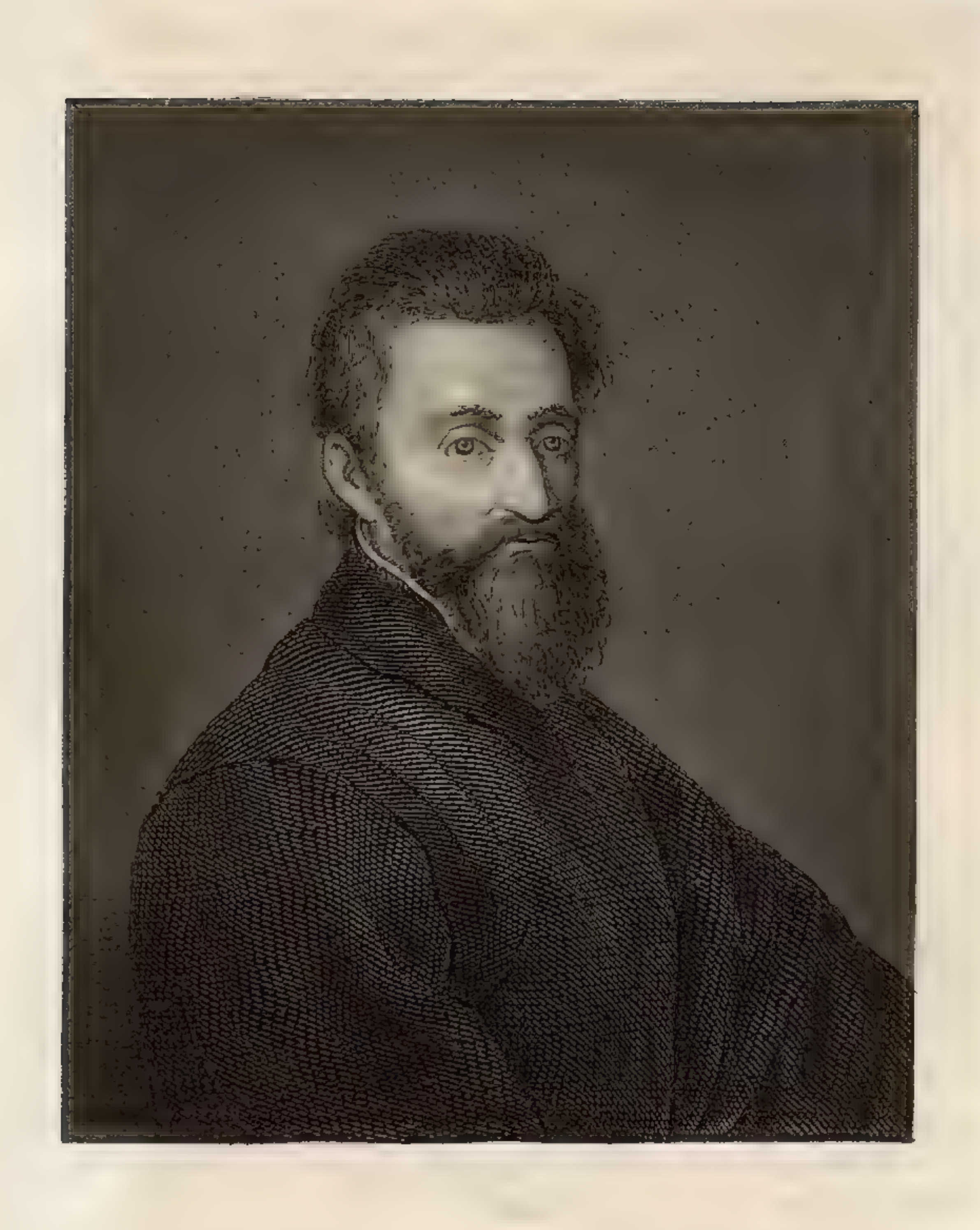
Первый переводъ его твореній на Нѣмецкій языкъ сдѣланъ былъ Виландомъ и Эшенбургомъ, который, при всѣхъ недостаткахъ, неразлучныхъ съ первымъ опытомъ, совершеннымъ до критическаго очищенія мнѣній о Шекспирѣ, всегда будетъ заслуживать ве-

личайшую благодарность: этотъ переводъ обратилъ всеобщее вниманіе на дивныя произведенія великаго поэта, и заставилъ ученый міръ Германіи открывать, слѣдить и познавать источники и красоты его. Виландъ, въ *Снѣ лѣтней ночи*, а Эшенбургъ, въ *Ричардѣ III*, всѣми силами старались передать форму подлинника; но ученые полагали, что нельзя сдѣлать метрическаго перевода, не обезсиливъ, во многихъ мѣстахъ, характера подлинника. А. В. фонъ Шлегель, въ переводѣ своемъ Шекспира (исправленномъ и доконченномъ Тикомъ, 9 частей, въ Берлинѣ 1829 — 1835), первый показалъ, какъ можетъ быть понятъ иностранный поэтъ, которому, въ искусственномъ отношеніи, форма столь же священна, какъ матерія въ поэтическомъ; когда же І. Г. Фоссъ съ сыновьями своими явился съ переводомъ Шекспира (9 частей, Лейпцигъ и Стутгартъ 1818 — 1829) на то же поприще, состязаніе мастеровъ дѣла подало поводъ, при сравненіи ихъ трудовъ, къ весьма поучительнымъ воззрѣніямъ. Отъ Бенды (18 томовъ, Лейпцигъ 1825 — 1826), и отъ Юлія Кёрнера (1 часть, Шнебергъ 1836), Нѣмецкая литература получила новые метрическіе и полные переводы Шекспира. Съ большимъ успѣхомъ начатъ переводъ его твореній Кауфманомъ (часть 1—3, Берлинъ 1830 — 1835). Изъ числа переводчиковъ отдѣльныхъ піесъ Шекспира, упомянемъ сверхъ Тика, еще о Фалькѣ, Дипнольдѣ, Краузѣ, Кесслерѣ и Графѣ Баудиссинѣ. Обработокъ и передѣлокъ Шекспира появилось множество, но всѣ онѣ погибли и исчезли. Теперь можно надѣяться, что посредственность перестанетъ наконецъ касаться святотатственнымъ перомъ своимъ священныхъ произведеній великаго генія. Онъ всегда пребудетъ свѣжимъ,

изящнымъ образцемъ для драматическихъ писателей; никто лучше его не показываетъ намъ пути къ истиннымъ источникамъ той драматической поэзіи, которая въ состояніи создать народный театръ, и открыть вѣрную стезю къ Исторіи и сагамъ, которыя народъ всегда считаетъ своими родными. Только онѣ имѣютъ крѣпкую основу и укореняются на благодатной почвѣ народности, между тѣмъ, какъ суетныя выдумки и мечтательность расплываются въ пустой ничтожности еще скорѣе тѣхъ піесъ, которыя хотя и опираются на Исторію, но не отличены глубокостію и проницательностію истиннаго творческаго генія, и истинной, чистой силы изящества. См. Эшенбурга: о *Шекспирѣ* (Цюрихъ 1787); Горна: Объясненіе Шекспировыхъ піесъ (5 частей, Лейпцигъ 1822 — 1830); Дрека: Shakespeare and his times (2 тома, Лондонъ 1817); Druces, illustrations of Shakespeare (2 тома, Лондонъ 1807). Въ числѣ старыхъ Англійскихъ критиковъ Робертсонъ, а новыхъ Гацлитъ (Лондонъ 1817), писали о характерахъ Шекспировыхъ, а о женскихъ въ особенности Mrs. Jameson: *Female characters of Shakespeare;* послѣднее напечатано и на Нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ 1834. Скоттъ, въ своемъ сочиненіи: The life of Shakespeare (2 тома, Лондонъ 1824), весьма хорошо изобразилъ все то, что извѣстно намъ изъ Роу (Rowe) и Малоне. См. New facts regarding the life of Shakespeare (Лондонъ 1835, 12). Изъ числа Outlines to Shakespeare (галереи Шекспировыхъ твореній), издаваемыхъ Дрезденскимъ живописцемъ Речемъ, вышло уже нѣсколько выпусковъ; въ первомъ изображены сцены изъ *Гамлета* (1828), во второмъ изъ *Макбета* (1830), съ поясненіями А. К. Беттигера, въ Дрезденѣ; въ третьемъ *Ромео*

и Юлія (1836), съ описаніями К. Борромея Барона Мильтица. — А. С. Руль изобрѣлъ и награвировалъ Sketches for Shakespeare's plays (4 тетради, Лейпцигъ 1827, 4).

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ.

МИКЕЛЬ АНЖЕЛО.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ.

═

Микель-Анджело Буонаротти, родившійся въ 1474 году во Флорентинскихъ владѣніяхъ, въ городѣ Капрезе, и умершій въ 1564 году въ Римѣ, показалъ удивительную геніальность въ живописи, скульптурѣ, зодчествѣ и поэзіи. Въ рисовальномъ искусствѣ первымъ его учителемъ былъ Доменико де-Грильяндоіо; пользовавшись его наставленіями въ теченіе двухъ лѣтъ, Микель имѣлъ также случай обучиться и ваянію у Бертольдо, въ художественной школѣ, учрежденной Лоренцомъ де-Медичи, и усвоилъ себѣ это искусство до такой степени, что уже на шестнадцатомъ году возраста своего, онъ изваялъ изъ мрамора копію головы древняго сатира, которой лучшіе знатоки не могли довольно надивиться. Не менѣе изумилъ онъ вскорѣ живописью своею, такъ, что вмѣстѣ съ знаменитымъ *Леонардо да-Винчи*, получилъ почетное порученіе украсить палату Совѣта во Флоренціи историческою живописью. Для этого

начерталъ онъ извѣстный картонъ, представляющій сцену изъ Пизанской Войны, который превознесенъ всѣми знатоками, какъ превосходнѣйшее его созданіе, и отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранились только немногіе отрывки. Между тѣмъ Папа Юлій II призвалъ его въ Римъ, и поручилъ ему изваять для него надгробный памятникъ. Эта работа пріостанавливалась два раза; въ первый, отъ оскорбленія его честолюбія, а въ другой разъ отъ зависти современныхъ художниковъ. Зная, что Микель-Анджело еще никогда не занимался живописью альфреско, Браманте и Джуліано да-Сангалло, уговорили Папу, поручить ему написать картину въ Сикстинской капеллѣ, полагая, что несовершеннымъ исполненіемъ ея онъ утратитъ благосклонность Папы. Вотще старался онъ отклонить отъ себя это порученіе; онъ былъ принужденъ приступить къ дѣлу, и не взирая на безпрестанное понужденіе къ скорѣйшему окончанію, въ теченіе двадцати мѣсяцевъ, исполнилъ вѣковую живопись, приведшую всѣхъ знатоковъ въ изумленіе, и о которой Ферновъ (Fernow) сказалъ, что художникъ показалъ въ ней всю мѣру оригинальнаго своего духа. По окончаніи этой картины, Микель-Анджело собирался опять приступить къ ваянію надгробнаго памятника; но Юлій вдругъ скончался, а новый Папа, Леонъ, повелѣлъ ему отправиться во Флоренцію, и заняться тамъ построеніемъ фасада библіотеки Санъ-Лоренцо. Вскорѣ однако же скончался и Леонъ. Въ правленіе Адріана VI, Микель-Анджело занимался изваяніемъ нѣсколькихъ статуй для надгробнаго памятника Папы Юлія, и изображенія Спасителя; послѣднее произведеніе поставлено въ Римѣ, въ церкви, называемой ла-Минерва. При восшествіи на папскій престолъ

Климента VII, онъ опять былъ призванъ въ Римъ, и получилъ отъ Папы повелѣніе, заняться окончаніемъ новаго алтаря въ библіотекѣ Санъ-Лоренцо, во Флоренціи. Между тѣмъ настали смутныя времена; по прошествіи ихъ, Микель-Анджелу, уже и кромѣ того озабоченному столь многими порученіями, повелѣно было написать въ Сикстинской капеллѣ Страшный Судъ. Шестидесятилѣтній художникъ не охотно приступилъ къ исполненію этой картины, опасаясь утратить славу свою. Наклонный, съ самой юности, къ задумчивости и глубокимъ помысламъ, воспламенявшійся одною только поэзіею Данта, и посвящавшій всю жизнь свою познанію анатоміи и сокровеннѣйшаго механисма мускуловъ, Микель-Анджело рѣшился наконецъ, въ полномъ убѣжденіи силъ и способностей своихъ, проложить себѣ этою картиною новую стезю къ славѣ на поприщѣ искусствъ, и превзойти всѣхъ предшественниковъ своихъ изображеніемъ *ужаснаго,* силою очерковъ и смѣлостію движеній. Въ 1541 году онъ окончилъ эту картину, которая, не представляя ни удачи въ композиціи, ни величія въ общемъ составѣ, ни благородства и изящности въ отдѣльныхъ частяхъ ея, отличается однако какимъ-то невыразимымъ духовнымъ величіемъ опытнаго художника, и если не удовлетворяетъ вкусу и чувствамъ любителей, то, по крайней мѣрѣ, навсегда останется богатымъ предметомъ для размышленія и изученія художниковъ. Представляя человѣческую фигуру во всѣхъ изгибахъ, положеніяхъ и сокращеніяхъ, а выраженіе изумленія, муки и отчаянія во всѣхъ степеняхъ, картина Страшнаго Суда служитъ неисчерпаемымъ источникомъ ученія. — Послѣднія двѣ большія картины Микель-Анджела, находящіяся въ капеллѣ

Павла въ Римѣ, суть: Паденіе Павла, и Распятіе Петра. По части скульптуры онъ изваялъ изъ одного куска мрамора группу четырехъ фигуръ, представляющую Снятіе со Креста. Сверхъ того, имѣлъ онъ главный надзоръ за работами укрѣпленія одной части города, называющейся иль-Борго, а въ 1546 году долженъ былъ приступить еще и къ построенію собора Св. Петра. Въ теченіе четырнадцати дней начерталъ онъ планъ этому зданію, въ которомъ внутреннее расположеніе имѣло видъ Греческаго креста; увеличилъ трибуну, расширилъ боковыя пространства церкви, поставилъ куполъ на крѣпкія стѣны, и украсилъ одну лицевую сторону собора предхраміемъ, по образцу Пантеона. Но до окончанія постройки сего Собора онъ не дожилъ, а по кончинѣ его, нѣкоторыя части плана его были отмѣнены. Сверхъ того онъ управлялъ работами при построеніи Кампидоліо, Фарнезскаго дворца и разныхъ другихъ зданій. Архитектурныя его созданія равнымъ образомъ отличаются величіемъ и смѣлостію, но въ украшеніяхъ ихъ проявляется иногда неотчетливая странная фантазія, предпочитающая необыкновенное и новое, простому и изящному. Не менѣе того заслуживаютъ большее вниманіе и стихотворенія его, хотя онъ занимался поэзіею только для развлеченія, въ часы отдохновенія. Стихи его обличаютъ въ немъ великія способности. Они помѣщены въ разныхъ собраніяхъ, а иные изданы даже отдѣльно. Творенія въ прозѣ (Лекціи, Рѣчи, Чиккалате, т. е. юмористическія Академическія лекціи), помѣщены въ Собраніи Флорентинской Прозы (Prose Fiorentine), а письма въ Ботаріевыхъ Lettere pittoriche. См. Vita di Michel Angelo Buonarotti, scritta da Ascanio Condivi, suo discepolo (Римъ

1553, 4; съ прибавленіями, Флоренція 1746, in folio. Новѣйшее изданіе съ замѣчаніями Кавалера де-Росси, напечатано въ Пизѣ 1823).

МОЛІЕРЪ.

МОЛЬЕРЪ.

МОЛІЕРЪ.

Жанъ Батистъ Покеленъ де-Моліеръ, знаменитый сочинитель Французскихъ комедій, родился 16 Января 1622 года въ Парижѣ. Отецъ его былъ придворный обойщикъ, торговалъ ветошками, и, воспитывая сына для того жъ ремесла, не заботился о образованіи его въ наукахъ. Не прежде, какъ на четырнадцатомъ году возраста своего, удалось ему посѣщать Іезуитскій Коллегіумъ, гдѣ воспользовался онъ, между прочимъ, лекціями Гассенди. Въ 1641 году онъ долженъ былъ прекратить занятія свои въ коллегіумѣ; ибо отецъ его, по старости и дряхлости своей, не могъ уже отправиться со Дворомъ въ Нарбоннъ, и поручилъ исправленіе должности своей сыну. Но юный Покеленъ, пристрастившись къ театральнымъ представленіямъ, выполнялъ порученіе отца только въ продолженіе пребыванія Двора въ Нарбоннѣ, и возвратясь съ нимъ въ Парижъ, присоединился, въ 1642 году, къ труппѣ актеровъ, и принялъ имя Моліера. Уступая внутреннему

призванію, онъ посвятилъ себя избранному состоянію со всѣмъ усердіемъ пламенной души, усовершенствовалъ себя практически въ искусствѣ театральномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно занимался литературою и изученіемъ Италіянскихъ и Испанскихъ комиковъ. Наконецъ, положеніе труппы, къ которой онъ принадлежалъ, и которая нуждалась въ хорошихъ піесахъ, породило въ немъ идею устранить терпимый въ нихъ недостатокъ. Онъ сочинилъ нѣсколько комедій, которыя, при разыграніи ихъ въ провинціяльныхъ городахъ, весьма понравились и доставили ему извѣстность. Авторская его слава началась съ его Etourdi, представленнаго имъ въ Ліонѣ (1654). Правда, что эта піеса имѣетъ свои недостатки, но правильность діалога, который вообще въ Моліеровыхъ піесахъ невыразимо превосходенъ, и чрезвычайно смѣшныя сцены, въ которыхъ неистощимая оборотливость камердинера старается безпрестанно прикрывать безразсудства своего господина, и выпутывать его изъ затруднительнѣйшихъ положеній, оправдываютъ рѣшительное одобреніе этой комедіи публикою. Съ тѣмъ же успѣхомъ представилъ Моліеръ въ Безіерѣ: Le dépit amoureux и Les Précieuses ridicules; послѣдняя комедія изображаетъ тогдашній бытъ одной литературной партіи; она находила пріютъ свой, свой bureau d'esprit, въ Отель-Рамбульетъ; отличалась смѣшнымъ педантическимъ остроуміемъ, чванствомъ, чудною изысканностію въ выраженіяхъ, и, что всего смѣшнѣе, предпочитала мелкихъ, и нынѣ давно уже забытыхъ авторовъ великому Корнелю. Объѣхавъ съ труппою своею разныя провинціи, и сыгравъ съ нею нѣсколько піесъ въ Греноблѣ и Тулузѣ, онъ прибылъ, въ 1658 году, въ Парижъ, гдѣ старый его пріятель и

школьный товарищъ, Принцъ Конти, исходатайствовалъ для него отъ Короля дозволеніе, давать театральныя представленія. Въ Парижѣ дебютировалъ онъ комедіею Les Précieuses ridicules съ тою смѣлостію, которую могли постигать только люди, знавшіе тогдашнее направленіе умовъ и царствовавшее при Дворѣ мнѣніе. Моліеръ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Все то, что многіе чувствовали, но не смѣли выразить, выразилъ онъ передъ публикою. Правда, что противъ него тотчасъ составилась и вооружилась сильная партія, но большая часть публики стала за него, и самъ Король Лудовикъ XIV былъ имъ такъ доволенъ, что всю труппу его принялъ въ свою службу. Моліеръ сдѣлался королевскимъ любимцемъ; и при семъ случаѣ нельзя не отдать Королю полной справедливости въ томъ, что онъ умѣлъ истинно оцѣнить великія достоинства знаменитаго писателя, столь сильно дѣйствовавшаго на литературу и нравственность, и защищать его отъ вражды и преслѣдованій, порожденныхъ его произведеніями, не уступающими Аристофановымъ, въ вольномъ и безусловномъ осмѣяніи пороковъ. Покровительствомъ мужу, о которомъ самъ Буало сказалъ, что онъ произведеніями своими болѣе всѣхъ другихъ писателей прославилъ вѣкъ классической литературы, Лудовикъ XIV увѣнчалъ себя неувядаемою славою. Съ великимъ Конде, Ларошфуко и многими другими первостепенными вельможами, Моліеръ жилъ въ тѣснѣйшихъ дружескихъ связяхъ, и всѣ они обходились съ нимъ съ тою разборчивостію и съ тѣмъ видимымъ уваженіемъ, которыя равно дѣлаютъ честь, какъ высокому ихъ званію, такъ и великимъ его достоинствамъ. О Моліеровыхъ комедіяхъ можно смѣло сказать, что онѣ возвели его на

высшую степень всѣхъ новѣйшихъ комиковъ. Въ его піесахъ выражается обширное познаніе всѣхъ человѣческихъ соотношеній, особенно въ быту, занятіяхъ и навыкахъ низшаго состоянія, изученіемъ коихъ онъ никогда не пренебрегалъ. Всѣ характеры его живы, отчетливы и сняты съ натуры мастерскою кистію, съ невыразимою вѣрностью; иные изъ нихъ сдѣлались даже типами, извѣстными каждому народу, и имена *Тартюфъ* и *Гарпагонъ*, кажется, разительнѣе обозначаютъ характеръ этихъ лицъ, нежели слова ханжа и скряга. На вѣкъ свой и на своихъ современниковъ, имѣлъ онъ неизмѣримое вліяніе. Правда, что постоянныя и укоренившіяся заблужденія не ускользали также отъ его наблюдательности, и онъ изображалъ ихъ съ невыразимою вѣрностію и отчетливостію; при всемъ томъ онъ всегда предпочиталъ осмѣивать особенныя пошлости и дурачества своихъ современниковъ. Увлекаясь этою наклонностію, онъ безъ пощады раскрывалъ слабости тогдашнихъ адвокатовъ и врачей. Слогъ его отличается пластическою особенностію, разговоръ неподражаемою свободою и гибкостію языка, а стихи изящностію и совершенствомъ даже въ тѣхъ характерахъ, которые представлены въ карикатурномъ видѣ. Повсюду является онъ неподражаемымъ и никѣмъ еще не превзойденнымъ мастеромъ своего дѣла, однимъ словомъ, Моліеромъ. Онъ далеко превосходитъ Расина, ибо изъ числа всѣхъ Французскихъ писателей нѣтъ ни одного, который бы былъ столь чуждъ современныхъ предразсудковъ, и, при всемъ томъ, столь же истинный Французъ, какъ онъ. Величайшею славою пользуются еще и нынѣ его піесы: l'Ecole des femmes (1662), l'Ecole des maris, Le Misantrope (при-

нятая сначала весьма холодно, но въ послѣдствіи съ величайшимъ одобреніемъ, хотя должно признаться, что есть равныя ей, и что почти трагическая борьба чистаго сердца съ притворствомъ, къ которой общественныя отношенія выпуждаютъ каждаго изъ насъ, могла болѣе служить предметомъ для сатиры, нежели для комедіи), и наконецъ Tartufe (1664), представленный въ 1669 году. Затрудненія къ представленію на сценѣ этой ѣдкой сатиры на ханжей и лицемѣровъ, могли быть устранены однимъ рѣшительнымъ словомъ Короля, а разительныя улики, кажется, никогда не утратятъ убійственной силы своей: духовное начальство въ Руанѣ, еще недавно, а именно, 18 Апрѣля 1825 года, формально запретило представленіе Тартюфа. Изъ Моліеровыхъ піесъ, писанныхъ прозою, отличаются: Le bourgeois gentilhomme и L'avare, а изъ твореній его неподражаемой шутливости, прекрасны драматическія шутки: Le malade imaginaire, Monsieur de Pourceaugnac, Le médecin malgré lui; за то многія другія піесы его не что иное, какъ случайныя, писанныя по приказанію Двора наскоро, а потому во многомъ уступаютъ первымъ; но и въ нихъ повсюду проявляются талантъ и комисмъ, и сверкаютъ тѣ свѣтлыя, яркія искры генія, которыми душа даровитаго человѣка безпрестанно бываетъ напитана. Не взирая на всѣ приглашенія оставить театръ и сдѣлаться членомъ Академіи, Моліеръ остался актеромъ. Подобно каждому истинно великому артисту, онъ не пренебрегъ званіемъ своимъ. Послѣдній дебютъ его былъ въ піесѣ Le malade imaginaire; онъ чувствовалъ себя уже весьма больнымъ, но не хотѣлъ лишить публику удовольствія, и игралъ въ этой комедіи роль Оргона. Въ самую ту

минуту, когда въ шутливой сценѣ произнесъ онъ слово: fogo, потекла у него кровь изъ рта, и чрезъ нѣсколько часовъ онъ скончался, 17 Февраля 1673 года. Парижскій архіепископъ не дозволилъ было похоронить его съ соблюденіемъ церковнаго обряда; но, по повелѣнію Короля, похороны его были совершены безъ большихъ церемоній въ церкви Св. Іосифа. Французская Академія почтила память его, помѣстивъ въ залѣ засѣданій своихъ бюстъ съ надписью: Rien ne manque à sa gloire, il manquait à la nôtre. — Въ послѣдствіе времени прахъ его былъ перенесенъ въ музей достопамятностей Франціи, гдѣ сохраняется онъ въ урнѣ съ простою и скромною надписью: Molière est dans ce tombeau. — Французскій театръ въ Парижѣ (Théâtre Français) и большая часть всѣхъ театровъ во Франціи, празднуютъ день его рожденія представленіемъ одной изъ его комедій, въ которой тогда даже мелкія и побочныя роли играются первостепенными артистами. Изъ числа изданій Моліеровыхъ твореній, ежегодно умножающихся, превосходнѣйшія суть: старое, вышедшее въ Амстердамѣ (5 частей, 1675, 12); новѣйшее, съ коментаріями Оже (Auger, 9 частей, Парижъ 1819); изданіе Nodier, и то, которое напечатано въ одномъ только томѣ. Нѣмецкій переводъ его твореній сдѣланъ извѣстнымъ Цшокке (6 томовъ, Цюрихъ 1805). О Моліерѣ написали: *Кальяве*, Études sur Molière (Парижъ 1802), и *Ташеро*, Histoire de la vie et des ouvrages de Molière (Парижъ 1828). Въ 1838 году поставленъ ему памятникъ въ Парижѣ.

ГЕНРИХЪ IV.

ГЕНРИХЪ IV.

ГЕНРИХЪ IV.

Генрихъ IV, Король Французскій, сынъ Антона Бурбонскаго, Герцога Вандомскаго и Іоанны д'Альбретъ, дочери Генриха, Короля Наваррскаго, царствовалъ съ 1589 по 1610 годъ. Онъ родился въ По, что въ Беарнѣ, въ департаментѣ Нижнихъ Пиреней, и получилъ, по тогдашнему времени, хорошее воспитаніе. По смерти Антона Бурбонскаго, Іоанна, опасаясь хитрой и властолюбивой Королевы Катерины Медичи, удалясь отъ Французскаго Двора, возвратилась въ родовое свое владѣніе Беарнъ, и объявила себя на сторонѣ Гугенотовъ; но Генрихъ принужденъ былъ возвратиться въ Парижъ къ Французскому Двору на одиннадцатомъ году своего возраста. Между тѣмъ, Гюэзы задумали вмѣстѣ съ Испанцами овладѣть внезапно Нижнею Наваррою (наслѣдственнымъ удѣломъ Генриха), и предоставить эту область Испанскому Королю Филиппу II; но Англійская Королева Елисавета, узнавъ объ этомъ намѣреніи, не допустила совершить его. Генриху было шестнадцать

лѣтъ, когда мать ввѣрила ему главное начальство надъ арміею Гугенотовъ, претерпѣвшихъ въ 1568 году сильное пораженіе при Жарнакѣ, и онъ публично далъ присягу, что не пожалѣетъ послѣдней капли крови на защиту свободы вѣроисповѣданія Протестантской Религіи. Послѣ мира, заключеннаго Французскимъ Дворомъ съ Гугенотами въ Сенъ-Жерменѣ (St. Germain en Laye), Генрихъ предпринялъ путешествіе по владѣніямъ своимъ, старался узнать потребности своихъ подданныхъ, ихъ нужды и желанія, и рѣшился посвятить всѣ свои силы и душевныя способности къ улучшенію положенія ихъ. Въ то же время онъ старался образовать характеръ свой, и совершенно успѣлъ въ этомъ похвальномъ намѣреніи, среди безпрестанной борьбы съ несчастіемъ и опасностями. Кровожадная Катерина, задумавъ истребить всѣхъ Гугенотовъ во Франціи однимъ ударомъ, уговорила слабаго своего сына, Короля Карла IX, на исполненіе этого ужаснаго преступленія. Для достиженія цѣли, надлежало созвать въ Парижъ всѣхъ вождей партіи Гугенотовъ. Подъ предлогомъ примиренія этой партіи съ Гюизами, главами Католиковъ, мать Карла IX склонила наконецъ Іоанну согласиться на бракъ Генриха съ Маргаритою Валуа, младшею сестрою Короля. Въ продолженіе приготовленій къ празднествамъ торжественнаго бракосочетанія, Іоанна скоропостижно скончалась въ Парижѣ отъ отравы, въ которой подозрѣваютъ Катерину Медичи. Послѣ несчастной кончины матери своей, Генрихъ принялъ титулъ Короля Наваррскаго, и сочетался бракомъ съ Маргаритою Валуа, 18 Августа 1572 года, не подвергаясь однако жъ, согласно уговору, брачнымъ обрядамъ Католической Церкви. Чрезъ недѣлю послѣ

бракосочетанія, въ ночи съ 24 на 25 Августа, совершилось ужаснѣйшее событіе, извѣстное подъ названіемъ *Парижской кровавой свадьбы*, или *Варѳоломеевской ночи*. Не будемъ описывать здѣсь этого вѣроломнаго и невыразимо-ужаснаго преступленія. Оно гнуснѣе всѣхъ новѣйшихъ, омрачившихъ Французскую революцію, и покрываетъ неизгладимымъ пятномъ исторію Франціи. Желающимъ знать подробности этой безчеловѣчной политической мѣры, совѣтуемъ прочитать статью о Варѳоломеевской ночи, въ IX томѣ Энциклопедическаго Лексикона, написанную Н. И. Надеждинымъ. Генрихъ и Принцъ Конде спасли жизнь отъ вѣрной смерти только принятіемъ Католической Религіи; но, не взирая на то, Катерина всемѣрно старалась расторгнуть бракъ Маргариты съ Генрихомъ. Видя неудачу, эта Италіянка рѣшилась развратить нравственность его наслажденіями роскошнаго двора, и Генрихъ сначала дѣйствительно увлекся ими и предался всѣмъ заблужденіямъ развратной жизни. Добрая, благородная душа его вскорѣ восторжествовала надъ усиліями Катерины: въ 1576 году онъ воспользовался охотою, бѣжалъ отъ Двора, и сдѣлавшись вновь главою Гугенотовъ, принялъ опять Протестантскую Религію. По смерти Карла IX, Катерина, управлявшая Франціею за малолѣтнаго Генриха III, принуждена была заключить миръ съ Гугенотами въ 1576 году, и предоставить имъ свободу вѣроисповѣданія. Ревностные Католики, чрезвычайно огорченные этимъ, составили Лигу, главою коей былъ Герцогъ Генрихъ Гюизъ, и побудили Короля принять ихъ сторону. Вскорѣ потомъ вспыхнула вновь война за религію, еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Генрихъ поразилъ армію Лиги въ 1587 году при Кутрасѣ, не взирая, что

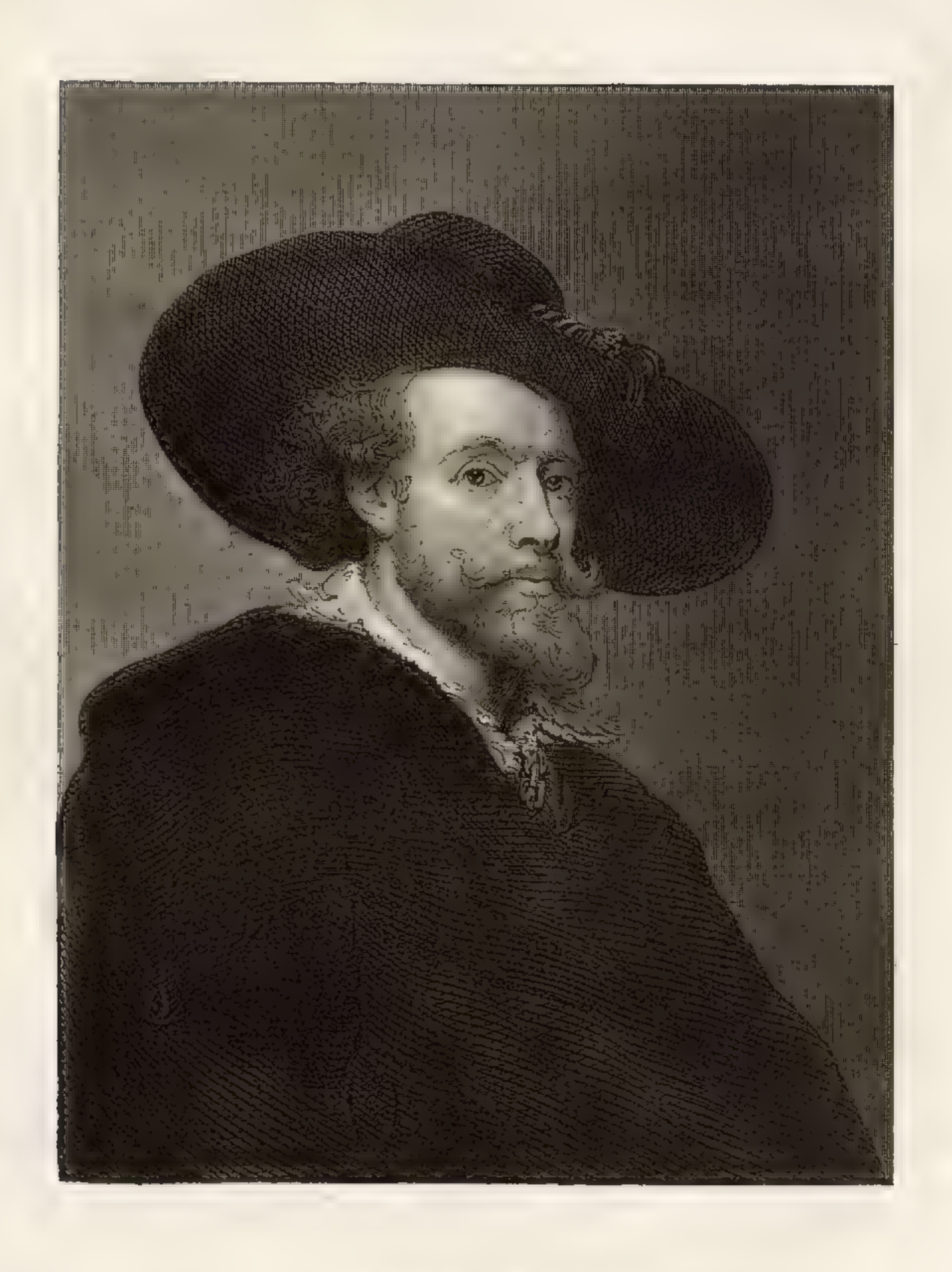
она превосходила числомъ Гугенотскую. Въ послѣдствіе партія лигистовъ начала подозрѣвать самого Короля своего, Генриха III, въ добромъ расположеніи къ Гугенотамъ, и онъ былъ принужденъ помириться съ Генрихомъ для спасенія себя отъ враждебныхъ замысловъ Лиги. Съ этою цѣлію имѣлъ онъ свиданіе съ Генрихомъ въ Турѣ, гдѣ, соединивъ силы свои, они одержали перевѣсъ надъ Лигою и осадили Парижъ; но тутъ Генрихъ III скончался въ лагерѣ при Сенъ-Клу. Послѣднее повелѣніе его, данное дворянству, обязывало признать Генриха законнымъ преемникомъ престола. Но Генриху IV представлялись повсюду чрезвычайныя затрудненія. Большая часть подданныхъ не хотѣла признать его Королемъ, а соперники его, домогавшіеся Французскаго престола, воспользовались исповѣдуемою имъ Протестантскою Религіею, и отклонили отъ него всѣхъ Католиковъ. Главою противной партіи былъ Герцогъ Маенскій; но не одинъ онъ домогался трона; Испанскій Король, Филиппъ II, тоже желалъ возложить на главу свою корону Франціи, и отправилъ къ лигистамъ вспомогательное войско. Генрихъ IV поразилъ противниковъ своихъ сначала при Аркѣ, а вскорѣ потомъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду при Иври. Слѣдствіемъ сихъ счастливыхъ подвиговъ была осада Парижа; уже столица, претерпѣвшая голодъ и изнуреніе, готовилась сдаться ему, какъ вдругъ Испанскій вождь, Герцогъ Александръ Пармскій, принудилъ его снять осаду. Убѣдясь наконецъ въ истинѣ, что до тѣхъ поръ, пока не обратится къ Католической Церкви, умы никогда съ нимъ не примирятся, и онъ не будетъ имѣть возможности утвердить спокойствіе и порядокъ въ королевствѣ, онъ уступилъ просьбамъ сво-

ихъ приверженцевъ; изучилъ догматы Римской Церкви, и публично принялъ Католическую Вѣру, въ соборѣ Сенъ-Дени, 25 Іюля 1593 года. Избѣжавъ внезапнаго нападенія убійцъ, онъ, въ 1594 году, вѣнчанъ былъ на царство въ Шартрѣ, и съ торжествомъ прибылъ въ Парижъ. Папа утвердилъ его въ королевскомъ санѣ, и тогда удалось ему успокоить всѣ партіи, волновавшія Францію. Съ Англіей и Голландіей заключилъ онъ противъ Испаніи наступательный союзъ, въ слѣдствіе котораго успѣлъ заключить съ сею послѣднею въ Вервенѣ (1598) весьма выгодный миръ для Франціи. Всѣ эти успѣхи водворили въ ней спокойствіе и всеобщую любовь къ престолу. Генрихъ занялся возстановленіемъ народнаго благоденствія и разстроенныхъ финансовъ, и успѣлъ въ благотворныхъ намѣреніяхъ съ помощію мудраго своего министра Сюлли до такой степени, что въ скоромъ времени могъ заплатить 330,000,000 ливровъ государственнаго долга, и сверхъ того положить въ казну 40,000,000 ливровъ наличными деньгами. Въ слѣдствіе благоразумныхъ мѣръ и переговоровъ знаменитаго Сюлли, бракъ Генриха IV съ Маргаритою Валуа былъ уничтоженъ съ согласія Папы, и Генрихъ вновь сочетался бракомъ съ Маріею Медичи, племянницею Великаго Герцога Тосканскаго, которая, однако же, хитростію, властолюбіемъ и ревнивостію своею, причинила ему столько досады и неудовольствія, что одно рожденіе наслѣднаго принца (Лудовика XIII) могло его примирить съ нею на нѣкоторое время. Но не однѣ эти заботы терзали кроткое и человѣколюбивое его сердце: онъ долженъ былъ еще бороться на полѣ битвъ и чести съ любимцемъ и прежнимъ товарищемъ своимъ, Маршаломъ Бирономъ, который составилъ про-

тивъ него заговоръ. Генрихъ простилъ его; но послѣ втораго предательства уже не могъ спасти его отъ казни. Не менѣе терзали его и заговоры Графа Оверньскаго, Маршала Буліона и собственной его любовницы, коварной Антрéгъ; онъ согласился на ихъ наказаніе, хотя доброе его сердце имъ прощало. — Прежнимъ своимъ единовѣрцамъ, Протестантамъ, даровалъ онъ въ 1598 году, посредствомъ извѣстнаго Нантскаго эдикта, полное право свободнаго вѣроисповѣданія и политическую безопасность. По жалобамъ Протестантовъ на притѣсненія Испаніи и Австріи, Генрихъ составилъ проектъ всеобщей Европейской республики изъ пятнадцати государствъ, совершенно равныхъ по могуществу, для водворенія въ нихъ вѣчнаго мира и народнаго спокойствія. Онъ приготовился уже къ осуществленію этой мысли, и короновалъ въ Сенъ-Дени супругу свою, долженствовавшую управлять королевствомъ во время его отсутствія, какъ вдругъ злодѣй Равальякъ, 14 Мая 1610 года, умертвилъ Короля, ѣхавшаго въ каретѣ по Ферроньерской улицѣ. Убійца вскочилъ на ступеньку предъ дверцами кареты, и нанесъ Королю въ грудь ножемъ двѣ раны. Генрихъ IV былъ храбрый, неустрашимый воинъ, но не отличался какъ полководецъ; онъ былъ превосходный правитель и добродѣтельный человѣкъ. Родительское попеченіе его о подданныхъ доказывается слѣдующими его словами: «Я хочу, чтобы каждый крестьянинъ, по крайней мѣрѣ, въ воскресенье, могъ сварить для себя курицу.» — Зная его благотворительность, добрую его душу и радушное ко всѣмъ расположеніе, народъ охотно извинялъ слабость его къ женскому полу. Фаворитокъ у него было весьма много, и въ числѣ ихъ особенно извѣстны: Габріелль

д'Этре́, Генріетта де-Бальзакъ, Графиня д'Антре́гъ, Жакелина, Графиня Море, Шарлотта де-Зессаръ и Эпернонъ. Преемникомъ его былъ малолѣтный его сынъ, Лудовикъ XIII.

РУБЕНСЪ.

собственность Изд. Пантеона,

РУБЕНСЪ.

РУБЕНСЪ.

═

Петръ Павелъ Рубенсъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ живописцевъ, родившійся 28 Іюня 1577, въ Кельнѣ, былъ сынъ Антверпенскаго городоваго старшины, который, въ смутныя времена, выѣхалъ изъ Брабанта, поселился въ Кельнѣ, и старался дать сыну своему лучшее воспитаніе. По смерти родителя своего, Рубенсъ опредѣлился пажемъ къ Графинѣ Лаленьгъ, въ Антверпенѣ, но увидѣвъ неприличный образъ ея жизни, оставилъ ея службу, и посвятилъ себя живописи, въ таинства которой онъ былъ уже введенъ Адамомъ фанъ-Ортомъ и Веномъ (Веніусомъ). По совѣту послѣдняго, полюбившаго его за его нравственность, дарованія и прилежаніе, Рубенсъ отправился для изученія искусства въ Италію, получивъ отъ Эрцгерцога Альбрехта рекомендательное письмо къ Герцогу Винценту Гонзаго. Герцогъ принялъ его пажемъ ко Двору своему, и Рубенсъ находился при немъ семь лѣтъ сряду. Изъ Мантуи посѣщалъ онъ Римъ, Генуу и Венецію, гдѣ

образовалъ свой вкусъ по прекраснымъ произведеніямъ Тиціана и Павла Веронезскаго. Куда онъ ни пріѣзжалъ, повсюду увѣковѣчивалъ себя мастерскою кистію. Въ Испаніи, куда посылалъ его Герцогъ Винценто, съ богатымъ подаркомъ для Короля Филиппа IV, онъ написалъ портретъ его и многихъ его вельможъ, изучилъ всѣ сокровища искусствъ въ Мадритѣ и королевскихъ дворцахъ, и возвратился въ Мантуу, осыпанный королевскими щедротами. Здѣсь, узнавъ о болѣзни матери своей, тотчасъ отправился въ Антверпенъ, но не заставъ ея въ живыхъ, заключился въ аббатствѣ Св. Михаила, гдѣ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, старался разсѣять душевную скорбь безпрерывною дѣятельностію на поприщѣ наукъ и художествъ. Блистательныя обѣщанія Эрцгерцога, и любовь къ невѣстѣ своей, Изабеллѣ Брантъ, съ которою сочетался онъ бракомъ въ 1609 году, не дозволяли ему возвратиться въ Мантуу. Онъ построилъ для себя въ Антверпенѣ домъ, который снаружи расписалъ самъ альфреско, а ротонду, къ нему пристроенную, украсилъ драгоцѣннѣйшими вазами и бюстами, и собраніемъ картинъ и медалей. Не взирая на большое богатство свое, онъ продалъ эти собранія Герцогу Бокингему за 10,000 фунтовъ стерлинговъ, огромную сумму по тогдашнему времени. Для Антверпенской церкви написалъ онъ превосходный запрестольный образъ *Снятіе Спасителя со креста;* для Якобитовъ въ Антверпенѣ *Четырехъ Евангелистовъ;* для церкви Св. Петра, въ Кельнѣ, *Распинаніе Св. Петра;* и сверхъ всѣхъ этихъ превосходныхъ твореній, еще множество другихъ, передавшихъ имя его безсмертію. По много картинъ, приписываемыхъ его кисти, принадлежатъ его ученикамъ, и

приведены только къ окончанію мастерскою его рукою; а потому одни опытные знатоки въ состояніи опредѣлить, которыя изъ нихъ исключительно писаны самимъ имъ, и которыя общими трудами его и учениковъ. Даже изъ сценъ жизни Королевы Маріи Медичи, заказанныхъ ею для особой галереи Люксанбургскаго Дворца въ Парижѣ, и съ которыхъ эскизы сохраняются въ Мюнхенской галереѣ, самимъ Рубенсомъ исполнены только двѣ, а всѣ прочія съ помощію другихъ живописцевъ. Рубенсъ былъ художникъ первоклассный. Творческому его духу и чрезвычайному объему его нельзя надивиться. Съ равнымъ искусствомъ писалъ онъ пейзажи, портреты, звѣрей, историческія и батальныя картины, и сверхъ того, изъ угожденія къ великимъ современникамъ своимъ: Вильденсу, фонъ-Удену, Брейгелю и м. д., дополнялъ ихъ картины штафажемъ. Зная совершенно хорошо произведенія лучшихъ историковъ и стихотворцевъ почти всѣхъ временъ и народовъ, и изучивъ произведенія древнихъ и новѣйшихъ художествъ, онъ судилъ о нихъ весьма благоразумно и безпрестанно наблюдалъ природу. Врядъ ли кто изъ всѣхъ прочихъ знаменитыхъ живописцевъ умѣлъ лучше его изображать страсти людей. Съ невыразимою тонкостію и искусствомъ онъ означалъ, волшебными чертами кисти своей, возрастъ, родъ и даже званіе фигуръ, и умѣлъ придать имъ свойственную ихъ состоянію физіономію, такъ что каждый, и даже необразованный наблюдатель, тотчасъ можетъ отгадать, кого онъ на картинѣ видитъ, божество ли или царя, героя или пастуха. Правда, что въ его картинахъ не разливается очаровательная кротость и пріятность, отличающія Рафаэлевы произведенія; но пламенное вдохновеніе,

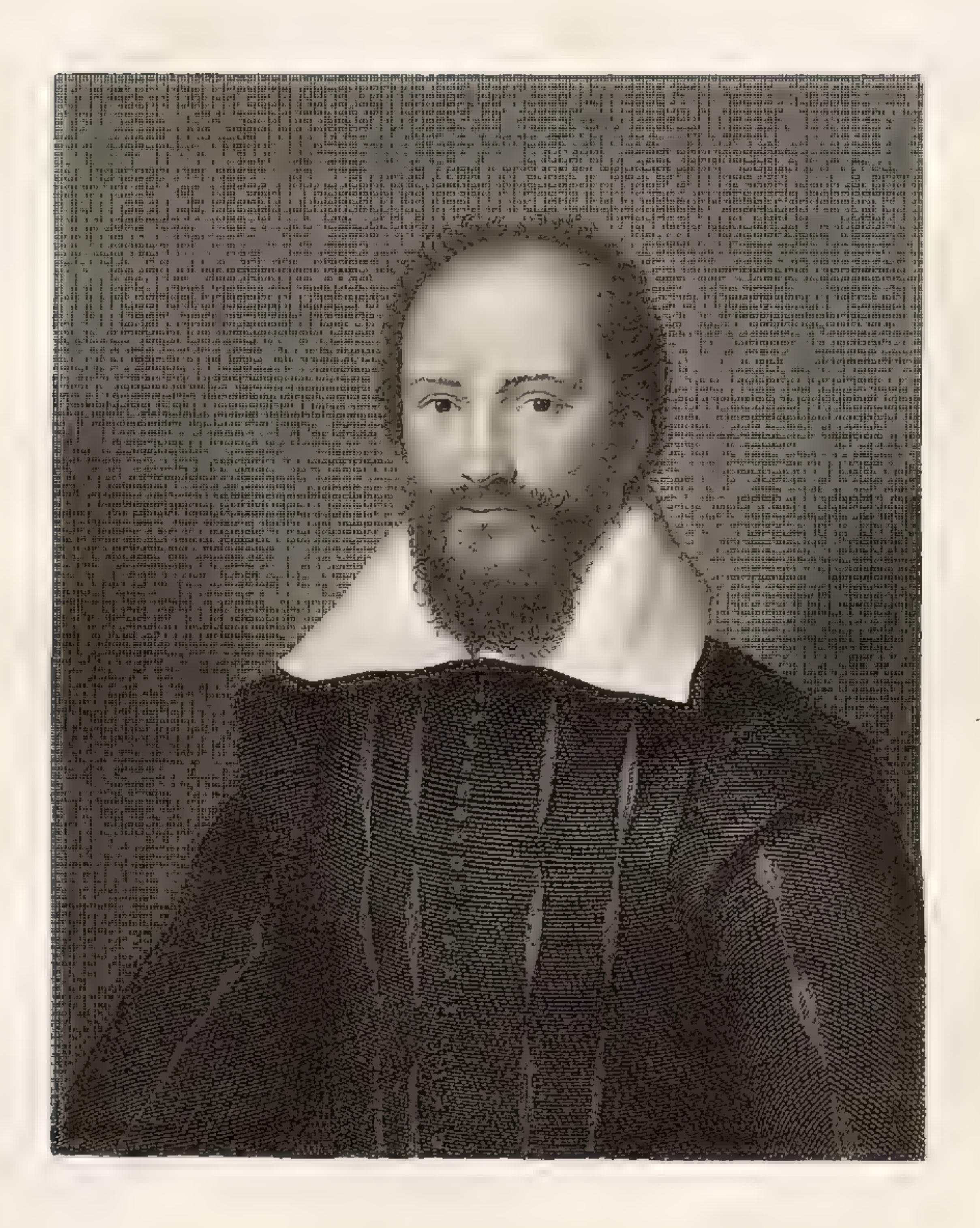
выражающееся во всѣхъ его картинахъ смѣло, сильно и живо, и величественный видъ всѣхъ его изображеній, равно изумляетъ и знатоковъ и любителей; потому-то онъ и прозванъ Фламандскимъ Рафаэлемъ. Пламенное вдохновеніе, одушевлявшее его при каждой композиціи, и чрезвычайная скорость исполненія, нерѣдко увлекали его до такой степени, что онъ для эффекта жертвовалъ изящными формами, а для обворожительнаго колорита своего, правильностію рисовки. Но какъ бы то ни было, Рубенсъ останется навсегда великолѣпнѣйшимъ, роскошнѣйшимъ живописцемъ, съ которымъ весьма немногіе могли поравняться, а еще того менѣе превзойти его. По этой причинѣ признанъ онъ княземъ Нидерландской Школы, въ которой образуетъ переходъ стараго вкуса къ новѣйшему. Послѣ сего можно ли удивляться, что Рубенсъ, отличавшійся познаніемъ почти всѣхъ вѣтвей человѣческой образованности, прекрасною наружностію, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, всеобъемлющею геніяльностію, пріятными талантами для общежитія, добродѣтелью, проницательнымъ умомъ, любезностью въ обхожденіи и богатствомъ, могъ играть важную роль и на политическомъ поприщѣ, и быть на немъ полезнымъ! Все это зналъ Эрцгерцогъ Альбрехтъ, и потому поручилъ, на смертномъ одрѣ своемъ, супругѣ, Инфантѣ Изабеллѣ, совѣщаться въ важныхъ случаяхъ съ Рубенсомъ. Въ слѣдствіе этого и было ему поручено, въ 1627 году, вступить въ Дельфтѣ въ переговоры о заключеніи мира между Испаніей и Англіей, съ посланникомъ Карла I, живописцемъ же Николаемъ Жербіé, и въ 1630 году онъ дѣйствительно заключилъ мирный трактатъ между помянутыми державами съ Англійскимъ Канцлеромъ Коттингтономъ.

Уже до этой эпохи Англійскій Король пожаловалъ его въ кавалеры, потому что почиталъ его, какъ добродѣтельнаго человѣка, великаго художника и искуснаго дипломатика. Не взирая на Европейскую свою славу и на всѣ высокія и многосложныя свои занятія, Рубенсъ не переставалъ вести образъ жизни самый скромный и благоразумный. Часы отдыха посвящалъ онъ бесѣдѣ въ кругу нѣсколькихъ просвѣщенныхъ друзей, которые къ нему охотно приходили; онъ же самъ никогда не отплачивался визитами, и выходилъ со двора только для посѣщенія страждущихъ вообще, и нуждавшихся бѣдныхъ живописцевъ, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ, оказывалъ радушное вспоможеніе. Все прочее время посвящалъ онъ, или ученымъ занятіямъ, или же живописи. Рисунки его, изъ коихъ онъ весьма многіе исполнилъ съ мастерскою отчетливостію по оригиналамъ знаменитѣйшихъ живописцевъ, какъ-то: Микель-Анджела, Рафаэля, Джулія Романо и м. д., чрезвычайно уважаются и продаются нынѣ за весьма высокую цѣну. Кромѣ того, онъ заслужилъ вѣчную славу усовершенствованіемъ гравировальнаго искусства; въ Амстердамскій Лицей свой онъ созвалъ всѣхъ лучшихъ Нидерландскихъ граверовъ, и показалъ имъ, какимъ образомъ въ *бѣломъ* и *черномъ* должно изображать краски. Форстерманы, Больсверты, П. Понціусы, Витдунки, Меринусы и м. д., достигли, подъ его руководствомъ, той степени совершенства, которой послѣ нихъ уже почти никто не имѣлъ. Самъ же онъ протравилъ на мѣди нѣсколько гравюръ, занимался рѣзьбою на деревѣ (ксилографіею) и обучилъ этому искусству ученика своего, Х. Эггера. — Первая супруга его (Брантъ) скончалась 29 Сентября 1626 года; вторая,

Елена, урожденная Форманъ, весьма часто служила ему моделью для женскихъ головъ. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ жизни его, ломота и дрожаніе руки не дозволяли ему болѣе писать большія картины, а потому онъ и занимался только картинами меньшаго размѣра (Tableaux de chevalet). Мая 30 дня 1640, онъ скончался въ Антверпенѣ, гдѣ и погребенъ великолѣпно въ церкви Св. Іакова, въ которой сооружены въ память его капелла и монументъ. Портретъ его, самимъ имъ писанный на сорокъ шестомъ году жизни, и съ котораго приложена здѣсь вѣрная гравюра, отысканъ былъ въ Форбриджегринѣ, близъ Стаффорда. Въ Эрмитажѣ, и въ галереяхъ Вѣнской, Мюнхенской, Дрезденской, Кассельской и Парижской, находятся прекраснѣйшія его картины. Изъ числа весьма многихъ учениковъ его отличнѣйшіе суть: А. фанъ-Дейкъ, Д. Тенирсъ, Ѳома фанъ-Тульденъ, К. Шутъ, И. фанъ-Гукъ, А. Дипенбекъ и р. д. — См. Histoire de la vie de Rubens, Мишеля (Брюссель 1771); Historie Levensbeschrijving van Rubens, Смита (Амстердамъ 1774); Catalogue des estampes gravées d'après Rubens, Базана (Парижъ 1767); Über den Maler P. P. Rubens, Ваагена, въ Раумеровой исторической карманной книгѣ (1833); и Смитовъ Catalogue raisonné (Лондонъ 1830).

СЮЛЛИ.

GEO. WYTHE.

СЮЛЛИ.

Максимиліанъ де-Бетюнъ, Баронъ Ронійскій, Герцогъ Сюлли, Маршалъ Франціи и первый министръ Генриха IV, превосходнѣйшій изъ мужей государственныхъ, родился въ 1559 году въ Рони, происходилъ изъ весьма древней и знатной фамиліи, и былъ воспитанъ по ученію Реформатской Церкви. Когда исполнилось ему одиннадцать лѣтъ, онъ былъ представленъ отцемъ своимъ Королевѣ Наварской и сыну ея, Наслѣдному Принцу Генриху, и съ тѣхъ уже поръ воспитывался съ нимъ вмѣстѣ. Для продолженія начатаго курса наукъ, онъ, вмѣстѣ съ Принцемъ, отправился, въ 1572 году, въ Парижъ, гдѣ, въ продолженіе ужасныхъ сценъ Варѳоломеевской Ночи, три дня сряду былъ скрываемъ директоромъ Бургонскаго Коллегіума, спасшаго его тѣмъ отъ вѣрной смерти. Вступивъ въ службу юнаго Короля Наварскаго, онъ отличился въ разныхъ битвахъ отважнѣйшею храбростію. Въ послѣдствіи оказалъ онъ ему важнѣйшія услуги при разныхъ

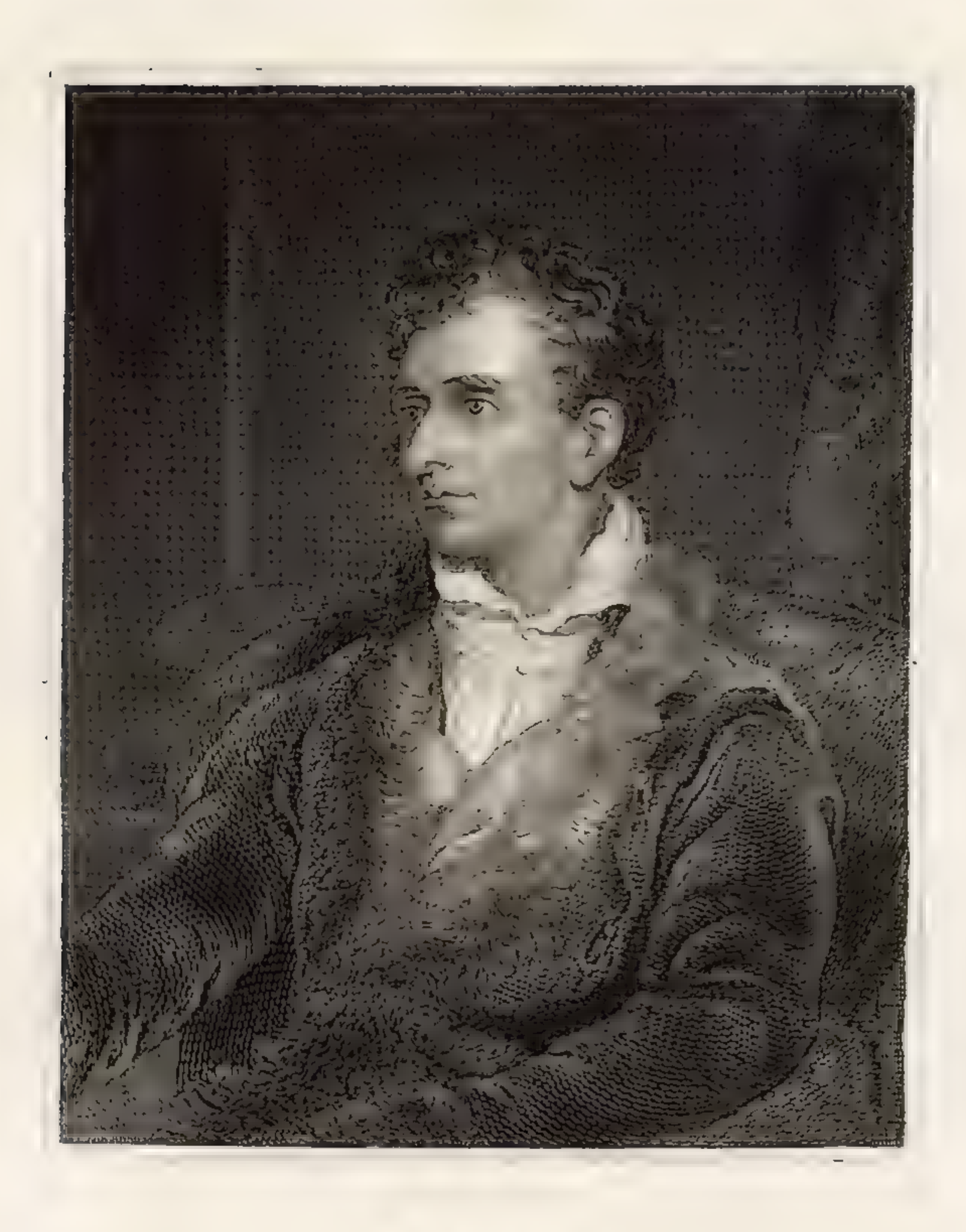
осадахъ, и участвовалъ съ нимъ въ побѣдѣ, одержанной, въ 1590 году, при Иври, гдѣ и былъ опасно раненъ. Не менѣе отличался онъ и рѣдкими дипломатическими способностями своими, и былъ посланъ Королемъ, въ 1583 году, въ Парижъ, для развѣданія истинныхъ намѣреній Двора. Въ 1586 году, онъ заключилъ, отъ имени Генриха IV, съ Швейцарцами трактатъ о выставкѣ ими вспомогательной арміи изъ 20,000 человѣкъ, а въ 1599 году, совершилъ переговоры во Флоренціи о бракосочетаніи своего Государя съ Маріею Медичи. Послѣ кончины Елисаветы, Королевы Англійской, въ 1603 году, онъ былъ отправленъ Посломъ въ Лондонъ, и склонилъ Короля Іакова I въ пользу системы Генриха IV. Въ вознагражденіе великихъ заслугъ, онъ получилъ постепенно слѣдующія званія: въ 1594, званіе государственнаго секретаря; въ 1596, члена совѣта финансовъ; въ 1598, главнаго инспектора финансовъ; въ 1601, гросмейстера артиллеріи, а въ 1602, губернатора Бастиліи; вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было ему и главное смотрѣніе за построеніемъ крѣпостей. Въ продолженіе междоусобныхъ войнъ вся Франція покрылась разбойничьими шайками. Сюлли истребилъ ихъ сильными и благоразумными мѣрами, а по части финансовъ ввелъ такой примѣрный порядокъ, что успѣлъ въ десять лѣтъ, и при государственномъ доходѣ, состоявшемъ только изъ 35,000,000 ливровъ въ годъ, погасить слишкомъ 200,000,000 долгу, и сверхъ того, сохранить въ казнѣ 30,000,000 наличными деньгами. Будучи неутомимъ въ занятіяхъ, онъ не прежде, какъ вечеромъ, по окончаніи ежедневныхъ работъ, наслаждался удовольствіями общества въ кругу нѣсколькихъ пріятелей своихъ. Столъ его отличался простотою и умѣренностію.

Придворныя особы не любили его и называли обыкновенно *отрицательнымъ*, потому что онъ почти всегда отказывалъ имъ во всѣхъ просьбахъ, и слова *да!* или *извольте*, почти никогда имъ произносимы не были. Но если онъ не пользовался благосклонностію придворныхъ, то уваженіе къ нему Генриха IV награждало его за то съ лихвою. Съ примѣрною твердостію защищалъ онъ народъ отъ угнетеній вельможъ. Онъ не уважилъ при этомъ и первой фаворитки Генриха IV, дѣвицы д'Антрегъ, Маркизы Верпельской, и рѣшительно отказалъ ей въ просьбѣ. Въ мемуарахъ своихъ Сюлли говоритъ: «Причиною упадка монархіи бываютъ непомѣрныя подати, въ особенности же монополія торговли зерновыми произведеніями; запущеніе торговли, промысловъ, сельскаго домоводства, художествъ и ремеслъ; лишнее число чиновниковъ и жалованье, имъ производимое; преобладаніе власти, имъ ввѣренной; тяжебные расходы; проволочка и неправота суда и расправы; праздность, мотовство и роскошь со всѣми ея прихотями; развратъ и упадокъ нравственности; запутанность взаимныхъ соотношеній; частое измѣненіе монеты; неблагоразумныя и несправедливыя войны; деспотія; слѣпая довѣренность королей къ любимцамъ ихъ; предубѣжденіе ихъ въ пользу нѣкоторыхъ состояній и промысловъ; корыстолюбіе министровъ; презрѣніе и неуваженіе къ ученымъ; терпимость дурныхъ обыкновеній и противузаконныхъ дѣйствій; упорное соблюденіе вреднаго быта, и обиліе запутанныхъ уставовъ и безполезныхъ предписаній.» Земледѣліе, которому онъ предпочтительно покровительствовалъ, заслуживаетъ, по словамъ его, бóльшаго поощренія, нежели всѣ произведенія искусства и роскоши. Сіи послѣднія,

по словамъ его, должны занимать только меньшую часть народа. «Опасаюсь, продолжаетъ онъ, что приманчивость барыша, отъ нихъ проистекающаго, поведетъ къ лишнему населенію городовъ, во вредъ земледѣлію, и постепенно обезсилитъ и изнѣжитъ народное трудолюбіе.» — «Сидячая эта жизнь, говоритъ онъ, разсуждая о мануфактурныхъ заведеніяхъ, не можетъ образовать хорошихъ солдатъ. Франція не должна бы заниматься такими бездѣлками.» Убѣжденный въ этихъ истинахъ, онъ непремѣнно хотѣлъ обложить пошлиною всѣ произведенія роскоши. Король не всегда соглашался съ его мнѣніями, но не менѣе того, отдавалъ полную справедливость его благоразумію и примѣрной дѣятельности. Когда Сюлли возвратился изъ Англіи, Генрихъ возвелъ его въ званіе губернатора Пуатускаго, и главнаго инспектора (grand maître) всѣхъ портовъ и пристаней Франціи, а помѣстье Сюлли, что на Луарѣ, ему принадлежавшее, возвелъ въ герцогство и перство. Всѣ королевскія милости Сюлли получилъ не за лесть, а за прямыя заслуги. Генрихъ, увлеченный прелестями Маркизы Вернельской, обѣщалъ однажды жениться на ней, и показалъ составленный съ этою цѣлію актъ своему министру. Сюлли взялъ бумагу и разорвалъ ее въ присутствіи Короля. Этотъ поступокъ напоминаетъ о Князѣ Я. Ѳ. Долгорукомъ. Генрихъ, для примиренія себя съ Католическими своими подданными, обратился къ Римской Церкви по совѣту Сюлли, а сей послѣдній остался послѣдователемъ Протестантской Религіи. Послѣ несчастной кончины Генриха IV, Сюлли, къ крайнему вреду Франціи, былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, и получивъ въ подарокъ 100,000 талеровъ, долженъ былъ оставить Дворъ. Правда, что по

прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Лудовикъ XIII вновь пригласилъ его къ себѣ на совѣщанія, а въ 1634 году, далъ ему и маршальскій жезлъ, но въ дѣйствительную государственную службу онъ уже болѣе не вступалъ, и скончался, 21 Декабря 1641 года, въ имѣніи своемъ Вильбонѣ. Его Mémoires des sages et royales économies d'état, domestiques, politiques et militaires de Henri le Grand, чрезвычайно любопытны, и содержатъ въ себѣ множество фактовъ и анекдотовъ, которые не помѣщены въ книгахъ тогдашняго времени. Мемуары его представляютъ картину царствованій Карла XI и Генриха IV. Любовныя приключенія этого Короля, ревность его супруги, государственныя соотношенія, однимъ словомъ, все, относящееся ко времени Генриха IV, описано въ этихъ мемуарахъ перомъ живымъ, отчетливымъ и увлекательнымъ. Они напечатаны въ 1636, и подъ руководствомъ самого автора; правда, что это изданіе не самое полное, но не менѣе того, предпочитается всѣмъ позднѣйшимъ, потому что каждое слово было написано самимъ Сюлли, между тѣмъ, какъ въ новѣйшихъ (12 частей, Амстердамъ 1723, 4; и 8 частей, Амстердамъ 1745) напечатаны многія прибавленія другихъ авторовъ.

КАНОВА.

БАПОРА.

КАНОВА.

Антоніо Канова можетъ быть поставленъ послѣ Микель-Анджела Буонаротти и Бернини, третьимъ ваятелемъ. Онъ создалъ, въ новѣйшее время, въ Италіи эпоху для искусства своего, воскресилъ въ скульптурѣ пріятный и привлекательный стиль, и основалъ новую школу ваянія, въ отношеніи нѣжнаго исполненія и превосходной обработки мрамора. Онъ родился 1 Ноября 1757 года, въ Венеціянской Области, въ деревнѣ Позаньо, принадлежащей дворянину Фаліери, и уже въ самомъ дѣтствѣ обнаружилъ большую способность въ моделированіи. Помѣщики Фаліери, сначала отецъ, а потомъ и сынъ его, отдали его къ скульптору въ Бассано, гдѣ онъ изучилъ на самой практикѣ рукомесленные пріемы ваянія. На семнадцатомъ году, Канова кончилъ первый собственный опытъ, Эвридику, изваянную имъ въ получеловѣческій ростъ изъ мягкаго мрамора. Послѣ сего поступилъ онъ въ Академію въ Венеціи, гдѣ и посвятилъ себя совершенному изученію скульп-

туры. Здѣсь онъ получалъ нѣсколько разъ преміи, и произведенія его возбудили ожиданія, которыя въ послѣдствіи онъ не только оправдалъ, но и превзошелъ самымъ блистательнымъ образомъ. Первая его работа, по заказу, была статуя Маркиза Полени, въ человѣческій ростъ, назначенная для города Падуи. На двадцать пятомъ году, окончилъ онъ группу Дедала и Икара, созданную имъ въ человѣческій ростъ изъ Карарскаго мрамора; она примѣчательна только по молодости скульптора, не отличается ни стилемъ, ни античною формою, и есть не что иное, какъ скудное подражаніе природѣ. Не взирая однако жъ на посредственность этого произведенія, Венеціянскій Сенатъ отправилъ Канову въ Римъ, съ назначеніемъ ему по 300 червонцевъ въ годъ на содержаніе. Здѣсь, первымъ плодомъ трудовъ его былъ Аполлонъ, возлагающій лавровый вѣнокъ на главу свою; хотя онъ слабъ и безъ характера, однако же показываетъ, что юный художникъ началъ уже возвышаться надъ подражаніемъ обыкновенной модельной натурѣ, и эта статуя можетъ быть сочтена переходомъ его отъ ремесла къ идеальному. Группа въ человѣческій ростъ, представляющая Тезея, сидящаго на убіенномъ минотаврѣ, была первою работою, сдѣлавшею Канову извѣстнымъ въ Римѣ въ 1783 году; она и понынѣ принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. Тезей облеченъ характеромъ героя, и формы его доказываютъ изученіе античнаго стиля. Въ 1783 году, Канова принялъ порученіе исполнить надгробный памятникъ Папы Климента XIV въ церкви degli Apostoli; но это произведеніе его не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго, и показываетъ только улучшеніе вкуса, пришедшаго въ упадокъ отъ Берни-

пійской Школы. Потомъ произвелъ онъ группу Амура и Психеи, и ею проложилъ для себя тотъ путь, который рѣшительно доказываетъ призваніе его къ исполненію прелестныхъ и привлекательныхъ ваяній. Фигуры группы чрезвычайно нѣжны и пріятны; но, созерцая ихъ, напрасно ищешь той точки зрѣнія, съ которой можно бы было видѣть вдругъ всѣ физіономіи; сверхъ того крыло Амура слишкомъ высоко поднято надъ группою, которая, въ свою очередь, представляетъ слишкомъ много прозрачностей. Второй публичный монументъ заказанъ былъ Кановѣ Принцемъ Резонико, для надгробія Папы Климента XIII въ церкви Св. Петра, который и поставленъ въ ней, въ 1792 году, и отличается колоссальною величиною и простотою стиля. Правда, что фигуру, которая представляетъ религію, порицаютъ въ какой-то вялости и безжизненности, что длинные лучи, огромный крестъ и скудная риза не имѣютъ изящности, а геніи отличаются болѣе привлекательностію, нежели выраженіемъ; при всемъ томъ, огромное это произведеніе увеличило славу художника. Послѣдующія ваянія его, по заказу Маркиза Веріо, въ Неаполѣ, были: стоящій окриленный Амуръ; повтореніе Амура и Психеи; стоящая группа Венеры и Адониса, въ которой Адонисъ невыразимо прекрасенъ, и памятникъ Венеціянскому Адмиралу Эмо, заказанный Венеціянскою Республикою. Онъ составленъ изъ круглой и рельефной работы. Послѣ сего Канова произвелъ стоячую Психею; она, полунагая, правою рукою держитъ за крылья мотылька на открытой лѣвой рукѣ, и улыбаясь, спокойно смотритъ на него. Сверхъ того изваялъ онъ, въ то же самое время, множество барельефовъ, сюжеты коихъ почерпнуты, боль-

шею частію, изъ жизни Сократа, изъ древнихъ басень и изъ древней Исторіи; но нѣкоторые изъ нихъ не совершенно удачны. Изъ числа барельефовъ, только одинъ, представляющій городъ Падуу, въ видѣ сидящей женщины, исполненъ имъ изъ мрамора. Раскаивающаяся Магдалина, въ человѣческій ростъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ статуй, въ которыхъ онъ удачнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ, изобразилъ сліяніе мягкости съ прелестью. Трогательное чувство сердечнаго сокрушенія и раскаянія выражено здѣсь превосходно. Милое изображеніе Гебеи, при произведеніи котораго художникъ видимо слѣдовалъ своему генію въ области привлекательности и прелестей, возбуждаетъ въ созерцателѣ пріятнѣйшія чувствованія. Съ легкимъ и свободнымъ движеніемъ богиня юности паритъ на облакѣ; правою рукою льетъ она изъ сосуда нектаръ въ чашу, поддерживаемую лѣвою рукою. Оба сосуда, также повязка и каіма пояса ея, позолочены. Послѣ сего, Канова хотѣлъ испытать талантъ свой въ другомъ родѣ, и создалъ своего Геркулеса, бросающаго въ море Ликаса. Группа колоссальная, ибо Геркулесъ превосходитъ величиною Фарнезскаго; но она не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Гораздо удачнѣе исполнены имъ бойцы, Креугъ и Дамоксенъ. Новое изображеніе Амура и Психеи содѣлалось торжествомъ Кановы. Психея съ мотылькомъ группирована къ Амуру самымъ привлекательнѣйшимъ образомъ. Извѣстный Паламедъ Кановы произведенъ имъ изъ мрамора, послѣ этой группы; но, въ 1805 году, Паламедъ былъ опрокинутъ наводненіемъ и расшибся. Модель надгробнаго памятника Эрцгерцогини Христины Австрійской, супруги Герцога Альберта Саксенъ-Тешенскаго, была сдѣлана имъ въ

1796 — 1797 годахъ, а въ 1805 году, самый памятникъ сооруженъ имъ же, въ Августинской Церкви, въ Вѣнѣ. Изобрѣтеніе этого памятника совершенно новое; великій художникъ отважился отступить въ первый разъ отъ обыкновенныхъ способовъ. Въ слѣдующемъ году окончилъ онъ модель статуи Неаполитанскаго Короля, одно изъ лучшихъ своихъ произведеній. Она имѣла вышины пятнадцать пальмъ, и исполнена имъ изъ мрамора, въ 1803 году. Въ продолженіе революціи, въ 1798 и 1799, Канова путешествовалъ съ Сенаторомъ Принцемъ Резоннико по Германіи. Возвратившись изъ путешествія, онъ жилъ нѣсколько времени въ Венеціянской Области, и написалъ, на родинѣ своей, для церкви Поссаньо, запрестольную картину, на которой изобразилъ тѣло Спасителя, окруженное Маріею, Никодимомъ, Іосифомъ, и надъ ними парящаго Господа Бога въ небесномъ сіяніи. Послѣ сего, въ Римѣ изваялъ онъ Персея, держащаго главу Медузы, и эта превосходная статуя была поставлена на піедесталѣ Аполлона Бельведерскаго, и стояла на немъ, пока Аполлонъ находился въ Парижѣ, куда онъ былъ отправленъ по повелѣнію Наполеона, вмѣстѣ со многими другими сокровищами изящныхъ искусствъ. Персей увеличилъ и распространилъ славу Кановы болѣе, нежели всѣ прочія его произведенія, не взирая на то̄, что въ немъ нѣтъ ни единства, ни характерности, и что онъ есть только подражаніе Аполлону, безъ всякаго глубокаго значенія. Но всѣ формы его безъ исключенія невыразимо прекрасны, и все цѣлое отличается изящнѣйшимъ исполненіемъ. Mars pacifer, равный величиною Персею, менѣе удался Кановѣ. Въ 1802 году, Папа Пій VII опредѣлилъ Канову главнымъ инспек-

торомъ всѣхъ Римскихъ художественныхъ собраній и всѣхъ художественныхъ предпріятій въ Церковной Области; но вскорѣ потомъ онъ былъ приглашенъ Наполеономъ въ Парижъ, для изготовленія модели колоссальной статуи его. Изъ всѣхъ произведеній подобнаго рода, бюстъ Наполеона, исполненный Кановою, есть превосходнѣйшій: невозможно изобразить вѣрнѣе характеръ лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ идеализировать его болѣе въ формахъ древнихъ героевъ. Статую матери Бонапарта, изваянную Кановою, Герцогъ Девонширскій купилъ, въ 1819 году, въ Парижѣ, за 36,000 франковъ. Изъ числа послѣднихъ произведеній Кановы упомянемъ: 1) о статуѣ Вашингтона. Въ колоссальномъ размѣрѣ, онъ изображенъ сидящимъ и пишущимъ законы народу своему; статуя эта поставлена предъ дворцемъ Конгреса въ Вашингтонѣ; 2) и 3) о надгробныхъ монументахъ Кардинала Іоркскаго и Папы Пія VII; 4) и 5) о бюстахъ Пія VII и Франца II; 6) о подражаніи Медицейской Венерѣ; 7) о Венерѣ купающейся; 8) о портретной статуѣ, полунагой и покоящейся въ лежащемъ положеніи; 9) о монументѣ, изваянномъ въ память покойнаго гравера Вольпата; 10) о колоссальной группѣ Тезея, низлагающаго кентавра, превосходящей всѣ прочія его произведенія въ семъ родѣ; 11) о надгробномъ памятникѣ Альфіери, воздвигнутомъ во Флоренціи, въ церкви Санта-Кроче, въ которомъ изящность мраморной колоссальной статуи, представляющей плачущую Италію, поражаетъ удивленіемъ; 12) о надгробіи Графини Санта-Кроче, состоящемъ изъ огромнаго мраморнаго барельефа; 13) о Венерѣ; 14) о танцовщицѣ въ совершенно прозрачномъ платьѣ; 15) о портретной мраморной статуѣ супруги Луціана Бонапарте,

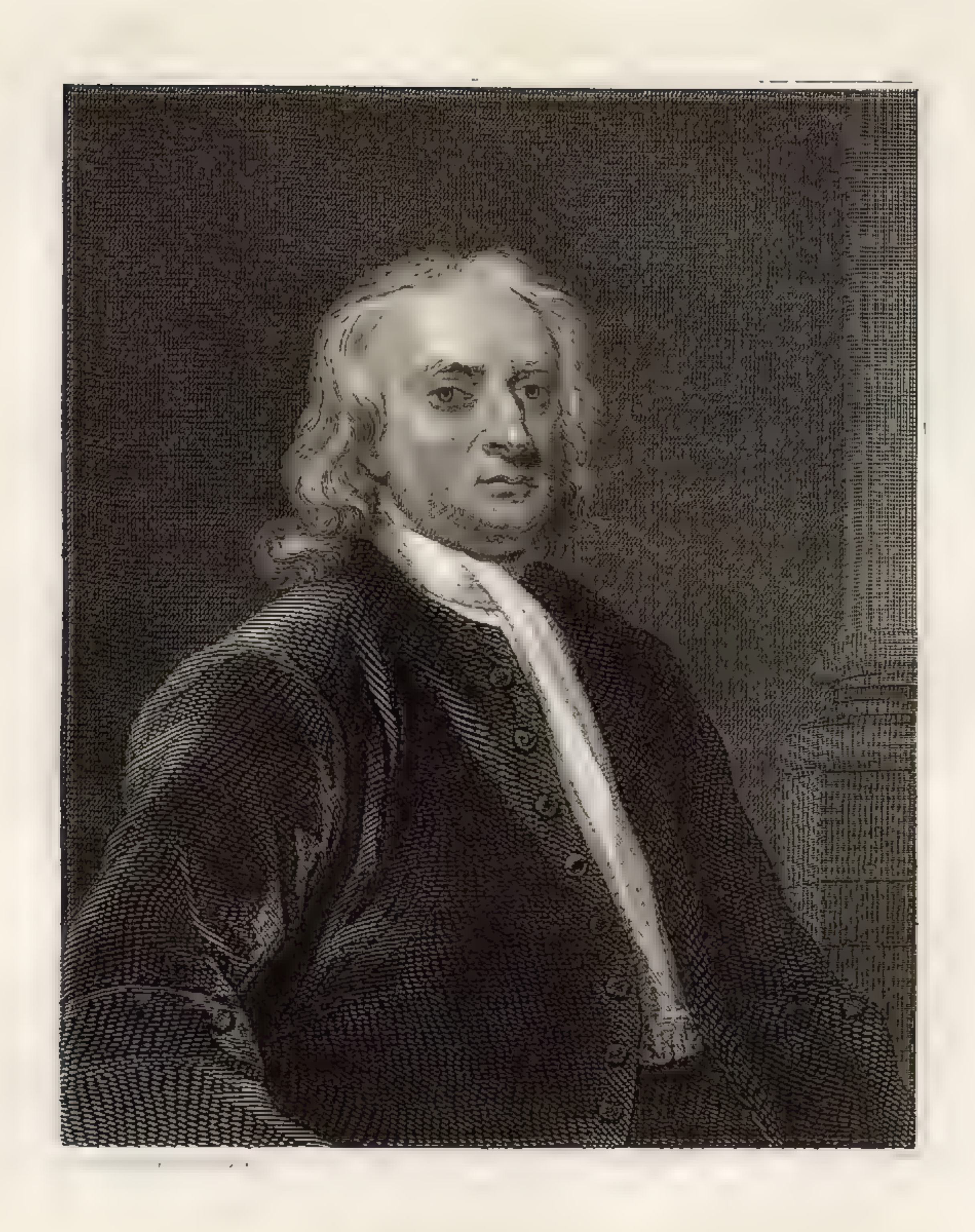
держащей лиру, одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній великаго художника; 16) о колоссальномъ Гекторѣ; 17) о покоящемся Парисѣ; 18) о музѣ; 19) о модели колоссальнаго Аякса, и 20) о модели, сидящей и богатою одеждою облеченной статуи Эрцгерцогини Маріи Луизы Австрійской. По низведеніи Наполеона съ престола Франціи, Канова, по порученію Папы, истребовалъ обратно всѣ художественныя сокровища, увезенныя Наполеономъ изъ Рима, отправился въ Лондонъ, и возвратился въ Римъ, въ 1816 году, гдѣ Папа Пій VII, по внесеніи имени его въ золотую книгу Капитоліи, призналъ его грамотою, ему лично врученною, «заслуженнымъ мужемъ Рима,» возвелъ его въ званіе Маркиза Искійскаго, и пожаловалъ ему 3,000 скудіевъ ежегоднаго дохода. Канова употребилъ жалованье въ пользу искусства, на вспоможеніе художникамъ, проживавшимъ въ Римѣ для усовершенствованія себя въ искусствахъ, а значительное собственное свое имѣніе, на сооруженіе великолѣпной церкви въ Поссаньо, которую онъ украсилъ послѣдними своими художественными произведеніями. Онъ скончался, въ Венеціи, 13 Октября 1822 года. Прахъ его покоится въ церкви Поссаньо. Живущій въ Римѣ братъ его, подарилъ его правую руку Академіи изящныхъ художествъ въ Венеціи, которая воздвигла ему, въ 1819 году, мраморный памятникъ, изъ приношеній Европы и Америки. Памятникъ, сооруженный въ честь его Папою Львомъ XII въ библіотекѣ Капитоліи, въ Римѣ, открытъ 23 Февраля 1833 года.

Только послѣ кончины художника установилось безпристрастное и справедливое сужденіе о талантѣ и достоинствѣ его. Нынѣ вообще признано, что Кановѣ

принадлежитъ неувядаемая слава возстановленія ваянія и возбужденія къ этому искусству того почтенія, которымъ оно уже не пользовалось, потому что считалось одною роскошью въ области художествъ. Свойственныя всѣмъ произведеніямъ Кановы, привлекательность и красота, возбудили къ нему всеобщее вниманіе, и породили рѣдкое участіе въ пластическихъ произведеніяхъ; самые недостатки Кановы, подвергнутые столь строгому разбору и сужденію: непомѣрная и лишняя его рачительность въ отдѣлкѣ мрамора, и примѣненіе къ нему протравъ, для усиленія эфекта и впечатлѣній, не мало способствовали къ вящшему возбужденію участія въ искусствѣ ваянія, и къ развитію и опредѣленію понятій о достоинствѣ, условіи и изящности этого искусства. По этому весьма основательно почитають Канову виновникомъ важной, хотя уже и до него приготовленной, эпохи пластики; и весьма бы несправедливо было забыть изобрѣтательность его генія; хотя съ другой стороны должно согласиться и въ томъ, что художники, съ нимъ состязавшіеся, превзошли его напослѣдокъ въ глубокомъ постиженіи изящности. Художническія дарованія его сливались съ прелестнѣйшимъ характеромъ и сердцемъ, исполненнымъ радушія и снисходительности. Въ часы отдохновенія занимался онъ живописью, и существующія его картины доказываютъ, что онъ столь глубоко вникалъ въ таинства Венеціянской Школы, и столь превосходно умѣлъ подражать прелестямъ ея колорита, что нерѣдко даже знатоки принимали его произведенія за оригинальныя картины древнихъ художниковъ. Статься можетъ, что это постороннее занятіе увеличило славу его, особенно въ кругу безусловныхъ его почитателей, утверждающихъ, что

во всѣхъ его ваяніяхъ проявляется вмѣстѣ и геній великаго живописца; но съ этимъ мнѣніемъ многіе не соглашаются. Просимъ сравнить Гётево сужденіе о Кановѣ въ сочиненіи: Winkelmann und sein Jahrhundert; а также и слѣдующія: Описанія жизни Кановы, сочиненіе Миссирини (4 части, Прато 1824), и Сигоньяра (Венеція 1823); Біографію его, сочиненіе Газе, въ Zeitgenossen, и наконецъ The works of Canova (3 части, Лондонъ 1828).

НЬЮТОНЪ.

НЬЮТОНЪ.

НЬЮТОНЪ.

Исаакъ Ньютонъ, основатель новой Математической Физики, родившійся 25 Декабря 1642 года, въ Вульсторпѣ, что въ Графствѣ Линкольнъ, въ Англіи, лишился отца до рожденія своего, и въ дѣтствѣ былъ весьма малаго роста и слабаго сложенія. Онъ не обѣщалъ большихъ талантовъ, а потому мать, отдавшая было его на двѣнадцатомъ году въ Грентемскую высшую школу, вскорѣ взяла его обратно, и хотѣла, чтобы онъ помогалъ ей въ управленіи имѣніемъ. Ньютону не нравились занятія по сельскому домоводству; въ продолженіе кратковременнаго своего пребыванія въ Грентемскомъ училищѣ, онъ полюбилъ математику, и успѣлъ, безъ всякаго особеннаго руководства, составить тамъ водяные часы и разныя другія мелкія механическія машины, а возвратившись на родину къ матери своей, онъ тотчасъ сдѣлалъ солнечные часы, которые и по сіе время показываются въ Вульсторпѣ посѣтителямъ. Одинъ изъ дядей его, замѣтивъ чрезвычайную

наклонность Ньютона къ математическимъ занятіямъ, убѣдилъ его мать вновь отправить его въ Грентемское училище. Изъ этого заведенія поступилъ онъ, на восемнадцатомъ году, въ Кембриджскій Университетъ, въ которомъ Барро (Barrow), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ математиковъ, вскорѣ узналъ необыкновенныя способности юноши, обласкалъ его и обратилъ на него особенное свое вниманіе. Валлисова Arithmetica infinitorum, привлекала къ себѣ Ньютона чрезвычайно. Занимаясь ею, онъ открылъ биноміяльную теорему, и примѣненіе ея къ извлеченію корня всякой степени изъ даннаго числа, также на дробные и отрицательные экспоненты. Посредствомъ той же теоремы, онъ открылъ методъ *инфинитезимальнаго исчисленія,* прославленнаго тѣмъ, что оно служитъ основаніемъ Ньютонову безконечному анализу. Всѣ эти открытія сдѣланы имъ были уже въ 1665 году; но въ самое это время, и прежде нежели онъ могъ сообщить ихъ свѣту, чума принудила его выѣхать изъ Кембриджа, и возвратиться въ Вульсторпъ. Въ сельскомъ уединеніи сидѣлъ онъ однажды подъ яблонью, которую еще и понынѣ показываютъ, и паденіе съ ней яблока обратило размышленіе его на удивительную силу, названную нами тяжестью, которая тянетъ каждый падающій предметъ къ центру земли. Продолжая мыслить о столь занимательномъ явленіи, онъ, съ помощію третьяго закона Кеплера (*)

(*) Три закона Кеплера (regulae Kepleri) суть слѣдующіе: 1) Планеты обращаются вокругъ солнца, стоящаго въ фокусѣ пространства, не по кругообразнымъ путямъ, какъ-то полагалъ Коперникъ, но въ эллипсахъ. 2) Мысленно принимаемая прямая линія отъ солнца къ планетѣ (radius vector), пересѣкаетъ въ пространствѣ путь въ равныхъ между собою срокахъ, отдѣляя отъ него и равные секторы. 3) При движеніи планетъ

остановился на заключеніи, что притяженіе солнца дѣйствуетъ въ обратномъ отношеніи квадрата разстоянія; когда же примѣнилъ онъ свое предположеніе и къ лунѣ, то увидѣлъ, что вычисленіе не выходитъ, потому что принятый тогда діаметръ земнаго шара не былъ еще исчисленъ съ достовѣрностью. Возвратившись, въ 1666 году, въ Кембриджъ, онъ никому не открывалъ плодовъ своихъ размышленій, и не прежде, какъ по прошествіи двухъ лѣтъ, когда профессоръ Барро приступилъ къ печатанію своихъ Lectiones opticae et geometriae, показалъ ему нѣсколько теоремъ объ оптикѣ, о коихъ Барро, въ предисловіи своего творенія, отзывается съ хвалою. Когда же вышла въ свѣтъ Logorithmotechnia, Меркатора, и помѣщенная въ ней квадратура гиперболы обратила на себя столь большое вниманіе, то Ньютонъ рѣшился сообщить профессору Барро свой гораздо превосходнѣйшій методъ *инфинитезимальнаго исчисленія*. При всемъ томъ, сей методъ не сдѣлался еще тогда извѣстнымъ, потому что Ньютонъ занимался тогда другою вѣтвію науки, а именно: раздѣленіемъ бѣлаго солнечнаго свѣта на разноцвѣтныя краски, его составляющія, посредствомъ присмы. Такимъ образомъ стяжалъ онъ безсмертную славу уже тремя открытіями, когда Барро, въ 1669 году, уступилъ ему свою каѳедру. Вскорѣ потомъ обратилъ онъ на себя вниманіе Лондонскаго Королевскаго Общества улучшеніемъ телескопа, и поднесеніемъ Обществу одного, имъ самимъ составленнаго, телескопа съ металлическимъ зеркаломъ, увеличивавшаго предметы въ сорокъ разъ.

квадратныя числа всего времени кругообращенія ихъ относятся между собою такъ, какъ кубы средняго разстоянія ихъ отъ солнца.

Общество приняло его, въ 1672 году, въ число своихъ членовъ, и въ этомъ званіи онъ сообщилъ ему часть изысканій своихъ о свѣтѣ. Споръ, начавшійся между имъ и Гукомъ (Hooke) о сей теоріи, побудилъ его заняться вторымъ своимъ сочиненіемъ о свѣтѣ, которое, вмѣстѣ съ первымъ, составляетъ основу его *Оптики*. Когда Гукъ избранъ былъ въ секретари Общества, Ньютонъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не сообщалъ ему ни какихъ плодовъ своихъ занятій, и не прежде, какъ въ 1679 году, когда онъ долженъ былъ представить Обществу мнѣніе свое объ одномъ астрономическомъ сочиненіи, сдѣлалъ онъ предложеніе: доказать движеніе земнаго шара непосредственными опытами, именно тѣмъ уклоненіемъ, которому подвергаются тѣла, свободно падающія съ вертикальной точки. Вслѣдствіе этого предложенія, открылось для него снова поприще для изысканій тяжести, на которомъ онъ уже прежде подвизался, но безъ совершеннаго успѣха. Между тѣмъ, Пикаръ измѣрилъ одинъ градусъ меридіана во Франціи, и основалъ на своемъ измѣреніи точнѣйшее опредѣленіе полудіаметра земнаго шара, а Ньютонъ, при примѣненіи этого измѣренія, нашелъ, что движеніе луны состоитъ дѣйствительно въ вѣрномъ соотношеніи съ открытымъ имъ закономъ тяжести. Начиная съ сего времени, онъ посвятилъ всю жизнь свою исключительно изученію великаго закона міровъ. Въ 1684 году, Галлей посѣтилъ его въ Кембриджѣ, и онъ уже могъ сообщить ему свой Tractatus de motu, который нынѣ, съ весьма малыми измѣненіями, составляетъ первую и вторую книгу его Philosophiae naturalis principia mathematica. Твореніе его напечатано въ первый разъ въ 1687, а во второй въ 1713 году.

Чтобы дать понятіе о возвышенности этого ученаго творенія, достаточно будетъ сказать, что изъ современниковъ Ньютона, едва ли четверо ученыхъ могли постигать его.

Между тѣмъ, Ньютонъ пріобрѣлъ и политическую значительность. Англійскій Король Іаковъ II потребовалъ отъ Кембриджскаго Университета диплома на ученое званіе для одного монаха Бенедиктинскаго Ордена, съ освобожденіемъ его отъ экзамена. Ньютонъ принадлежалъ къ числу депутатовъ, отправленныхъ Университетомъ къ Королю съ протестаціею противъ воли его, и одной твердости его характера Университетъ былъ обязанъ уничтоженіемъ королевскаго повелѣнія. Онъ былъ и представителемъ Университета въ Парламентѣ, изрекшемъ упраздненіе престола. Въ засѣданіяхъ Парламента обратилъ онъ на себя вниманіе Графа Галикфакса до такой степени, что былъ возведенъ имъ, въ 1696 году, въ званіе вардейна, а въ 1699 году, въ званіе директора монетнаго двора. При монетной реформѣ, Ньютонъ оказалъ правительству большія услуги и сдѣлалъ весьма важныя химическія изслѣдованія; но пожаръ лишилъ его всей лабораторіи и многихъ важныхъ манускриптовъ. Несчастное это происшествіе имѣло весьма вредное вліяніе, не только на здоровье его, но и на умственныя способности. Слава его уже такъ была утверждена въ ученомъ мірѣ, что самая зависть умолкала. Отвсюду стекались къ нему знаменитыя особы для изъявленія глубокаго уваженія. Парижская Академія приняла его въ число иноземныхъ членовъ своихъ; Кембриджскій Университетъ избралъ его, въ 1761 году, вновь депутатомъ своимъ въ Парламентѣ, а въ 1703, Лондонское Общество въ Президенты свои.

Вскорѣ потомъ издалъ онъ свои Naturalis philosophiae principia, и спачала Оптику, Optics or a treatise of the reflexions, inflexions and colours of light (1704), которую Клеркъ, подъ руководствомъ самого Пьютона, перевелъ па Латинскій языкъ (Лондонъ 1706). Съ первымъ изданіемъ этого творенія, Ньютонъ соединилъ аналитическія диссертаціи: De quadratura curvarum и Enumeratio linearum tertii ordinis. Что жъ касается до Arithmetica universalis (1707), содержащей текстъ аналитическихъ лекцій, которыя преподавалъ Ньютонъ въ Кембриджскомъ Университетѣ, то она издана не имъ, а Вистономъ, и говорятъ, даже противъ воли его; точно также изданы другими, но съ согласія его, слѣдующія его диссертаціи: Analysis per aequationes numero terminorum infinitas и Methodus differentialis (1711). Вотъ всѣ творенія Ньютона, основавшія безсмертную его славу! Сверхъ того разбросано еще множество аналитическихъ его сокровищъ въ корреспонденціи его о несчастномъ спорѣ, въ который онъ попалъ съ Лейбницомъ, въ 1712 году, по случаю изобрѣтенія безконечнаго исчисленія. Акты объ этомъ ученомъ спорѣ находятся въ Commercium epistolicum. Хотя и понынѣ многіе приписываютъ честь изобрѣтенія Лейбницу, однако же нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что каждый изъ нихъ независимо отъ другаго выдумалъ этотъ методъ.

Въ метафизикѣ своей, Ньютонъ выводитъ гипотезу, что безконечное пространство, въ которомъ вращаются міры, есть *сенсоріумъ* (чувственное орудіе, или чувственное мѣстопребываніе) *Творца*. Съ философическими взглядами его можно познакомиться изъ Пембертонова: A viev of Newton' Philosophy (London 1726, in 4;

Нѣмецкій переводъ Маймона, Берлинъ 1793). О хронологическихъ предметахъ подарилъ онъ свѣту весьма глубокія размышленія въ одномъ твореніи своемъ, напечатанномъ черезъ два года послѣ его смерти. Но замѣчанія его: Ad Danielis Prophetae vaticinia, nec non S. Johannis Apocalypsin observationes, равнымъ образомъ послѣ кончины его изданныя, могли бы остаться ненапечатанными; ибо они, кажется, были плодомъ первыхъ юношескихъ его ѳеологическихъ занятій. Съ того времени, какъ онъ лишился лабораторіи и многихъ рукописей своихъ, онъ, кажется, неохотно уже занимался науками, ибо начиная съ этого времени, онъ издалъ только три новыя сочиненія: *Трактатъ о температурѣ* въ Philosophical transact. (1701), сочиненіе, содержащее идеи, осуществленныя въ послѣдствіи Галлеемъ посредствомъ зеркальнаго секстанта, и наконецъ разрѣшеніе предложенной Іоанномъ Бернулли проблемы о брахистохронѣ, или линіи кратчайшаго паденія, равнымъ образомъ напечатанное въ Philosophical transact. Другую подобную и чрезвычайно мудреную проблему, предложенную Лейбницомъ Англійскимъ геометрамъ, въ 1716 году, для доказанія имъ превосходства его дифференціяльнаго исчисленія надъ методою флюксіи, Ньютонъ, получивъ въ четыре часа по полудни, разрѣшилъ до наступленія вечера. Но это занятіе его было и послѣднимъ его математическимъ напряженіемъ: въ теченіе остальныхъ десяти лѣтъ жизни своей, онъ, кажется, уже вовсе не занимался математикою. Всѣхъ тѣхъ, которые тогда просили его о наставленіи или о разрѣшеніи какой либо проблемы, онъ отсылалъ къ другимъ математикамъ, а изъявлявшимъ удивленіе къ твореніямъ его, онъ обыкновенно

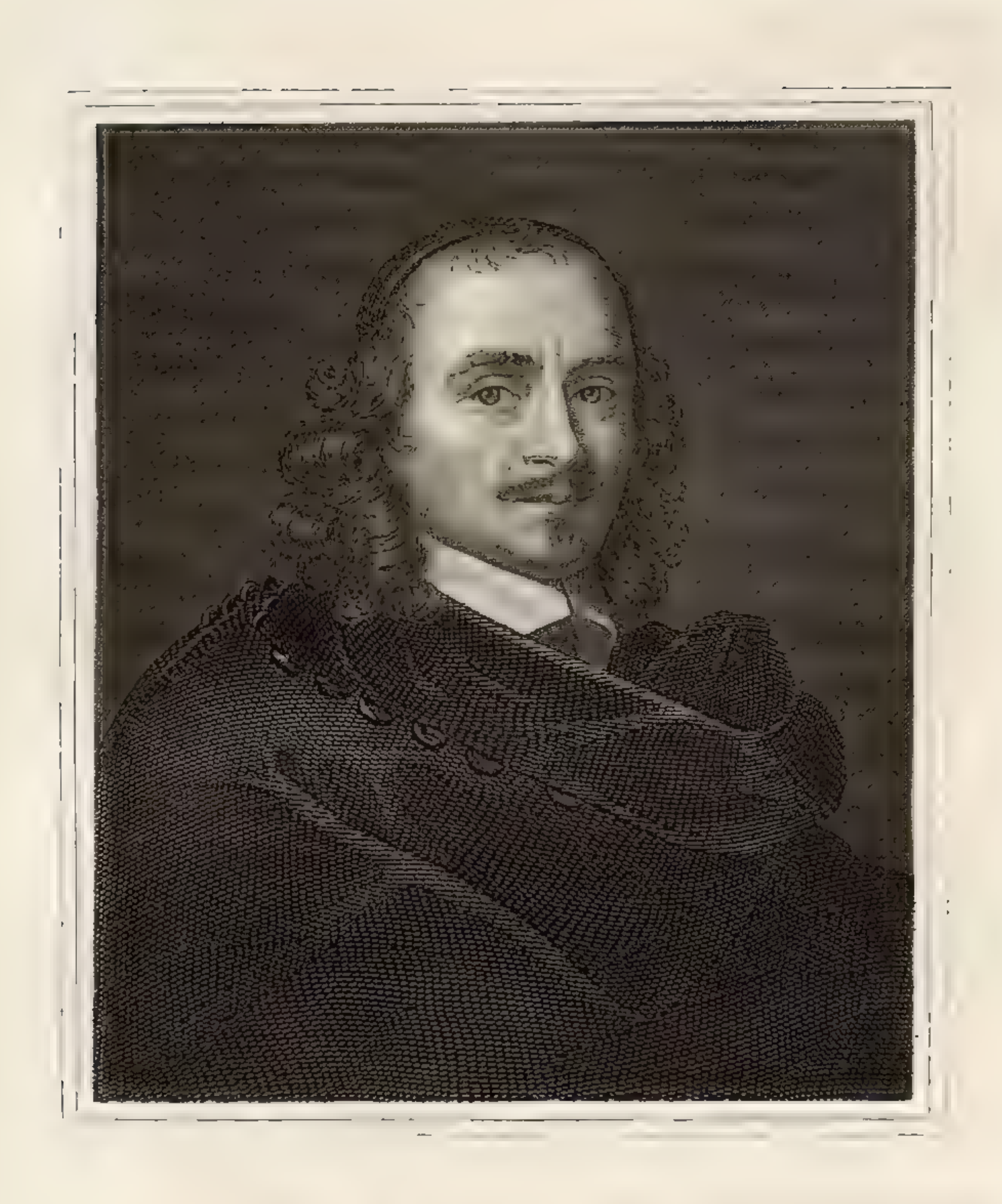
отвѣчалъ: «Я не знаю, что свѣтъ скажетъ о сочиненіяхъ моихъ; что же касается до меня, то я самому себѣ всегда казался ребенкомъ, игравшимъ на берегу моря, и находившимъ, то пестренькій камышекъ, то блестящую раковину, между тѣмъ, какъ предъ взорами моими разстилался неразгаданный и недовѣдомый океанъ истины въ неизмѣримомъ своемъ пространствѣ.» Онъ умеръ 20 Марта 1727 года, имѣя отъ роду восемьдесятъ пять лѣтъ. Король Георгъ I, узнавъ о кончинѣ его, повелѣлъ выставить тѣло его на парадномъ одрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и похоронить его въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, гдѣ и покоится онъ близъ входа на хоры. Родственники его, которымъ оставилъ онъ по себѣ въ наслѣдство имѣнія на 32,000 фунтовъ стерлинговъ (сумму огромную по тогдашнему времени), поставили ему великолѣпный памятникъ съ надписью, оканчивающеюся слѣдующими словами: Sibi gratulentur mortales tale tantumque exstitisse humani generis decus. Другая надпись, сочиненная Попомъ, такъ знаменита, что намъ нельзя не помѣстить ея въ Пантеонѣ нашемъ, описывая жизнь и творенія Ньютона. Вотъ она: Isaacus Newton hic iacet, quem immortalem coeli, natura, tempus ostendunt, mortalem hoc marmor fatetur.

Nature and all her works lay hid in night,
God said, let Newton be, and all was light.

Въ Кембриджскомъ Коллегіумѣ Троицы воздвигнута ему, въ 1755 году, мраморная статуя. Ньютонъ былъ средняго роста и пріятной наружности, которая впрочемъ никакъ не заставляла предполагать въ немъ того глубокомыслія и остроумія, которыми исполнены

его творенія; нравомъ онъ былъ кротокъ и снисходителенъ. Онъ не былъ женатъ; но утверждаютъ, что въ молодыхъ лѣтахъ своихъ былъ влюбленъ въ одну весьма образованную и остроумную Грентемскую дѣвицу, Миссъ Стовей, которой назначилъ пожизненную пенсію, когда она вышла замужъ. Творенія его изданы Горслеемъ на Латинскомъ языкѣ (5 частей, Лондонъ 1775 — 1785, 4), а позднѣйшее изданіе ихъ, Лесюэромъ и Жакіе (3 части, Женева 1730 — 1740, 4), можетъ служить весьма хорошимъ коментаріемъ его *Началъ* (Principia). Въ Biographie universelle помѣщена о Ньютонѣ весьма хорошая статья, сочиненная Біотомъ, а Брьюстерсъ написалъ Life of Newton, изданную въ Лондонѣ 1831 года, переведенную на Нѣмецкій языкъ Курляндскимъ урожениемъ Гольдбергомъ, и обогащенную примѣчаніями Брандеса (Лейпцигъ 1833).

КОРНЕЛЬ.

КОРНЕЛЬ.

КОРНЕЛЬ.

Піеръ Корнель, творецъ Французской трагедіи, и по времени старшій изъ писателей, жившихъ въ вѣкъ Лудовика XIV, родился 6 Іюня 1606, въ Руанѣ, гдѣ отецъ его былъ генералъ-адвокатомъ. Даже въ позднѣйшихъ и совершеннѣйшихъ твореніяхъ его видно, что придворныя интриги, и раздоры, волновавшіе въ продолженіе первыхъ лѣтъ правленія Лудовика XIII Францію, имѣли большое вліяніе на юношеское его образованіе. Успѣшная интрига съ любовницею одного изъ пріятелей, который въ простодушіи своемъ познакомилъ его съ нею, подала ему первый поводъ испытать свои дарованія на поприщѣ драматическомъ. Онъ описалъ любовное свое приключеніе въ комедіи, въ стихахъ, подъ названіемъ *Мелиты*, которая и была представлена въ 1629 году. Успѣхъ ея ободрилъ его. Послѣ *Мелиты* онъ вскорѣ написалъ: *Клитандра*, *Вдову*, *Дворцовую галерею*, *Наперсницу* и *Пласъ-Рояль* (1635). Всѣ эти піесы такъ понравились, что для представленія

ихъ составилось особое общество актеровъ; нѣкоторыя же сцены изъ нихъ появляются даже и нынѣ еще на Французскомъ Театрѣ, въ сочиненіяхъ новѣйшихъ авторовъ.

Природѣ слѣдовалъ Корнель такъ же мало, какъ и его современники. *Медея* (1635) его была подражаніе Сенекѣ, и слѣдовательно, исполнена декламацій. Въ то время многіе стихотворцы жили на жалованьѣ, получаемомъ отъ Кардинала Ришелье, и должны были писать комедіи по его назначенію. Онъ требовалъ исполненія этого условія и отъ Корнеля; но Корнель отступилъ однажды отъ принятаго правила, и навлекъ на себя ненависть могущественнаго Кардинала. Въ слѣдствіе этого недоброжелательства, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Парижа, и отправился въ Руанъ, гдѣ секретарь Маріи де-Медичи, Шалонъ, присовѣтовалъ ему не писать болѣе комедій, а заняться сочиненіемъ трагедій, по образцамъ Испанскимъ. Корнель выучился Испанскому языку, у Шалона, и написанный имъ, въ 1636 году, *Сидъ*, оправдалъ предсказаніе благоразумнаго его пріятеля. Одинъ только Кардиналъ Ришелье не участвовалъ во всеобщемъ восхищеніи публики, и въ непримиримой ненависти своей къ автору, побудилъ даже, учрежденную имъ Академію, разсмотрѣть *Сида*, и выразить о немъ свое мнѣніе. Шапелень, органъ этого ученаго общества, постарался угодить Кардиналу съ соблюденіемъ возможнѣйшаго уваженія къ мнѣнію публики.

Мнѣнія Французской Академіи о трагической комедіи *Сида*, приносятъ болѣе чести нравотѣ тогдашнихъ Французскихъ ученыхъ, нежели ихъ учености. Многіе изъ нихъ старались пріобрѣсти милостивое къ себѣ

расположеніе мощнаго министра порицаніемъ, и даже униженіемъ Корнелевыхъ сочиненій; но это усиліе ихъ побудило Корнеля умножить число своихъ произведеній. *Гораціями* своими (1639) опровергнулъ онъ упрекъ въ недостаточности творческаго генія, возобновленный порицателями его и послѣ, при появленіи его *Лжеца* (1642), подражанія Педру де-Рохасу, и *Гераклія* (1647), подражанія Калдерону. Быть можетъ, этотъ упрекъ былъ причиною, что Корнель не бралъ сюжетовъ изъ новѣйшей Исторіи, а выбиралъ ихъ преимущественно изъ древне-Римской. «Строгій патріотисмъ древнихъ и гордая политика позднѣйшихъ Римлянъ, сказалъ одинъ знаменитый критикъ, должны были замѣнить ту рыцарскую честь и вѣрность, выраженіе коихъ въ Сидѣ заставляетъ предполагать въ авторѣ духовное сродство его съ геніемъ Испанскихъ драматическихъ писателей.» Французскіе критики признаютъ *Цинну* (1639) лучшимъ произведеніемъ Корнеля; но это мнѣніе могло бы быть совершенно справедливымъ, если бъ онъ не написалъ *Поліевкта*. Счастливое соединеніе трогательнаго съ величественною и торжественною важностію, дѣлаетъ, по мнѣнію нашему, сію послѣднюю піесу самою привлекательнѣйшею. Напротивъ того, въ *Смерти Помпея* (1641) проявляется наклонность къ напыщенности, не взирая на все благородство, съ которымъ изображено дѣйствіе Римскихъ оптиматовъ въ борьбѣ ихъ съ угнетателями. Передѣлка *Лжеца* заслужила всеобщую благодарность; ввела въ комедію натуральность и истину, вмѣсто бывшихъ въ ней до тѣхъ поръ вымысловъ. Сравненіе этой піесы съ Испанскимъ оригиналомъ: La sospeclosa verdad, весьма поучительно для любителей драматическихъ твореній. Но съ этого времени силы

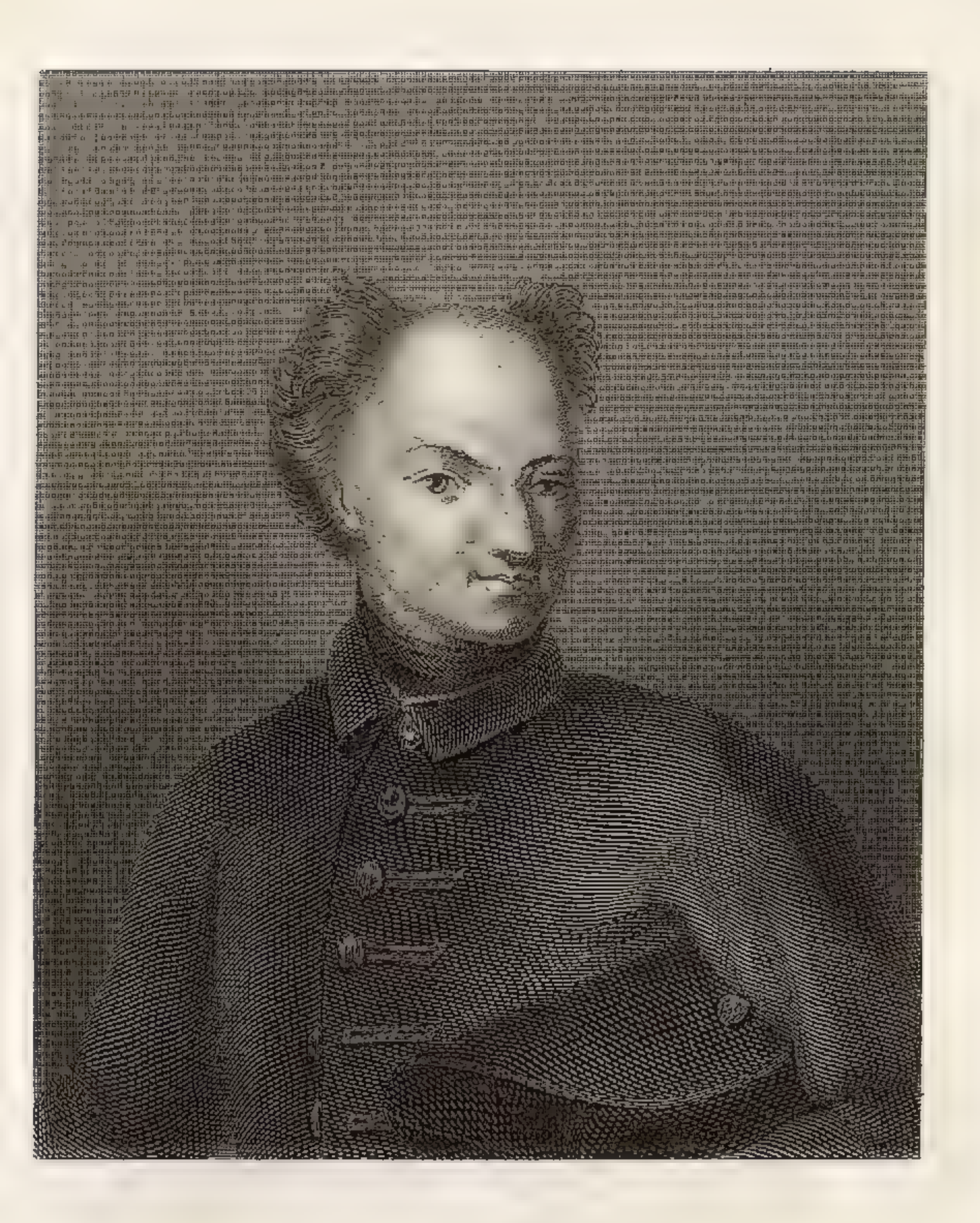
плодовитаго писателя, казалось, начинали истощаться. *Родогуна* (1646), любимая піеса Корнеля, оставляетъ въ насъ худое впечатлѣніе, которое не изглаживается и стеченіемъ всѣхъ ужасовъ, собранныхъ въ этой трагедіи. *Донъ Санчо Арагонскій* и *Андромеда*, піеса, разукрашенная музыкой, торжественными шествіями и танцами, менѣе извѣстны, и достоинствомъ своимъ уступаютъ, по мнѣнію самихъ Французовъ, *Никомеду* (1652), прославленному изящною игрою Тальмы, и не исключенному еще изъ новѣйшаго репертуара. Дерзкія насмѣшки надъ судьбою даютъ герою особенный характеръ, который производитъ чрезвычайный эфектъ; но намъ кажется, что декламація, съ ея безпрерывными противуположностями, здѣсь утомительна. *Первѳарита* (1653) Корнеля вовсе не понравилась публикѣ. Видя неудачи свои, Корнель хотѣлъ было вовсе оставить поприще драматическаго искусства, и занимался уже въ продолженіе шести лѣтъ твореніемъ De imitatione J. Ch. (первую книгу котораго онъ перевелъ въ стихахъ на Французскій языкъ); но Фуке (Министръ Финансовъ) побудилъ его посвятить себя вновь театру. Казалось, что *Эдипъ* (1659) и *Серторій*, трагедіи, привлекательныя, не только содержаніемъ, но и самыми декораціями своими, возвращали къ нему первую любовь публики; но всѣ прочія его піесы: *Оттонъ*, *Агезилай*, *Аттила* и р. д., показывали, что поэтъ, пожавшій столько лавровъ, начиналъ уже ослабѣвать. Изъ тридцати трехъ піесъ его оставались въ репертуарѣ только восемь. Слава его воскресла въ новѣйшее время. Уже давно называли его Французы великимъ, хотя Вольтеръ, издатель его твореній, и Лагарпъ, слѣдовавшій мнѣнію Вольтера, признавали его достоинства не во всѣхъ от-

ношеніяхъ. Слабыя стороны Корнеля, въ расположеніи многихъ піесъ, замѣчены весьма остроумно Лессингомъ; но основательное разсмотрѣніе ихъ, А. В. Шлегелемъ, породило во Франціи большіе споры. Какъ бы то ни было, но должно сожалѣть, что великіе таланты Корнеля не могли совершенно развиться, отъ наклонности его избирать свои сюжеты изъ древняго міра Римской Исторіи. Онъ всегда увлекался современными ему событіями, и считалъ политическіе споры и происшествія трагическими моментами. Самъ Вольтеръ замѣчаетъ это въ *Циннѣ*, и говоритъ, что Корнель многія мѣста въ *Поліевктѣ* старался возвысить и сдѣлать интересными, вводя мнѣнія и пренія возникавшей тогда секты Янсенистовъ. Въ общежитіи Корнель не отличался пріятными качествами: онъ говорилъ протяжно, утомительно, а по наружности и нѣсколько суровому обхожденію своему, не могъ нравиться при Дворѣ, да и самъ не находилъ большаго удовольствія въ высшемъ обществѣ. Слава и таланты не обогатили его. Онъ жилъ такъ скромно, что иногда терпѣлъ даже недостатокъ. Въ 1647 году онъ былъ принятъ въ число членовъ Французской Академіи, вмѣсто скончавшагося тогда Менара (Maynard), и умеръ 1 Октября 1684 года; онъ былъ старѣе всѣхъ прочихъ сочленовъ своихъ. Одинъ потомокъ старшаго его сына находился въ живыхъ еще въ 1813 году; но его столь же мало ласкало счастіе, сколько и правнуку великаго Корнеля, въ пользу которой Вольтеръ издалъ творенія этого поэта, и заплатилъ ему тѣмъ дань благодарности всего отечества. Новѣйшія мнѣнія Французовъ объ этомъ знаменитомъ мужѣ, имѣвшемъ столь рѣшительное вліяніе на Французскій Театръ, находимъ мы въ Eloge de Corneille,

par W. Victorin Fabre, за которое авторъ, въ 1807 году, получилъ премію отъ Французской Академіи, и въ Caractères et portraits litéraires, par St. Beuve. Самое полное и подробное изданіе твореній Корнеля, обогащенное и лучшими сочиненіями его брата Өомы, Вольтеровыми коментаріями и Палисотовыми примѣчаніями, есть Ренуарово, въ Парижѣ, въ 12 томахъ. Въ 1829 году открыта была подписка для сооруженія памятника великому Корнелю, и самый памятникъ теперь уже поставленъ въ Руанѣ.

КАРЛЪ XII.

КАРЛЪ XII.

КАРЛЪ XII.

Карлъ XII, сынъ Карла XI, Король Шведскій, царствовавшій съ 1697 по 1718 годъ, родился въ Стокгольмѣ, 27 Іюня 1682 года. Уже въ младенческихъ лѣтахъ отличался онъ характеромъ непреклоннымъ, упрямымъ и пламенною любовью къ славѣ. Въ первые годы младенчества своего, утверждалъ онъ предъ своею бабкою, Гедвигою Элеонорою, Принцессою Голстинскою, что голубое его платье, чернаго цвѣта; она никакъ не могла увѣрить его въ противномъ. Не могши однажды отворить дверей комнаты, онъ съ разбѣгу такъ сильно ударился въ нихъ головою, что упалъ безъ чувствъ на землю. Возбуждая въ немъ честолюбіе, учители могли пріохотить его къ ученію. Онъ сначала не хотѣлъ учиться Латинскому языку; но узнавъ, что всѣ великіе Монархи и Король Датскій знаютъ Латинскій языкъ, занялся имъ прилежно. Даже въ совершенныхъ лѣтахъ онъ никогда не хотѣлъ говорить по-Французски, хотя хорошо понималъ этотъ языкъ. Любимымъ его язы-

комъ былъ Нѣмецкій. Воинскія упражненія, какъ-то: верховая ѣзда, фехтованіе, звѣриная ловля, были любимыми его занятіями, и пріучили тѣло его къ перенесенію неудобствъ и тягостей войны. Въ Математикѣ, Исторіи и Географіи, онъ имѣлъ довольно хорошія познанія.

По смерти отца, Карлъ остался пятнадцати лѣтъ. Хотя пятнадцатилѣтній возрастъ, по Шведскимъ законамъ, почитается совершеннолѣтіемъ, однако же отецъ отложилъ вступленіе его на престолъ до восемнадцати лѣтъ, и назначилъ правительницею государства свою мать, а Карлову бабку, Голстинскую Принцессу Гедвигу Элеонору, которая принимала важное участіе въ правленіи сына своего, и совершенно удалила внука отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Она старалась занимать его охотою и верховою ѣздою, и надѣялась тѣмъ отвратить его отъ престола; но ошиблась въ расчетахъ своихъ. Онъ открылся Графу Пиперу, сказавъ: «Я *хочу*, чтобы мы оба перестали повиноваться женщинѣ.» Пиперъ предложилъ волю его въ Государственномъ Совѣтѣ. Государственные чины согласились, и Карлъ вступилъ на престолъ шестнадцати лѣтъ, 27 Ноября 1697 года. Во время коронованія, епископъ, помазавшій его, хотѣлъ возложить на него корону, но онъ взялъ ее у него изъ рукъ, и самъ увѣнчалъ себя.

Карлъ владѣлъ благоустроенною державой. Финансы находились въ цвѣтущемъ состояніи; подданные отличались воинственнымъ духомъ. Кромѣ Швеціи и всей Финляндіи, обладалъ онъ Лифляндіею, Эстляндіею, Кареліею, Ингерманландіею, островами Рюгеномъ и Эзелемъ, городомъ Висмаромъ, прекраснѣйшею частію Помераніи и Герцогствомъ Бременскимъ и Фер-

денскимъ. Переговоры Рисвикскаго мира, начатые отцемъ его, были имъ кончены. И такъ, при самомъ восшествіи на престолъ, онъ явился однимъ изъ могущественныхъ монарховъ того времени, и жребій многихъ народовъ зависѣлъ отъ его мановенія. Послѣ сего, могъ ли кто помыслить, что чрезъ нѣсколько лѣтъ это сильное сѣверное государство будетъ ослаблено, и что смѣлый, неутомимый и предпріимчивый Карлъ положитъ основаніе упадку, и приведетъ націю свою на край погибели?

Принявъ бразды правленія, Карлъ не заботился о государственныхъ дѣлахъ, и продолжалъ забавляться верховою ѣздою, охотою, и особенно травлею медвѣдей. Это казалось весьма благопріятнымъ для сосѣдей его; они вознамѣрились укротить кичливость Швеціи, столь мощной на Сѣверѣ. Фридрихъ IV, Король Датскій, Августъ II, Король Польскій, и Петръ I заключили противъ него союзъ, имѣвшій слѣдствіемъ Сѣверную Войну. Они надѣялись безъ труда побѣдить его, и изумились, когда Карлъ противопоставилъ ихъ требованіямъ соразмѣрную силу. Взоры Европы обращены были въ то время на него точно такъ, какъ чрезъ сто лѣтъ послѣ того они слѣдили каждое движеніе героя XIX столѣтія.

Шведскій Государственный Совѣтъ, узнавъ объ ополченіи союзныхъ сосѣдей, изъявилъ было желаніе сохранить миръ. Но Карлъ, присутствовавшій въ конференціи, всталъ съ своего мѣста и сказалъ рѣшительно: «Я никогда не начну несправедливой войны; но справедливую кончу не прежде, какъ по уничиженіи враговъ.» — Положено было начать войну. Казалось, что Карлъ сталъ вдругъ совершенно инымъ человѣкомъ.

Онъ перемѣнилъ свой образъ жизни, отказался отъ всѣхъ развлеченій и свѣтскихъ удовольствій, и сдѣлался рѣшительно солдатомъ. Помня Александра и Кесаря, вознамѣрился онъ во всемъ подражать этимъ завоевателямъ, кромѣ ихъ пороковъ. Примѣръ Короля долженъ былъ пріучить солдатъ къ строгой подчиненности, которую онъ рѣшился ввести въ своемъ войскѣ.

Между тѣмъ, Датскія войска вторглись во владѣнія Герцога Голстейнъ-Готорпскаго. Герцогъ, женатый на старшей сестрѣ Карла, тотчасъ отправился въ Стокгольмъ, и просилъ о защитѣ. Карлъ внялъ его просьбѣ, оставилъ, 8 Мая 1700 года, столицу свою, и никогда болѣе въ нее не возвращался. Безчисленная толпа народа провожала его до гавани Карлскронской, изъ которой онъ отправился въ походъ на флотѣ, состоящемъ изъ тридцати четырехъ судовъ. Онъ намѣревался выйти на берегъ въ Зеландіи, неподалеку отъ Копенгагена. Находясь отъ Датскаго берега не болѣе, какъ во стѣ шагахъ, онъ бросился въ море со шпагою въ рукахъ. За нимъ послѣдовали генералы и всѣ его войска, и подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ вышли на берегъ. Это первое отважное предпріятіе показало, чего должно ожидать отъ Карла въ послѣдствіи. Презрѣвъ грозящую ему опасность, бросился онъ ей навстрѣчу, и въ юношескихъ лѣтахъ оказалъ твердый, неустрашимый характеръ.

Датчане, тщетно старавшіеся удержать посредствомъ артиллеріи стремленіе непріятелей, не могли долѣе сопротивляться. Столица трепетала. Депутаты явились въ станѣ Карла, и просили о пощадѣ. Онъ принялъ ихъ благосклонно, потребовалъ контрибуціи, а солдатамъ подъ смертною казнію запретилъ грабить. Въ его вой-

скѣ господствовала строжайшая дисциплина; солдаты за все платили наличными деньгами. По этому у Шведовъ было такое изобиліе въ съѣстныхъ припасахъ, что граждане Копенгагенскіе нерѣдко покупали жизненныя потребности *въ непріятельскомъ лагерѣ.* Король Датскій, отправившійся въ Голстинію, не могъ долѣе сопротивляться. Вскорѣ начались переговоры о мирѣ, который и заключенъ былъ въ Травендалѣ. Въ силу трактата, 8 Августа 1700 года, Герцогъ Голстинскій былъ введенъ въ прежнія владѣнія и права свои. Такъ кончилась первая война, въ которой Карлъ оказалъ много ума, храбрости и безкорыстія; она была самая кратковременная, и продолжалась только три мѣсяца.

Будучи доволенъ униженіемъ гордаго противника своего, Карлъ намѣревался обратиться на Петра Великаго и Короля Польскаго Августа, и принудить ихъ къ миру. Первый угрожалъ Нарвѣ, а послѣдній осаждалъ Ригу. Карлъ переправилъ моремъ въ Лифляндію 20,000 человѣкъ войска, а самъ пошелъ на Русскихъ, которыхъ нашелъ у стѣнъ Нарвы, въ числѣ 50,000 человѣкъ, и тотчасъ сразился съ ними.

Не будемъ описывать кроваваго боя подъ Нарвою и слѣдствій его: они достаточно извѣстны намъ и всему свѣту. Петръ, увидѣвъ въ первый разъ сраженіе Русскихъ съ воинами, хорошо обученными, опытными въ тогдашнемъ военномъ ремеслѣ и пылавшими ревностію и усердіемъ къ юному своему герою, сказалъ, какъ бы по вдохновенію: «Знаю, что братъ мой, Карлъ, часто будетъ разбивать насъ; но наконецъ и мы у него научимся побѣждать;» сказалъ, и сдержалъ слово. Потерявъ сраженіе, онъ не утратилъ храбрости духа, и не остановился въ исполинскихъ своихъ помыслахъ;

занялъ вскорѣ послѣ того Ингерманландію (1702), укрѣпилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ (что нынѣ Шлиссельбургъ), взялъ приступомъ Нарву, Дерптъ и т. д. Съ покоренными областями поступалъ онъ, какъ съ собственностію неотъемлемою, неразлучною съ государствомъ, и которой отдавать обратно онъ никогда не рѣшится. Безпокойный вѣнценосный противникъ его поспѣшилъ, между тѣмъ, въ Польшу и Саксонію, съ цѣлію лишить престола Августа II, прозваннаго Сильнымъ.

Побѣда увѣнчевала всѣ его начинанія въ Лифляндіи и Польшѣ. Вытѣснивъ Польскія войска изъ первой, онъ вторгся въ послѣднюю, покорилъ бóльшую ея часть, и почти во всѣхъ сраженіяхъ и стычкахъ съ Саксонцами одерживалъ верхъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Августъ II просилъ мира; но гордый побѣдитель отвергнулъ всѣ предложенія, принятіемъ коихъ онъ могъ содѣлаться могущественнѣйшимъ монархомъ на Сѣверѣ. Онъ хотѣлъ принудить Короля отказаться отъ Польской короны, возвести на тронъ Польши Станислава Лещинскаго, избраннаго частію націи, устрашенной успѣхами Шведскаго оружія, и отвергъ даже свиданіе съ прекрасною Графинею Кенигсмаркъ, присланною къ нему Августомъ, для переговоровъ.

Счастіе было неразлучно съ знаменами Карла. Одержавъ надъ Саксонцами рѣшительную побѣду при Клиссовѣ, онъ взялъ Торнъ, Краковъ, и занялъ всю Польшу. Князь Примасъ объявилъ престолъ королевства Польскаго упраздненнымъ, и Станиславъ Лещинскій былъ возведенъ на него торжественно.

Блистательные подвиги Карла были сначала предметомъ удивленія Европы. Съ невѣроятною быстротою и храбростію, полководцы его одерживали въ разныхъ

отдаленныхъ странахъ блестящія побѣды надъ многочисленнѣйшими непріятельскими войсками. Но не однѣмъ побѣдамъ его удивлялся свѣтъ; не менѣе ихъ, удивляло Европу и его безкорыстіе. Графъ Пиперъ спросилъ его однажды, для чего онъ не оставилъ Польской короны за собою. Карлъ отвѣчалъ ему: «Лучше раздавать, нежели принимать короны.» Но какъ бы то ни было, а Карлъ преступилъ границы благоразумной умѣренности, которую каждый монархъ долженъ наблюдать и при самой справедливой войнѣ. Не согласившись заключить выгоднаго мира, онъ видимо увлекался одною мстительностію и славолюбіемъ.

Августъ напрасно надѣялся укрыться въ Саксоніи отъ вражды Карла. Карлъ преслѣдовалъ его и въ наслѣдственныхъ его владѣніяхъ, и въ 1706 году предписалъ наконецъ тяжкія условія мира, заключеннаго въ Альтранштедтѣ. На основаніи одного изъ нихъ, Августъ принужденъ былъ выдать ему Лифляндца Паткуля, бывшаго Россійскаго посланника при Дрезденскомъ Дворѣ, и главнаго виновника союза державъ противъ Швеціи. Несчастный мученикъ преданности къ Россіи и непримиримой мстительности Карла, былъ колесованъ публично, по волѣ его, 10 Октября 1707 года, на маршѣ Шведскихъ войскъ, близъ монастыря Казимирскаго, въ десяти миляхъ отъ Познани.

Во время пребыванія въ Саксоніи, Карлъ ознаменовалъ себя умѣренностію и великодушіемъ. Въ войскахъ его наблюдалась строжайшая дисциплина. Множество пословъ и князей пріѣзжали къ нему въ станъ его, расположенный при Альтранштедтѣ; между ими находился и Марборо, для извѣданія его намѣреній и расположеній. Онъ убѣдился, что побѣдоносный сѣверный

герой не приметъ ни какого участія въ великихъ политическихъ вопросахъ и спорахъ Юга. Но въ замѣнъ этого отреченія, Карлъ потребовалъ, еще до выхода своего изъ Германіи, отъ Римскаго Императора, чтобы всѣмъ протестантамъ въ Силезіи была дарована полная свобода вѣроисповѣданія. Императоръ на это согласился.

Сохраняя примѣрную дисциплину, будучи снабжена всѣми потребностями и обогащена знатною казною, плодами военныхъ реквизицій, Шведская армія выступила наконецъ изъ Саксоніи, въ Сентябрѣ 1707 года, въ числѣ 43,000 человѣкъ; 6,000 человѣкъ оставлены были въ Польшѣ, для защиты новаго Короля, Станислава Лещинскаго.

Пока Карлъ безпрестанно преслѣдовалъ Короля Польскаго въ Польшѣ и Германіи, собственные его подданные въ Лифляндіи и Ингерманландіи не имѣли достаточной защиты, такъ что Петру I представилась возможность овладѣть этими землями, какъ уже и выше сего сказано, въ самое то время, когда Карлъ, послѣ успѣховъ своихъ въ Польшѣ и Германіи, помышлялъ еще о новыхъ завоеваніяхъ. Ему все казалось возможнымъ. Многихъ тайныхъ миссіонеровъ отправилъ онъ въ Азію, даже до Египта, для снятія плановъ съ городовъ, и для собранія положительнѣйшихъ свѣдѣній о силѣ тамошнихъ земель. При тогдашнемъ положеніи политическихъ дѣлъ, дѣйствительно, одинъ онъ былъ въ состояніи разрушить Турецкое или Персидское государство. Въ лѣтахъ Александра Македонскаго, одаренный такимъ же мужествомъ и познаніемъ военнаго искусства, имѣлъ онъ еще бо́льшую твердость духа, бо́льшую силу и неустрашимость, а Шведы въ то время

были, можетъ быть, храбрѣе Македонянъ. Но одинъ счастливый успѣхъ предаетъ исполинскія начинанія безсмертію; неудачи же превращаютъ ихъ въ пустыя мечты.

Оставляя Саксонію, Шведская армія не знала, куда поведетъ ее Король. За нѣсколько дней предъ походомъ, потребовалъ онъ отъ Оберъ-Гофмаршала маршрутъ изъ Лейпцига въ. . . . На этомъ словѣ онъ остановился, опасаясь, чтобы Оберъ-Гофмаршалъ не узналъ его намѣренія, и прибавилъ улыбаясь: «Во всѣ главные города Европы.» Оберъ-Гофмаршалъ принесъ къ нему списокъ, который начинался словами: «Маршрутъ изъ Лейпцига въ Стокгольмъ,» написанными большими буквами. Король, посмотрѣвъ на маршрутъ, сказалъ: «Понимаю, но мы *не хотимъ* еще воротиться такъ скоро въ Стокгольмъ.»

Когда армія проходила мимо Дрездена, Карлъ сдѣлалъ посѣщеніе, которое могло бы имѣть для него весьма худыя послѣдствія. Оставя гвардію свою, онъ поскакалъ, въ сопровожденіи только пяти офицеровъ, впередъ, и вскорѣ скрылся изъ виду. Никто не зналъ, куда онъ уѣхалъ; иные полагали даже, что онъ взятъ въ плѣнъ. Армія остановилась; начали совѣтоваться, что ей дѣлать въ такомъ несчастномъ случаѣ. Между тѣмъ, Карлъ, подъ чужимъ именемъ, прибылъ въ Дрезденъ, и поѣхалъ прямо во дворецъ Курфирста, который весьма изумился такому неожиданному посѣщенію. Позавтракавъ у Курфирста, Карлъ дружески простился съ Государемъ, у котораго отнялъ королевскую корону и разорилъ землю. Въ арміи узнали наконецъ объ этомъ посѣщеніи, но въ самую эту минуту Карлъ возвратился къ ней и нашелъ всѣхъ генераловъ

въ военномъ совѣтѣ. Для чего это? спросилъ Король. «Для того, чтобы осадить Дрезденъ, если бы тамъ задержали Ваше Величество.» — Этого они не смѣли сдѣлать, отвѣчалъ Карлъ. — На другой день узнали въ лагерѣ, что въ Дрезденѣ собранъ былъ Государственный Совѣтъ. «Сегодня, сказалъ одинъ изъ королевскихъ адъютантовъ, станутъ тамъ разсуждать о томъ, что слѣдовало сдѣлать вчера.» Находясь въ Саксоніи, Карлъ остановился однажды лагеремъ при маленькомъ городѣ Люценѣ, прославленномъ въ Тридцатилѣтнюю Войну побѣдою и смертію на Люценскомъ полѣ великаго Густава Адольфа. Онъ посѣтилъ то мѣсто, на которомъ палъ великій Монархъ, и сказалъ: «Я стараюсь жить подобно ему; дай мнѣ Богъ со временемъ принять такую же славную смерть!» — Одинъ Саксонскій крестьянинъ принесъ ему однажды жалобу на Шведскаго солдата, который его обокралъ. Король приказалъ позвать обвиненнаго и спросилъ его строгимъ голосомъ: правда ли это? — «Правда, Государь, отвѣчалъ солдатъ; но я не сдѣлалъ ему столько зла, сколько вы его Государю; я взялъ у него только одну курицу.» Король, довольный смѣлымъ отвѣтомъ, одарилъ крестьянина и сказалъ солдату: «Помни, другъ мой, что я, отнявъ у Августа королевство, не взялъ себѣ ничего.»

Кончивъ дѣла въ Германіи, Карлъ помышлялъ только, какъ бы уничтожить остальнаго врага своего, Петра I, и если можно, даже свергнуть его съ престола. Никто во всей Европѣ не сомнѣвался тогда въ возможности исполненія этого исполинскаго предпріятія. Счастіе, до тѣхъ поръ Карлу не измѣнявшее, ужасъ, предшествовавшій его оружію, источники силы и богатства, открытые имъ въ завоеванной Польшѣ и Сак-

сопіи, армія, укрѣпившаяся долголѣтними войнами и увѣренная въ непобѣдимости вождя своего — все было принято въ соображеніе расчетливыми тогдашними политиками, и невольно заставляетъ и нынѣ дѣлать любопытнѣйшія сравненія Карла съ тѣмъ великимъ вождемъ и завоевателемъ, предъ которымъ вся Европа трепетала въ новѣйшее время, ровно по прошествіи полнаго столѣтія послѣ подвиговъ Карла. Оба вѣнценосные честолюбца одушевлялись одинаковыми помыслами на Россію и Москву, и оба они въ Россіи приняли отъ неисповѣдимаго Промысла кару, которая увѣнчала великое наше отечество неувядаемою славою, и внесла его навѣки въ лѣтописи міра великимъ урокомъ для всѣхъ надменныхъ честолюбцевъ: да не нарушаютъ безъ нужды спокойствія и благоденствія народа трудолюбиваго, единодушнаго, любящаго выше всего святое отечество и православныхъ государей своихъ, и при всемъ великодушіи и кротости нравовъ, всегда готоваго воздать во сто-кратъ за нанесенное ему оскорбленіе.

Не одними помыслами своими на счетъ Россіи уподоблялся Карлъ XII Наполеону. Подобно сему послѣднему, онъ былъ быстръ и смѣлъ въ своихъ предпріятіяхъ, узнавалъ легко намѣренія непріятеля и предупреждалъ ихъ; былъ твердъ до упрямства въ задуманномъ подвигѣ, даже и тогда, когда не удавались начинанія; былъ молчаливъ; не любилъ наружной пышности; былъ непримиримъ, а иногда великодушенъ и доступенъ самымъ кроткимъ и прекраснымъ ощущеніямъ, и только въ одной образованности и геніяльности ума тонкаго, хитраго, гибкаго и невыразимо многосторонняго, Карлъ долженъ уступить Наполеону, неразгаданному явленію психологическаго и духовнаго міра.

Выступивъ съ арміею своею, состоявшею изъ 43,000 человѣкъ лучшаго войска, изъ Саксоніи, осенью 1707 года, Карлъ направилъ маршъ свой самымъ прямымъ путемъ на Москву. Генералъ Графъ Левенгауптъ ожидалъ его въ Польшѣ съ 20,000; въ Лифляндіи было 15,000, а новонабранныя войска поспѣшали изъ Швеціи соединиться съ ними. Владѣя такими огромными по тогдашнему времени силами, Карлъ готовился сразиться съ Петромъ. Презрѣвъ всѣ опасности и препятствія, прошелъ онъ зимою чрезъ пустынныя страны Польши, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1708 года достигъ до Руской границы близъ Днѣпра и до окрестностей Смоленска. Петръ, между тѣмъ, старался удержать шествіе Карла, повелѣвъ разорять дороги и занимать дефилеи. Вблизи Днѣпра Петръ поставилъ двадцатитысячный корпусъ для удержанія Шведовъ; но неустрашимость Карла и тутъ побѣдила храбрость Русскихъ. Петръ рѣшился тогда даровать миръ своему государству, въ коемъ едва только начали прозябать, по мудрымъ его распоряженіямъ, науки и художества, и отправилъ для сего втайнѣ посланниковъ къ Карлу. Но онъ отвѣчалъ имъ холодно, что только въ Москвѣ заключитъ миръ съ Царемъ. Оскорбленный такимъ отвѣтомъ, Петръ сказалъ достопамятныя слова: «Братъ мой, Карлъ, хочетъ быть Александромъ; но онъ Даріа во мнѣ не найдетъ.»

Не доходя до Смоленска, Карлъ вдругъ перемѣнилъ маршъ, по внушеніямъ Мазепы, и направилъ путь на Украйну, гдѣ надѣялся соединиться съ казаками. Петръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и немедленно разорилъ Малороссію, предавъ измѣнника Мазепу опалѣ и проклятію. Мазепа не могъ выставить Карлу объ-

щанной помощи, и армію Карла постигли великія несчастія, а самого Шведскаго героя вся мѣра униженія. Непреклонное упрямство увлекало его преодолѣвать всѣ препятствія, сражаться, такъ сказать, со всѣми явленіями природы, съ ненастьемъ и жестокою стужею, и совершать, при всѣхъ неудобствахъ марша, большіе переходы. Послѣдствія были неизбѣжны. Онъ лишился большаго числа людей и скота. Послѣдніе полки не имѣли надобности въ проводникахъ; падшія лошади, и оружіе, покинутое на дорогѣ, показывали слѣды предшествовавшихъ войскъ. По незнанію дороги, Шведы часто заблуждались; ненастье и холодъ раждали многія болѣзни, а недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ обезсиливалъ всю армію. Цвѣтущее и къ побѣдамъ привыкшее Шведское войско уменьшилось до 24,000. Солдаты и офицеры не получали извѣстій изъ Швеціи, и не могли сообщать отечеству своему вѣстей о гибельномъ своемъ положеніи. Генералъ Графъ Левенгауптъ, долженствовавшій присоединиться къ арміи и привезти провіантъ и пособія изъ Лифляндіи, прибылъ наконецъ къ разстроенному, изнуренному войску съ маловажными остатками своего корпуса, разбитаго Русскими, съ которыми онъ долженъ былъ безпрестанно сражаться. При такомъ горестномъ положеніи Шведской арміи, изъ всѣхъ генераловъ только одинъ осмѣлился роптать передъ Королемъ. «Какъ! сказалъ ему Карлъ: ты жалуешься, что удалился отъ своей жены? Если ты храбрый Шведъ, то я поведу тебя туда, гдѣ ты едва ли чрезъ три года будешь получать извѣстія изъ отчизны.» — Одинъ солдатъ, въ виду всей арміи, подалъ ему, не говоря ни слова, кусокъ черстваго, плѣснью покрытаго мякиннаго хлѣба, въ которомъ ар-

мія нуждалась. Карлъ взялъ хлѣбъ, скушалъ его и сказалъ солдату хладнокровно: «Хлѣбъ не хорошъ, это правда, но ѣсть его можно.»

Обманутый обѣщаніями вѣроломнаго Мазепы, Карлъ, вопреки совѣту вѣрнаго своего Пипера, продолжалъ съ изнуреннымъ войскомъ путь въ Украйну. Покореніе Полтавы, гдѣ онъ надѣялся найти богатые зерновые запасы, было главною его цѣлію; но Русскій гарнизонъ (состоявшій изъ 8,000 человѣкъ) защищалъ городъ. Тщетно Карлъ старался голодомъ принудить его къ сдачѣ, ибо не имѣлъ уже достаточнаго числа войска и орудій для взятія его приступомъ. Ежедневно происходили между обѣими арміями кровавыя сшибки; на одной изъ нихъ онъ былъ опасно раненъ въ ногу, и это обстоятельство довершило несчастное положеніе Шведовъ. Дѣятельность Карла была остановлена раною; онъ самъ не могъ быть вездѣ; не могъ видѣть всего собственными глазами; не могъ лично всѣмъ распоряжать, приказывать, поощрять своихъ воиновъ, или подавать примѣръ своею неустрашимостію. Малодушіе овладѣло войскомъ — тѣломъ, лишеннымъ души.

Въ это время прибылъ Петръ съ войскомъ, изъ 65,000 — 70,000 человѣкъ состоявшимъ, къ Полтавѣ. 27 Іюня 1709 года произошло, при этомъ городѣ, сраженіе, рѣшившее судьбу Швеціи, доставившее Россіи постоянный перевѣсъ въ политическихъ дѣлахъ Сѣвера, и положившее, по словамъ самого Петра, твердое и безопасное основаніе построенію Санктпетербурга. Во время сраженія, раненаго Карла носили на носилкахъ по полю битвы; но ничто не могло удержать стремленія Русскихъ. Предъ самою коляскою Карла нѣсколько лошадей убито, и всеобщее смятеніе распространилось

по всей его арміи. Шведы на всѣхъ пунктахъ были поражены столь рѣшительно, что гибель ихъ подъ Полтавою сдѣлалась народною пословицей. Реншильдъ и Пиперъ попали въ плѣнъ. Обозъ и военная казна достались въ руки побѣдителей. Шведы не могли ничего спасти. Короля посадили на лошадь; ее подъ нимъ убили. Онъ сѣлъ на другую, и благополучно достигъ Днѣпра. Левенгауптъ собралъ остатки бѣгущей Шведской арміи, тысячъ шестнадцать; Меншиковъ, съ легкою конницею, догналъ его. Весь корпусъ Левенгаупта, претерпѣвая недостатокъ въ провіантѣ и аммуниціи, сдался побѣдителямъ. Такимъ образомъ, никогда непобѣжденный герой, ужасъ трехъ сильныхъ монарховъ, коего одно присутствіе при войскѣ предвѣщало побѣду, сдѣлался вдругъ убогимъ бѣглецомъ, и армія его, прославившаяся блистательными подвигами, была истреблена въ продолженіе двухъ часовъ. Упадшій съ высшей степени воинской славы и величія, раненый и терзаемый горестію и досадою, Карлъ переправился чрезъ Днѣпръ съ Мазепою и малочисленною свитою, и искалъ убѣжища въ Турецкой Имперіи, въ Бендерахъ, гдѣ былъ принятъ съ большею почестью.

Едва разнеслась вѣсть о рѣшительномъ пораженіи Карла, какъ всѣ враги его ожили новою надеждою. Августъ II отрекся отъ Альтранштедтскаго мирнаго трактата; Фридрихъ, Король Датскій, сдѣлалъ высадку въ Шоненѣ, а Петръ вторгся въ Лифляндію. Учрежденное въ Стокгольмѣ регентство приняло мѣры для защиты старыхъ Шведскихъ областей. Генералъ Стенбокъ поразилъ Датчанъ въ Гельсинборгѣ, и принудилъ ихъ выступить изъ Шоненской Области; но отразить Русскихъ, или по крайней мѣрѣ пріостановить ихъ ус-

пѣхи, Шведамъ не удалось. Между тѣмъ, Карлъ, находясь въ Бендерахъ, безпрерывно трактовалъ съ Высокою Портою, умѣлъ побудить ее къ удаленію министровъ, ему неблагопріятствовавшихъ, и наконецъ даже къ объявленію войны Россіи. Обѣ арміи встрѣтились на берегахъ Прута. Извѣстно, въ какомъ затруднительномъ положеніи Петръ тамъ находился, и какимъ образомъ спасла его Екатерина отъ видимой гибели. Карлъ былъ внѣ себя отъ досады, выдумывалъ новые проекты, и просилъ Оттоманскую Порту, посредствомъ агентовъ своихъ, оказать ему помощь противъ Россіи. Но дипломатическіе агенты Русскаго Двора увѣрили Порту, что Карлъ стоитъ за Станислава только для того, что надѣется посредствомъ его быть властелиномъ всей Польши, и если ему это удастся, то онъ, вмѣстѣ съ Императоромъ Германіи, сдѣлаетъ сильное нападеніе на Турокъ. Въ слѣдствіе сего, Бендерскій сераскиръ получилъ повелѣніе побудить Короля къ отъѣзду, а если не послушается, то представить его, живаго или мертваго, въ Адріанополь. Карлъ распалился гнѣвомъ. Не привыкнувъ повиноваться волѣ третьяго лица, и опасаясь быть выданнымъ непріятелямъ, онъ вознамѣрился, съ тремя стами Шведовъ, явно сопротивляться всей силѣ Оттоманской Порты, и принять отъ судьбы жребій свой, съ оружіемъ въ рукѣ. Тщетно сераскиръ старался преклонить его упорство всѣми средствами убѣжденія. «Нѣтъ! отвѣчалъ Карлъ, не выйду добровольно изъ Варницы (станъ его находился въ этомъ урочищѣ); скорѣе положу здѣсь свою голову.» — Сераскиръ былъ наконецъ выпужденъ аттаковать Короля въ Варницѣ вооруженною рукою. Но Карлъ защищался съ большою рѣшимостію, не уступая преобладавшей силѣ Турокъ

почти ни одного шага. Уже три недѣли сряду тщетно блокировали они домикъ (въ которомъ Карлъ жилъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и получалъ отъ Султана для себя на содержаніе и свиты своей по 500 талеровъ на день), и рѣшились наконецъ взять его штурмомъ. 1 Февраля 1713 года, Турки начали въ первый разъ палить изъ пушекъ по королевскому стану, и сдѣлали нападеніе на его укрѣпленія. Шведы, находившіеся въ самую эту минуту у обѣдни, побѣжали на свои мѣста, а Король, сѣвъ на коня своего, поѣхалъ по шанцамъ, въ которыхъ люди его уже сражались противъ Турокъ съ величайшимъ отчаяніемъ. Не взирая, однако жъ, на всю ихъ неустрашимость, они всѣ были взяты въ плѣнъ, а Король, защищавшійся на каждомъ шагу, преслѣдованъ до самаго его дома. Только у самыхъ дверей сошелъ онъ съ лошади. Адъютантъ его, фонъ-Роосъ, обнявъ Короля, просилъ его убѣдительно войти въ домъ. «Нѣтъ! отвѣчалъ онъ: останусь здѣсь и посмотрю, что Турки будутъ дѣлать;» а какъ послѣдніе не переставали стрѣлять по немъ, то Роосъ старался склонить его по крайней мѣрѣ на то, чтобы онъ вошелъ въ двери. Но Король никакъ на то не соглашался, и услышавъ вдругъ, что и съ другой стороны Турки открыли сильный огонь на домъ его, и начали уже ломать окошки, онъ хотѣлъ было побѣжать вокругъ дома, для отраженія ихъ. Но Роосъ схватилъ его и не пускалъ съ мѣста. Карлъ старался вырваться изъ рукъ его, силился, прыгалъ съ досады; Роосъ ухватился наконецъ за его портупею, но Карлъ отстегнулъ ее и бросился бѣжать къ Туркамъ, которые между тѣмъ уже вломились въ окна, и сражались съ Шведами во внутренности залы. Роосъ догналъ Короля,

схватилъ его вновь, и сказалъ: «Нѣтъ, Государь! теперь вы у меня уже не вырветесь, я васъ не пущу!» На крикъ его подоспѣли къ нему два Шведа, и съ помощію ихъ удалось Роосу втащить Короля въ домъ и запереть двери запорами. Король немедленно побѣжалъ въ залу, въ которой происходила уже жаркая битва между Турками и Шведами. Обрадованные его присутствіемъ, они сдѣлали послѣднее усиліе, и положивъ нѣсколько Турокъ на мѣстѣ, прогнали другихъ въ окна и двери. Карлъ немедленно распорядился защитою этого необыкновеннаго поля сраженія, поставя къ каждому окну и къ каждой разломанной наружной двери по пяти, шести человѣкъ стрѣлковъ, и съ этою горстью людей болѣе восьми часовъ защищался отъ множества Турокъ и Татаръ. Въ продолженіе борьбы, онъ безпрестанно ходилъ изъ одной комнаты въ другую, ободрялъ своихъ солдатъ, и приносилъ имъ въ шляпѣ своей порохъ и пули. Отъ убитыхъ отбиралъ онъ остальную аммуницію и надѣлялъ ею сражавшихся.

Въ продолженіе этихъ занятій, вышелъ онъ изъ залы въ переднюю, и заперъ за собою двери. Къ передней примыкала комната Гофмаршала фонъ-Дубена, которая, по недостатку людей, не была занята солдатами. Доложили адъютанту Роосу, что Короля нигдѣ не видно. Онъ тотчасъ бросился отыскивать его, и отворивъ двери гофмаршальской комнаты, увидѣлъ, что Король сражается съ тремя Турками. Не теряя минуты, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета по одному изъ нихъ, стоявшему спиною къ двери, и убилъ его. Король примѣтилъ неожиданную помощь не прежде, какъ по паденіи Турка; ибо комната такъ была наполнена густымъ дымомъ отъ пороха, что онъ сначала не узналъ

и адъютанта своего. Бросивъ на него быстрый взглядъ, онъ въ ту же минуту разрубилъ другому Турку голову. Третій изъ нихъ былъ убитъ Роосомъ изъ втораго пистолета. «Какъ! это вы, Роосъ? воскликнулъ Карлъ, это вы? Весьма вамъ благодаренъ! Я вижу, что вы меня не забываете.» — При сихъ словахъ отиралъ онъ кровь, лившуюся изъ ранъ, нанесенныхъ ему Турками, и распрашивалъ Рооса, что дѣлаютъ прочіе его люди, о которыхъ онъ полагалъ, что они его покинули. «Нѣтъ, Государь! отвѣчалъ ему Роосъ: они васъ не оставили, но они почти всѣ уже убиты или взяты въ плѣнъ.» — «Если такъ, отвѣчалъ Карлъ, то пойдемъ защищаться одни въ залѣ.» Между тѣмъ, Турки силились проникнуть въ залу чрезъ окна. Будучи повсюду отражаемы удачными выстрѣлами, они вздумали защищать дѣйствія свои брустверами, сдѣланными изъ кучъ навоза, и подъ защитою ихъ старались приближаться къ окнамъ. Не взирая и на это средство, укрывавшее ихъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ осажденныхъ, они не могли преодолѣть ихъ. Между тѣмъ пальба изъ пушекъ продолжалась, но и она оказывалась неуспѣшною, потому что Карловъ домъ былъ каменный. Наступилъ вечеръ, и тогда Турки, рѣшившіеся кончить дѣло, во что бы то ни стало, начали кидать въ домъ горящіе смоляные вѣники, и стрѣлять изъ орудій калеными ядрами. Къ удивленію ихъ, и это средство имъ мало помогло. Наконецъ они вздумали подвезти къ той сторонѣ дома, гдѣ находилась комната Гофмаршала Дубена, и которая оставалась, по недостатку людей, безъ обороны, возъ сѣна и зажечь его. Вскорѣ распространился пожаръ во всемъ домѣ. Въ пылу обороны, Шведы сначала не примѣтили пожара, и узнали о немъ.

когда Карлъ началъ звать къ себѣ людей для потушенія огня. Но когда они отперли дверь, ведущую изъ залы въ переднюю, то увидѣли себя въ огнѣ: на многихъ Шведахъ загоралось платье и даже волосы. Не взирая на очевидную для всѣхъ опасность, Король приказалъ ломать крышу. Но работу должно было вскорѣ оставить по неимѣнію топоровъ и другихъ инструментовъ. Между тѣмъ, пожаръ усиливался и такъ стѣснялъ осажденныхъ, что Король и сподвижники его были принуждены спасаться изъ залы, и проскакивать чрезъ огонь, закрывая лице платьемъ, для предохраненія глазъ отъ обжоги. Видя себя сбитымъ съ поля сраженія, изъ горящей залы, Карлъ вспомнилъ о послѣднемъ уголкѣ, въ которомъ огня еще не было. «Пойдемте въ мою спальню, воскликнулъ онъ: въ ней можемъ мы еще защищаться нѣсколько времени.» Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ вдругъ напали на него четыре Турка. Онъ вырвалъ изъ рукъ Рооса карабинъ, и положилъ одного Турка на мѣстѣ. Остальные Турки продолжали наступать на Короля. Адъютантъ Роосъ убѣдительно просилъ его отойти отъ окна и не подвергать себя видимой неизбѣжной опасности, и видя, наконецъ, что Король не внимаетъ совѣту его, онъ насильно отдвинулъ его отъ окна, а самъ сталъ предъ нимъ. Турки выстрѣлили по окну изъ пистолетовъ. Одна пуля попала Роосу въ голову, онъ упалъ въ объятія Карла, но вскорѣ опять очнулся, а между тѣмъ Шведы застрѣлили помянутыхъ трехъ Турокъ. Потомъ Турки принялись было опять штурмовать домъ, но не могли овладѣть имъ.

Между тѣмъ, пожаръ усиливался, огонь проникалъ сквозь двери и дощатыя перегородки послѣдняго убѣ-

жища осажденныхъ, королевской спальни, въ которой онъ находился съ послѣдними людьми. Имъ всѣмъ оставалось, или выбѣжать на дворъ, или погибнуть въ огнѣ. Послѣ краткаго совѣщанія, Король избралъ первое средство, и выскочилъ изъ окна на дворъ, наполненный свирѣпыми непріятелями. Громкимъ голосомъ воскликнулъ Карлъ товарищамъ своимъ: «Не робѣйте, дѣти! Будемъ защищаться до послѣдней возможности, а тамъ, какъ Богу угодно!» Защищаясь отъ нападеній Турокъ, онъ и сподвижники его прислонялись тыломъ къ дому, съ котораго обваливалась горящая крыша. Въ такомъ отчаянномъ положеніи защищался онъ въ продолженіе еще цѣлаго часа, и наконецъ воскликнулъ къ своимъ: «Полно здѣсь, ребята! За мной, въ канцелярію!» и скорымъ шагомъ пошелъ черезъ дворъ; толпы Турокъ слѣдовали за нимъ къ флигелю дома. Запутавшись въ шпорахъ своихъ, Карлъ споткнулся и упалъ. Турки бросились на него, и остальные Шведы были одолѣны. Плѣнъ Короля Карла въ Варницѣ послѣдовалъ въ восемь часовъ вечера, 1 Февраля 1713 года.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, прибылъ къ Карлу въ Бендеры Станиславъ Лещинскій, и просилъ его согласиться на трактатъ, который онъ по необходимости заключалъ съ Августомъ II. Карлъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. Турки отправили знаменитаго плѣнника своего въ Демотику, близъ Адріанополя. Здѣсь пролежалъ онъ два мѣсяца въ постели, притворясь больнымъ, и занимался чтеніемъ и письмомъ. Наконецъ убѣдился онъ, что отъ Порты вспомоществованія не получитъ, и отправивъ въ Константинополь прощальное посольство, выѣхалъ изъ Демотики верхомъ, съ двумя офицерами. Привыкнувъ къ нуждамъ всякаго рода, онъ

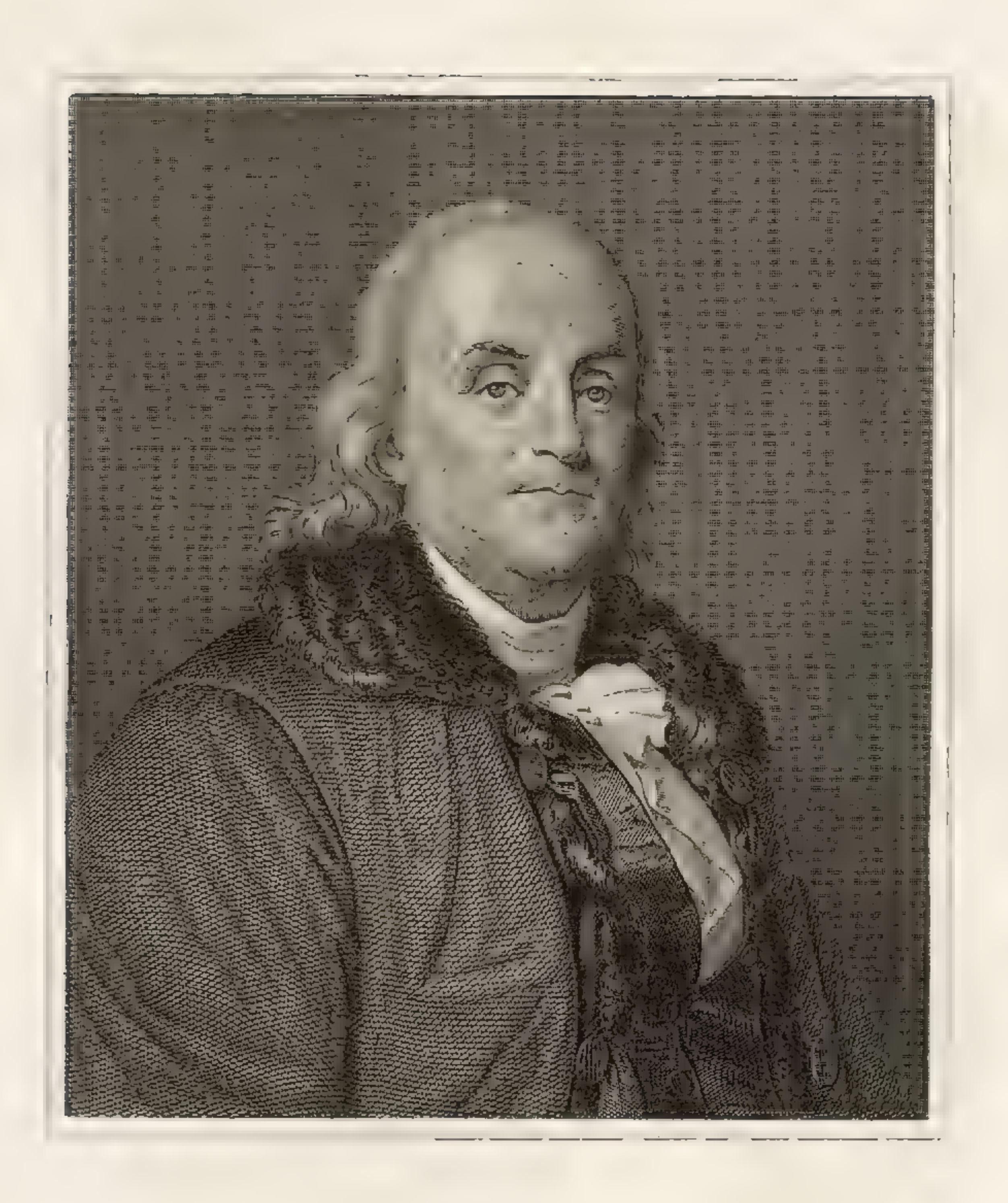
продолжалъ путешествіе верхомъ чрезъ Венгрію и Германію, денно и нощно безъ отдыха и съ такою поспѣшностію, что изъ двухъ спутниковъ его только одинъ могъ преодолѣть усталость и изнуреніе. $^{11}/_{22}$ Ноября 1714 года, въ первомъ часу по полуночи, прибылъ онъ въ Стральзундъ благополучно, но невыразимо утомленный и обезображенный.

Вѣсть о неожиданномъ прибытіи Карла мгновенно распространилась въ городѣ, и обрадованные жители въ ту же ночь освѣтили свои домы. Вскорѣ потомъ Датчане, Саксонцы, Прусаки и Россіяне осадили Стральзундъ. Во время осады, Карлъ совершилъ дивные подвиги неустрашимости; но когда, не взирая на всѣ его усилія, крѣпость должна была сдаться, 23 Декабря 1715, онъ отправился въ Лундъ, что въ Шоненѣ, и распорядился укрѣпленіями морскихъ береговъ. Потомъ сдѣлалъ онъ нападеніе на Норвегію. Тогда былъ довѣреннымъ его министромъ Баронъ Гёрцъ, мужъ, одаренный великими талантами, смѣлыми идеями, соотвѣтственными характеру Карла. Онъ совѣтовалъ ему пріобрѣсть дружбу Петра I уступкою значительной части Швеціи, овладѣть Норвегіею, и сдѣлать высадку въ Шотландіи, для изгнанія Георга I, изъявившаго непріязненное противъ него расположеніе. Гёрцъ изобрѣлъ и открылъ источники для продолженія войны, и вступилъ въ переговоры, въ Аландѣ, съ уполномоченными Петра I. Уже Петръ соглашался на предложенія; часть Норвегіи была завоевана, и счастіе, казалось, благопріятствовало предпріятіямъ Карла. Въ самое это время онъ осаждалъ Фридрихсгаллъ, а 30 Ноября 1718 года, пошелъ въ открытыя траншеи, гдѣ, прислонясь къ брустверу, смотрѣлъ на работы. Тутъ поразила его

пуля въ голову. Его нашли мертвымъ; онъ стоялъ на ногахъ, прислонившись къ брустверу, схватившись правою рукою за шпагу; въ карманѣ его находились портретъ Густава Адольфа и молитвенникъ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что пуля, поразившая его, была пущена не изъ крѣпости, а со стороны Шведской. Получивъ извѣстіе о смерти его, Петръ I воскликнулъ: «Ахъ, братъ Карлъ! какъ мнѣ тебя жаль!» Съ смертію Карла, Швеція лишилась политической своей значительности. Въ послѣдніе годы жизни, Карлъ помышлялъ весьма много о увеличеніи Шведскаго флота, промышлености и торговли. Въ Лундѣ онъ часто бесѣдовалъ съ тамошними профессорами, и присутствовалъ на диспутахъ о Геометріи, Механикѣ и Исторіи. Въ Бендерахъ онъ занимался, большею частію, чтеніемъ хорошихъ книгъ, выписалъ къ себѣ изъ Швеціи ученыхъ, и посылалъ имъ путешествовать по Греціи и Азіи. Нѣкоторые изъ этихъ путешествій напечатаны, а прочія, рукописныя, хранятся въ библіотекѣ Упсальскаго Университета. Неколебимая рѣшимость и настойчивость, неустрашимость и правота были главными чертами его характера, помраченнаго впрочемъ неодолимымъ упрямствомъ. Возвратившись изъ Турціи, онъ казался спокойнѣе, кротче, снисходительнѣе и доступнѣе благоразумнымъ совѣтамъ. Образъ жизни его былъ самой простой: онъ избѣгалъ разсѣянности, и не увлекался суетными забавами. Весь гардеробъ его состоялъ изъ одного синяго мундира, съ большими мѣдными пуговицами; онъ всегда носилъ большіе сапоги, выше колѣнъ, и рукавицы изъ буйволовой кожи. Въ лагерѣ ложился спать, подобно простому солдату, на голой землѣ, завернувшись въ плащъ. Безпристрастное потом-

ство, вспомнивъ о вѣкѣ, въ которомъ Карлъ жилъ, вѣрно скажетъ о немъ, что онъ украшался великими талантами и добродѣтелями, но что они помрачались большими недостатками; что онъ былъ надмененъ въ счастіи, и никогда не унижался въ несчастіи. Исторію его написалъ духовникъ его Норбергъ, а въ военномъ отношеніи, она описана Адлерфельдомъ. Вольтеръ тоже написалъ Исторію Карла XII; она можетъ служить образцемъ историческаго слога, но весьма недостаточна и исполнена ошибокъ.

ФРАНКЛИНЪ.

ФРАНКЛИНЪ.

ФРАНКЛИНЪ.

Веніаминъ Франклинъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ мужей своего вѣка, родился въ Бостонѣ, что въ Сѣверной Америкѣ, 17 Января 1706 года, отъ бѣдныхъ родителей, и въ юныхъ лѣтахъ своихъ помогалъ отцу дѣлать сальныя свѣчи и вываривать мыло. Въ свободные часы онъ безпрестанно читалъ книги отца своего, и такъ какъ ихъ было не много, то онъ почти вытвердилъ ихъ наизусть. На двѣнадцатомъ году возраста выучился онъ, у возвратившагося изъ Англіи брата своего, Іакова, книгопечатанію, но и тутъ, въ продолженіе цѣлыхъ ночей, занимался безпрерывно чтеніемъ. Напитавшись духомъ литературы, онъ началъ писать стихи, и двѣ первыя баллады его, изображавшія современныя ему событія, и вынесенныя имъ самимъ на рынокъ, такъ скоро были раскуплены, что успѣхъ, безъ сомнѣнія, побудилъ бы его заниматься сочиненіями этого рода, если бъ отецъ не напомнилъ ему, что всѣ стихотворцы люди самые бѣдные. Въ

1720 году, братъ его задумалъ издавать газету, въ которой помѣщались и занимательныя статьи; Франклинъ написалъ одну такую статью чужимъ почеркомъ, и положивъ ее украдкой на порогъ двери, ведшей въ типографію, имѣлъ удовольствіе видѣть, что ее подняли и потомъ напечатали въ газетѣ. Она понравилась публикѣ, и онъ не оставилъ продолжать анонимные подарки свои, которые всѣ обращали на себя вниманіе читателей. Наконецъ объявилъ онъ себя сочинителемъ этихъ забавныхъ статей; но несогласія, возникшія между нимъ и братомъ его, типографщикомъ, побудили его выѣхать изъ Бостона. Прибывъ въ Филадельфію, онъ вскорѣ нашелъ работу, пріобрѣлъ весьма полезныя для себя знакомства, и продолжалъ заниматься науками. Губернаторъ области, Вилліамъ Кейтъ, разгадавшій способности Франклина изъ письма, отъ него полученнаго, совѣтовалъ ему учредить въ Филадельфіи собственную типографію, и ссудилъ его стами фунтами стерлинговъ, для покупки въ Лондонѣ всѣхъ предметовъ, для устройства ея необходимыхъ. Франклинъ воспользовался этимъ пріятнымъ для него предложеніемъ, и сосватавшись на Миссъ Ридъ, дочери хозяина, у котораго онъ жилъ, отправился въ Англію, предался въ ней разгульной жизни, и возвратился наконецъ въ Америку. Въ продолженіе пути познакомился онъ съ купцомъ Денгемомъ, и опредѣлился къ нему бухгалтеромъ; но Денгемъ вскорѣ потомъ скончался, и Франклинъ нашелся вынужденнымъ вновь прибѣгнуть къ типографическимъ занятіямъ. Съ помощію нѣсколькихъ друзей, онъ успѣлъ учредить собственную типографію, и появился на поприщѣ словесности политическимъ писателемъ. Сочиненія его удостоились всеобщей похвалы.

Между тѣмъ, Мисс Ридъ, полагавшая, что Франклинъ, въ продолженіе пребыванія своего въ Англіи, забылъ ее, вышла замужъ за другаго; но выборъ ея былъ несчастливъ. Франклинъ, узнавъ о горестномъ ея положеніи, поспѣшилъ исправить вину свою предъ нею, объяснился, и послѣ послѣдовавшаго за тѣмъ развода ея съ мужемъ, женился на ней въ 1730 году. Дѣла его, увеличившіяся еще и торгомъ писчею бумагою, шли успѣшно, а почтеніе къ нему публики со дня на день увеличивалось. Въ Пенсилванской газетѣ и въ ежегодномъ его альманахѣ, она убѣждалась въ основательныхъ и свѣтлыхъ взглядахъ его на политическія отношенія. Въ 1743 году, предложили ему сочинить подробный проектъ для учрежденія Американскаго философическаго общества. Въ то же время началъ онъ заниматься и электричествомъ, и неутомимые его труды увѣнчались счастливѣйшими результатами. Оксфордскій Университетъ прислалъ ему, въ 1762 году, дипломъ на званіе доктора правъ. Когда же Американскіе патріоты и приверженцы Англійскаго министерства раздѣлились на двѣ противоположныя партіи, онѣ обѣ старались имѣть на своей сторонѣ голосъ Франклина, потому что мнѣніе человѣка, имѣвшаго столь сильное вліяніе на умы гражданъ, казалось имъ дѣломъ важнѣйшимъ. Между тѣмъ, Франклинъ еще разъ побывалъ въ Лондонѣ, возвратился опять въ Америку, и тутъ правительство предложило ему должность генеральнаго почтмейстера всѣхъ Англо-Американскихъ Колоній; онъ принялъ ее, но весьма значительные доходы, нераздѣльные съ нею, не могли поколебать вѣрности и любви его къ отечеству. Когда же возраставшія въ колоніяхъ волненія побудили Нижнюю Палату, въ Лондонѣ, при-

звать къ себѣ на судъ всѣхъ агентовъ и чиновниковъ изъ Америки, для изслѣдованія возникшихъ жалобъ на правительство, Франклинъ, подобно другимъ вытребованнымъ чиновникамъ, предсталъ предъ Палату, объяснилъ положеніе дѣлъ съ такою откровенностію, что письма его въ Америку возбудили всеобщій восторгъ. Палата отрѣшила его отъ должности, и онъ, опасаясь быть арестованнымъ, возвратился, въ 1775 году, въ Филадельфію, въ самое то время, когда собрался тамъ Конгресъ. Начиная съ этой эпохи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ пріобрѣтеніи Америкою независимости, и отправился, въ 1776 году, въ Парижъ, гдѣ онъ вошелъ въ секретные переговоры. Когда же Лудовикъ XVI призналъ, въ 1778 году, независимость Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, почтенный и посѣдѣвшій Франклинъ явился при блестящемъ и роскошномъ Дворѣ въ Версали со всею скромною простотою своею, уполномоченнымъ министромъ своего отечества, и сдѣлался предметомъ всеобщаго уваженія. Января 20 дня 1783 года, подписалъ онъ, въ Парижѣ, вмѣстѣ съ Англійскими коммисарами, прелиминарные пункты мирнаго договора о независимости отечества своего, и возвратился потомъ въ Филадельфію, гдѣ всѣ граждане безъ исключенія изъявили ему высокопочитаніе и признательность свою. Имѣя отъ роду уже семьдесятъ восемь лѣтъ, онъ все еще занималъ должность предсѣдателя въ Пенсилванскомъ Конгресѣ, и скончался 17 Апрѣля 1790 года, посвятивъ даже послѣднюю минуту своего существованія народному благоденствію, не переставая пещись объ учрежденіи благотворительныхъ заведеній. Физика обязана ему изобрѣтеніемъ громовыхъ отводовъ (1750) и электрическимъ

змѣемъ, а не менѣе того, объясненіемъ существа сѣвернаго сіянія. Сверхъ того, изобрѣлъ онъ экономическую печь, и усовершенствовалъ устройство гармоники. Съ спокойною ясностію прозиралъ глубокомысленный духъ его всѣ отношенія жизни, какъ въ общности ея, такъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ, и никогда не уклонялся отъ стези правоты и справедливости, а благородное сердце его безпрерывно занималось благоденствіемъ всего человѣческаго рода. Не увлекаясь безплодными изысканіями, онъ составилъ для себя систему мудрости, которая всегда поведетъ послѣдователей къ благотворнѣйшей цѣли. Никто не превосходилъ, и не превзошелъ его и нынѣ, въ искусствѣ излагать и развивать ученіе нравственности, и примѣнять ее къ обязанностямъ дружбы и общей любви, къ употребленію съ пользою времени, къ счастію, проистекающему отъ благотворительности, къ необходимости сліянія собственнаго благоденствія съ общественнымъ, къ плодамъ трудолюбія и къ сладкимъ удовольствіямъ, проистекающимъ отъ общественныхъ добродѣтелей. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего превосходнѣе его книгъ: *Пословицы старика Генриха*, и *Мудрость добраго Ричарда* (Филадельфія 1759). Обѣ эти книги являются образцемъ книгъ народныхъ. Когда Французская Академія приняла его въ число членовъ своихъ, д'Аламбертъ привѣтствовалъ его слѣдующимъ прекраснымъ гекзаметромъ: Eripuit coelo fulmen, sceptrumque tyrannis (У неба отнялъ онъ молнію, а скипетръ у тирановъ).

Когда извѣстіе о смерти Франклина получено было въ Парижѣ, національное собраніе, по предложенію Мирабо, наложило трехдневный трауръ во всей Франціи. Для надгробнаго своего камня, онъ самъ сочинилъ

слѣдующую надпись: «Здѣсь лежитъ трупъ Веніамина Франклина, типографщика (подобно оберткѣ старой книги, изъ которой выпуто содержаніе и снята надпись и позолота), на съѣденіе червей; но текстъ творенія не пропадетъ: онъ нѣкогда вновь появится въ лучшемъ изданіи, разсмотрѣнномъ и исправленномъ самимъ Творцемъ.» — Собраніе всѣхъ сочиненій его вышло въ Лондонѣ (3 части, 1806), точно такъ и The private correspondence of B. Franclin (1817, 4), и Memoires of the life and writings of B. Franclin (3 части, 1818 — 1819, 4). На Нѣмецкомъ языкѣ переводъ Бюргера (4 части, Киль 1819).

ФРИДРИХЪ II.

ФРИДРИХЪ II.

ФРИДРИХЪ II (*).

Знаменитѣйшій Государь XVIII столѣтія, Прусскій Король Фридрихъ II (сынъ Короля Фридриха Вильгельма I и Ганноверской Принцессы Софіи Доротеи), родился 24 Января 1712 года, и царствовалъ съ 1740 по 1786 годъ. Первые годы юности провелъ онъ подъ несносымъ игомъ строгаго воспитанія, имѣвшаго цѣлію одно развитіе тѣлесныхъ силъ и военную экзерцицію. Наставникомъ его былъ Генералъ Графъ фонъ-Финкенштейнъ, а унтергофмейстеромъ Маіоръ фонъ-Калькштейнъ. Не взирая на то, что по волѣ вѣнценоснаго родителя, какъ уже выше сего сказано, онъ воспитывался преимущественно для одной фрунтовой службы, въ даровитомъ юношѣ вскорѣ развилась наклонность

(*) Къ біографіи Фридриха Великаго мы предпочли приложить, не тотъ всѣмъ извѣстный портретъ, который представляетъ его въ преклонности лѣтъ, но изображеніе, снятое съ натуры въ то время, когда Фридрихъ II, при восшествіи на престолъ, находился въ цвѣтѣ лѣтъ и имѣлъ всю прелесть мужеской красоты.

къ стихотворству и къ музыкѣ. Въ послѣдствіе времени онъ находился подъ неусыпнымъ надзоромъ своей няньки, остроумной Г-жи де-Рукуль (Roucoulle), и первоначальнаго учителя, Француза же, Дюгана (Duhan), которые, вмѣстѣ съ Королевою, составляли тайную оппозицію противъ системы воспитанія, избранной Королемъ. Юный Принцъ сердцемъ и душею преданъ былъ доброй и нѣжной матери своей, и эта предпочтительная любовь къ ней была первою причиною постепеннаго охлажденія къ нему родителя, которое наконецъ достигло до того, что Король уже намѣревался передать право наслѣдства младшему своему сыну, Августу Вильгельму. Министръ фонъ-Грумбковъ (Grumbkow), Леопольдъ Князь Ангальтъ-Дессаускій и Австрійскій Посланникъ фонъ-Секендорфъ питали въ отцѣ враждебное къ его сыну расположеніе. Чувствуя рѣшительную невозможность перенести долѣе угнетеніе и ненависть родителя, Фридрихъ рѣшился бѣжать къ дядѣ своему, Англійскому Королю Георгію II, брату матери своей. Одна сестра его, Принцесса Фридерика, и его друзья, Поручикъ фонъ-Каттъ и фонъ-Кейтъ, знали о тайномъ этомъ замыслѣ, который и совершился было въ Везелѣ, гдѣ Фридрихъ находился тогда съ Королемъ. Но одно неосторожное слово, произнесенное Каттомъ, открыло тайну. Принца догнали, привезли въ Кистринъ, предали суду, и заставили быть свидѣтелемъ казни друга его, Катта, который былъ обезглавленъ предъ окнами острога, въ которомъ Принцъ содержался. Другой наперсникъ его, Кейтъ, былъ счастливѣе: ему удалось скрыться изъ Везеля, и онъ, въ продолженіе всего царствованія Короля, проживалъ въ Голландіи, Англіи и Португаліи, а по восшествіи на престолъ

Фридриха II, воротился, въ 1741 году, въ Берлинъ, гдѣ, бывъ пожалованъ въ подполковники, возведенъ въ званіе шталмейстера и куратора Берлинской Академіи Наукъ. Когда Фридрихъ находился подъ судомъ и въ тѣсномъ заключеніи въ Кистринѣ, ему, по волѣ Короля, объявлено было, при одномъ допросѣ, что если онъ откажется отъ права наслѣдства, то Король прекратитъ слѣдствіе, освободитъ его отъ заключенія, и дозволитъ ему посѣщать университеты и путешествовать. «Соглашаюсь на предложеніе, отвѣчалъ Принцъ судьямъ своимъ, если Король торжественно объявитъ, что я незаконный и не родной сынъ его.» По полученіи такого отвѣта, Король отрекся навсегда отъ намѣренія лишить Фридриха наслѣдства, потому что супружескую вѣрность почиталъ онъ священнѣйшею обязанностію. Впрочемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Король былъ намѣренъ приговорить сына своего къ лишенію жизни. Пробсту Рейнбеку и Австрійскому Посланнику Секкендорфу, который сначала былъ противникомъ Принца, удалось наконецъ спасти его: первый подѣйствовалъ на отца назидательными увѣщеваніями, а послѣдній употребилъ мощное ходатайство со стороны Императорскаго Двора. Принцъ, освободясь наконецъ отъ суда и заключенія изъ Кистринской Крѣпости, былъ опредѣленъ, по волѣ Короля, младшимъ совѣтникомъ палаты государственныхъ имуществъ, и не прежде получилъ дозволеніе явиться при Дворѣ, какъ при бракосочетаніи Принцессы Фридерики съ Байрейтскимъ Наслѣднымъ Принцемъ Фридрихомъ. Въ 1733 году, родитель принудилъ его сочетаться бракомъ съ Принцессою Елисаветою Христиною, дочерью Фердинанда Албрехта, Герцога Брауншвейгъ-Беверискаго. Король

пожаловалъ ей замокъ Шенгаузенъ, а Принцу, въ 1734 году, Графство Рупинское и городъ Рейнсбергъ, въ которомъ и проживалъ онъ по самое восшествіе свое на престолъ, посвящая себя наукамъ. Къ числу окружавшихъ его здѣсь особъ принадлежали: Билефельдъ, Шазо (Chazot), Сумъ, Фуке́, Кнобельсдорфъ, Кейзерлингъ, Жорданъ и разные другіе ученые, а также и композиторы Граунъ и Бенда, и живописецъ Пенъ (Pesne). Съ учеными иностранцами, и особенно съ возлюбленнымъ своимъ Вольтеромъ, онъ безпрестанно переписывался. Въ городѣ Рейнсбергѣ, тихомъ и скромномъ убѣжищѣ своемъ, онъ написалъ нѣсколько твореній, и именно своего Антимакіавеля: Anti-Machiavel, ou Essai critique sur le Prince de Machiavel (Гага 1740). Кончина, постигшая Короля 31 Мая 1740 года, возвела его на родительскій престолъ. Тогда число подданныхъ простиралось въ Пруссіи только до 2,240,000 человѣкъ, а объемъ королевства составлялъ только 2,190 квадратныхъ миль; когда же онъ кончилъ знаменитую жизнь свою, пространство королевства составляло 3,515 квадратныхъ миль, а народонаселеніе до 6,000,000. На эту степень могущества возвелъ онъ Пруссію въ продолженіе царствованія своего собственными своими великими дарованіями, при содѣйствіи знаменитыхъ вождей и столь же знаменитыхъ государственныхъ сановниковъ. Уже покойный родитель его, ожидая открытія войны за Юлихское наслѣдство, содержалъ въ безпрестанной готовности армію, состоявшую изъ 70,000 человѣкъ. Фридрихъ, подававшій о себѣ съ самаго начала большія надежды, сохранилъ бо́льшею частію учрежденія и правительственную систему отца, развилъ особенно послѣднюю и оживотворилъ ее новою силою.

Онъ воспользовался послѣдовавшею кончиною Императора Карла VI для возобновленія притязаній Дома Бранденбургскаго на ленное владѣніе Силезскими княжествами: Эгерндорфъ, Лигницъ, Бригъ и Волау, которыхъ не могли получить предки его, и требовалъ вмѣсто ихъ отъ Королевы Маріи Терезіи одни герцогства Глогауское и Саганское, обѣщая ей за то помощь противъ всѣхъ враговъ ея, голосъ свой на избраніе ея супруга въ Императоры, и сверхъ того, два милліона талеровъ. Марія Терезія отвергла его требованіе, и онъ, въ Декабрѣ 1740 года, занялъ войсками своими всю Нижнюю Силезію, а 10 Апрѣля 1741, разбилъ Австрійцевъ при Нейпергѣ, близъ Мольвица. Эта побѣда, рѣшившая почти всю судьбу Силезіи, возбудила противъ Австріи многихъ непріятелей: Франція и Баварія соединились съ Пруссіею, и за Австрійское наслѣдство возгорѣлась война. Единственный союзникъ Маріи Терезіи, Королевы Венгерской и Богемской, Англійскій Король Георгій II, совѣтовалъ ей помириться съ Пруссіею, потому что Фридрихъ явился опаснѣйшимъ ея врагомъ. Она сначала не послѣдовала этому совѣту, но когда Фридрихъ одержалъ вновь побѣду, 17 Мая 1742 года, въ сраженіи при Хотузицѣ (Часловѣ), миръ, заключенный 28 Іюля 1742 года, въ Берлинѣ, кончилъ первую войну за Силезію. Въ силу этого мирнаго трактата, Фридрихъ получилъ, съ правомъ самодержавія, Верхнюю и Нижнюю Силезію съ Графствомъ Глацскимъ, за исключеніемъ, однако же, Троппау, Эгерндорфа и Тешена. За то отказался онъ, въ свою очередь, отъ всѣхъ правъ своихъ на прочія Австрійскія владѣнія, принялъ на себя долгъ, состоявшій на Силезіи и простиравшійся до 1,700,000 талеровъ, и обѣщался

защищать права католиковъ, живущихъ въ Силезіи. Саксонія присоединилась къ этому мирному трактату, а Данія и Англія поручились за его исполненіе. Фридрихъ немедленно воспользовался миромъ, для приведенія въ устройство пріобрѣтенныхъ владѣній и усовершенствованія арміи, уже и безъ того грозной и опасной. Въ 1743 году, умеръ послѣдній Графъ Восточной Фрисландіи, и Фридрихъ тотчасъ занялъ его владѣнія, по выморочному праву, предоставленному его Дому Императоромъ, въ 1644 году. Когда же, при продолженіи войны за Австрійское наслѣдство, Императоръ Карлъ VII долженъ былъ оставить наслѣдственныя свои Баварскія владѣнія, и Австрійскія войска повсюду одерживали побѣды, въ Фридрихѣ возродилось опасеніе на счетъ удержанія за собою Силезіи, а потому и заключилъ онъ тайные союзные трактаты съ Франціею и Императоромъ, въ Апрѣлѣ 1744 года, а съ Курфирстами Пфальцскимъ и Гессенъ-Кассельскимъ въ Маѣ того жъ года, во Франкфуртѣ. Въ нихъ онъ, съ одной стороны, обязался помочь Императору вторженіемъ въ Богемію, а съ другой, требовалъ для себя Кенигсгрецкій Округъ Богемскаго Королевства. Исполняя принятую на себя обязанность, онъ внезапно вторгнулся, 10 Апрѣля 1744, въ Богемію, и овладѣлъ Прагою; но вскорѣ былъ вытѣсненъ изъ Богеміи Австрійцами, состоявшими подъ начальствомъ Принца Карла Лотарингскаго и союзниками ихъ, Саксонцами. Смерть Императора, послѣдовавшая 18 Января 1745 года, и пораженіе Баварцевъ при Пфаффенгофенѣ, имѣли слѣдствіемъ то, что юный Баварскій Курфирстъ Максимиліанъ Іосифъ примирился съ Маріею Терезіею Фюссенскимъ трактатомъ, и что Франкфуртскій союзъ пре-

кратился. Курфирстъ Гессенъ-Кассельскій объявилъ себя нейтральнымъ. Между тѣмъ, Австрія, Англія, Нидерланды и Саксонія, 8 Января 1745 года, соединились тѣснѣйшимъ союзомъ, а Саксонія особымъ, подписаннымъ 18 Мая 1745, съ Австріею, противу Пруссіи. Но Фридрихъ, одержавъ, 4 Іюня 1745 года, побѣду надъ Австрійцами и Саксонцами при Гогенфридбергѣ (Штригау, что въ Силезіи), вошелъ въ Богемію, и въ жестокомъ сраженіи при Соррѣ разбилъ ихъ вторично, 30 Сентября 1745 года. Побѣда, одержанная Прусаками, подъ предводительствомъ Князя Леопольда Дессаускаго, надъ Саксонцами при Кессельсдорфѣ, 15 Декабря 1745, заставила враговъ ихъ заключить въ Дрезденѣ 25 Декабря миръ, на основаніи прежняго Берлинскаго трактата. Фридрихъ остался владѣтелемъ Силезіи, призналъ Франца I, супруга Маріи Терезіи, Императоромъ, а Саксонія обѣщала заплатить Пруссіи милліонъ талеровъ. Этимъ мирнымъ трактатомъ кончилась вторая война за Силезію. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ мирныхъ лѣтъ, Фридрихъ посвятилъ себя внутреннему правленію, усовершенствованію арміи во всѣхъ отношеніяхъ, наукамъ и стихотворству. Сверхъ прочихъ сочиненій, онъ написалъ записки о Брандербургской Исторіи: Mémoires pour servir à l'histoire du Brandebourg (2 части, Берлинъ 1751), поэму L'art de la guerre, и разныя другія сочиненія, въ прозѣ и стихахъ; старался привести въ цвѣтущее состояніе земледѣліе, художества, фабрики и мануфактуры, оживить торговлю, увеличить государственные доходы, усовершенствовать дисциплину въ арміи, состоявшей уже изъ 160,000 человѣкъ, и всѣми этими усиліями возвести государство на высшую степень могущества и благо-

устройства. Тайныя свѣдѣнія о союзѣ, заключенномъ Австріею, Россіею и Саксоніею, сообщенныя ему предателемъ, Саксонскимъ канцеляристомъ Менцелемъ, заставили его опасаться нападенія, и потери Силезіи. Вторженіемъ въ Саксонію, 24 Августа 1756, началомъ третьей войны за Силезію, или Семилѣтней, онъ предупредилъ непріятелей. Миръ. заключенный 15 Февраля 1763 года, въ Губертсбургѣ, на основаніи трактатовъ Бреславскаго 1742 и Дрезденскаго 1745 годовъ, безъ участія въ немъ другихъ державъ, прекратилъ эту кровопролитную и разорительную войну, и все кончилось тѣмъ, что каждая воевавшая сторона осталась при томъ, чѣмъ владѣла при началѣ войны. Въ семилѣтней борьбѣ, Фридрихъ стяжалъ новую славу, которая упрочила для него, на будущее время, рѣшительное вліяніе на политическія дѣла Европы. Все вниманіе его было посвящено вспоможенію подданнымъ, изнуреннымъ продолжительною войною. Онъ открылъ имъ всѣ хлѣбные магазины свои, для отклоненія недостатка въ продовольствіи и для засѣянія разоренныхъ полей; снабдилъ поселянъ рабочими лошадьми; велѣлъ построить и возобновить на собственное иждивеніе ихъ домы, разоренные или сожженные при военныхъ дѣйствіяхъ; основалъ колоніи; учредилъ фабрики и мануфактурныя заведенія, и открылъ водяныя сообщенія посредствомъ огромныхъ каналовъ. Отъ платежа казенныхъ податей освободилъ онъ Силезію на шесть мѣсяцевъ, а Новую Мархію и Померанію на два года. Для дворянства въ Силезіи, Помераніи и Мархіяхъ, учредилъ онъ кредитныя системы, посредствомъ которыхъ цѣнность имѣній увеличилась, а проценты за денежныя суммы уменьшились. Въ 1764 году, учрежденъ имъ Берлинскій

Банкъ, для основанія котораго пожаловалъ онъ восемь милліоновъ талеровъ. Въ 1776 году, ввелъ онъ въ королевствѣ акцизную систему по Французскому образцу; но это учрежденіе подверглось большому порицанію со стороны публики. Новое Уложеніе, имъ предначертанное, состоялось, однако же, не прежде, какъ въ царствованіе преемника его. Съ Россіею заключилъ онъ, 31 Марта 1764 года, союзный трактатъ, въ силу котораго поддержалъ онъ избраніе новаго Польскаго Короля Станислава Понятовскаго, и дѣла, притѣсняемыхъ въ Польшѣ, диссидентовъ. Для соединенія Пруссіи съ Помераніею и Мархіею, и вообще для округленія границъ королевства, Фридрихъ согласился на первое раздѣленіе Польши, опредѣленное въ С. Петербургѣ, 5 Августа 1772 года. По этому условію, получилъ онъ, на свою долю, всю Польскую Пруссію, предоставленную въ 1466 году Польшѣ Нѣмецкимъ Орденомъ, и сверхъ того часть Великой Польши, по самую рѣку Нецу, за исключеніемъ, однако же, Данцига и Торна. Съ этого времени Прусское Королевство раздѣлилось на Восточную и Западную Пруссію. Въ Грауденцѣ Фридрихъ заложилъ крѣпость, а въ Маріенвердерѣ учредилъ палаты военную и государственныхъ имуществъ. Слѣдя орлинымъ взоромъ за намѣреніями и видами дѣятельнаго Императора Іосифа II, посѣтившаго его, въ 1769 году, въ Силезіи, и котораго онъ самъ посѣтилъ въ Моравіи, въ 1770, Фридрихъ протестовалъ, въ 1778 году, противъ Австрійцевъ, занявшихъ большую часть Баваріи, по смерти Баварскаго Курфирста Максимиліана Іосифа, умершаго бездѣтнымъ; и требовалъ, чтобы Баварія была отдана, по праву наслѣдства, ближайшему его наслѣднику, Карлу Теодору, Курфирсту Пфальц-

скому. Хотя сей последній и соглашался на уступку этого владѣнія, однако же наслѣдникъ Пфальцъ Баварскій, Герцогъ Цвейбрюккенскій (бывшій въ послѣдствіи Баварскимъ Королемъ, Максимиліанъ I), протестовалъ противъ такой уступки, въ полномъ упованіи на защиту Фридриха, да и Курфирстъ Саксонскій имѣлъ полное право на полученіе въ наслѣдство Баварскихъ аллодіяльныхъ имѣній. И такъ какъ Австрія не соглашалась отказаться отъ своихъ видовъ, то Саксонія соединилась съ Пруссіею, и Фридрихъ вступилъ, въ Іюлѣ 1778 года, съ двумя арміями въ Богемію. Императоръ Іосифъ II стоялъ тогда лагеремъ за Эльбою при Яромирѣ, и, окопавшись въ немъ, избѣгалъ сраженія. Постарѣвшая Марія Терезія, мать Императора, желала мира; но переговоры о немъ, веденные въ монастырѣ Браунау, прекратились, въ Августѣ 1778 года. Послѣ сего, непріятельскія арміи дѣлали разныя эволюціи, которыя, однако же, не имѣли никакихъ послѣдствій. Но тутъ Императрица Екатерина II объявила, что она поможетъ Пруссіи арміею, состоящею изъ 60,000 человѣкъ, и война о Баварскомъ наслѣдствѣ тотчасъ прекратилась, безъ всякаго сраженія, миромъ, заключеннымъ, 13 Мая 1779, въ Тешенѣ. При самомъ открытіи переговоровъ, Фридрихъ объявилъ, что онъ для себя, въ вознагражденіе военныхъ расходовъ, ничего не требуетъ. Австрія согласилась только на присоединеніе къ Пруссіи Франконскихъ княжествъ, и освободила ихъ отъ ленной зависимости, въ которой они до тѣхъ поръ находились у Богеміи. Въ 1780 году, прекратился Домъ Мансфельдскій, и та часть Мансфельдскаго Графства, которая находилась подъ верховною Магдебургскою властію, досталась Фридриху. 23 Іюля

1785 года, Фридрихъ заключилъ съ Саксоніей и Ганноверомъ союзъ Нѣмецкихъ князей (Deutscher Fürstenbund). Неисцѣлимая водяная болѣзнь прекратила жизнь великаго Короля: онъ скончался въ Сансуси, 17 Августа 1786 года, и оставилъ королевство племяннику своему, Фридриху Вильгельму, умноживъ владѣнія свои 1,325 квадратными милями противъ прежняго; кромѣ того, оставилъ онъ наслѣднику своему 70,000,000 талеровъ, большое довѣріе у всѣхъ Европейскихъ властей, и мощное государство, поставленное на высокую степень значительности народонаселеніемъ, промышленостію и образованностію. Дѣятельная жизнь Фридриха, исполненная знаменитыхъ подвиговъ, внушала современникамъ его такое къ нему почтеніе, что они назвали его не только *великимъ*, но даже *единственнымъ*. Очищенный въ правилахъ своихъ горьчайшими испытаніями, еще до восшествія на престолъ, подкрѣпляемый примѣромъ родителя, и руководимый рѣдкимъ умомъ, развившимся въ немъ въ продолженіе уединенной жизни въ Рейнсбергѣ, Фридрихъ твердою рукою управлялъ кормиломъ королевства, и потрясъ всю систему Европейскихъ государствъ, обнажая мечъ для защиты правъ своихъ и дома своего отъ угнетенія Австрійскаго скипетра, и учредивъ *Союзъ Нѣмецкихъ князей*. Къ величайшимъ же заслугамъ его принадлежитъ то, что онъ, даже при затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, не только никогда не дѣлалъ государственныхъ долговъ, но умѣлъ еще, при безпрестанной готовности оживить народную промышленость значительными вспоможеніями и ссудами, накопить въ казнѣ такой огромный капиталъ звонкою монетою, какого ни одинъ монархъ не имѣлъ въ наличности. Его порицаютъ въ пренебреженіи къ

уставамъ Духовенства, а современники винили его даже въ пренебреженіи самой Религіи; но это несправедливо, ибо сердце и духъ Фридриха всегда были доступны вѣрованію въ высшее существо и истинному благочестію, и эта истина доказывается самою жизнію и сочиненіями его. Правда, что въ продолженіе его царствованія многіе находили удовольствіе отличаться вольнодумствомъ; но это заблужденіе человѣческаго ума, порожденное тогдашнимъ временемъ, не столько было вредно, какъ фанатисмъ, проявлявшійся въ правленіе его преемника. Вольнодумство, въ которомъ винятъ Фридриха, было не что иное, какъ духовное превосходство его надъ современнымъ ему просвѣщеніемъ. Не зная вовсе Нѣмецкаго духовнаго образованія, онъ пренебрегалъ имъ, и самъ ни чѣмъ не способствовалъ къ развитію его; но и въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что когда Фридрихъ усвоилъ себѣ Французское образованіе, Нѣмецкая литература находилась еще на чрезвычайно низкой степени. Духъ его не могъ находить пищи въ безобразныхъ формахъ Нѣмецкихъ наукъ; когда же онѣ оживились и приняли изящную форму, то Король, озабоченный безчисленными государственными дѣлами, и привыкшій къ бесѣдѣ и къ литературѣ, имъ однажды навсегда избранной, не могъ уже свыкнуться съ Нѣмецкою словесностію. Самодержавное правленіе Фридриха неблагопріятствовало гражданской администраціи, которая мало по малу сдѣлалась при немъ простою машиною. Полагая, что одинъ можетъ все сдѣлать, онъ не имѣлъ при себѣ государственнаго совѣта. Государственную силу, находящуюся въ народѣ и въ администраціи, онъ полагалъ въ одной арміи и въ одной казнѣ; а потому грань,

раздѣляющая военную часть отъ гражданской, нигдѣ не была столь ощутительна, какъ въ Пруссіи, а неколебимость этой грани не могла послужить въ пользу силы и крѣпости политическаго государственнаго зданія. Говорятъ, что Фридрихъ не покровительствовалъ Нѣмецкой учености и Нѣмецкимъ художествамъ; объ этомъ можно сказать, что онъ, по своему благоразумію, предоставилъ судьбу ихъ самимъ имъ и народу. Быть можетъ, онъ былъ убѣжденъ, что лучшее средство къ развитію литературы состоитъ въ ненарушеніи свободнаго хода ея, и въ одномъ оказаніи ей законной защиты. И такъ какъ Фридрихъ не зналъ ни духа народнаго языка, ни народной словесности, то кажется, и заслуживаетъ онъ большую похвалу за то, что, бывъ самодержавнымъ Королемъ, не хотѣлъ быть въ области ихъ ни дѣйствующимъ лицемъ, ни судьею. Чѣмъ болѣе былъ онъ чуждъ народному языку и народной образованности, тѣмъ болѣе удивительно, что онъ умѣлъ пріобрѣсти безусловнѣйшую любовь народа. Онъ зналъ бытъ и нужды его, былъ доступенъ всѣмъ и каждому, жилъ между народомъ, и, въ полномъ смыслѣ слова, былъ истинно мужъ народный. Каждый Прусакъ хвалился своимъ Королемъ, разговаривалъ съ нимъ откровенно, и могъ во всякое время лично изъяснять ему свои нужды, какъ изъясняетъ ихъ добрый сынъ радушному отцу своему, ибо нигдѣ не представлялись ему преграды, отдѣлявшія отца отъ сыновъ отечества. Какіе бы Фридрихъ ни имѣлъ недостатки, всѣ они затмѣваются тою высокою добродѣтелью, по которой онъ самъ себя считалъ первымъ слугою государства; великая цѣль его жизни была: мыслить, жить и умереть какъ прилично Королю. Оставленныя имъ по смерти

творенія, въ прозѣ, относятся преимущественно къ исторіи, политическимъ и военнымъ наукамъ, философіи и литературѣ вообще. Всѣ его сочиненія содержатся въ слѣдующихъ собраніяхъ: Oeuvres publiées du vivant de l'auteur (4 части, Берлинъ 1789); Oeuvres posthumes de Frédéric (15 частей, Берлинъ 1788, и 2 части Прибавленій, 1789); онѣ изданы исправнѣе въ Oeuvres complètes (20 частей, въ Гамбургѣ и Лейпцигѣ 1790, и 24 частяхъ въ Потсдамѣ 1805); Oeuvres historiques de Frédéric le Grand (4 части, Лейпцигъ 1830), содержатъ: Mémoires pour servir à l'histoire de Brandenbourg, l'Histoire de mon temps, l'Histoire de la guerre de sept ans, Les mémoires depuis la paix de Hubertsbourg 1763, jusqu'à la fin du partage de la Pologne, Les mémoires de la guerre de 1778, и разныя другія записки. Смотри: Dohm's Denkwürdigkeiten meiner Zeit (5 частей, Лемго 1814—1819); Kolb, das Leben Friedrich des Einzigen (4 части, Шпейеръ и Лейпцигъ 1828); Histoire de Frédéric le Grand (2 части, 1830), твореніе Паженеля; Доверова Life of Friedrich the second (Лондонъ 1832, второе изданіе 1833), переведено на Французскій языкъ Энотомъ (3 части, Парижъ 1832), и Friedrich der Große, Прейса (3 части, Берлинъ 1833). Характеристическими чертами Фридриха II, богаты: Souvenirs par Thiébault (четвертое изданіе, 5 частей, 1824). Сіе твореніе вышло и на Нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ: Friedrich der Große, seine Familie, seine Freunde und sein Hof (2 части, Лейпцигъ 1828). Послѣ краткаго описанія политическихъ дѣяній великаго Короля, читателямъ нашимъ пріятно будетъ также узнать нѣсколько домашнюю его жизнь. Въ ней сохранилъ онъ

до послѣдней минуты бытія своего тотъ же порядокъ, который онъ предначерталъ себѣ при самомъ восшествіи на престолъ. Та же отчетливость въ дѣлахъ, то же постоянство въ совѣстномъ исполненіи обязанностей и та же скорость во всѣхъ движеніяхъ, которымъ удивлялись въ немъ, когда онъ былъ юношей, отличали его и въ старости. Подобно Веспассіану, онъ часто повторялъ, что должно умирать стоя, и сохранилъ дѣятельность свою; даже въ послѣднюю минуту жизни своей, онъ самъ читалъ депеши, изъ Вѣны полученныя. Не взирая на то, что ослабѣвшія отъ старости тѣлесныя силы требовали бо́льшаго сна и покоя противъ прежняго, дѣятельный Монархъ, и въ глубокой старости, посвящалъ ранніе часы каждаго утра опредѣленнымъ своимъ занятіямъ; погода и усталость не могли побудить его къ измѣненію принятаго имъ однажды порядка въ путешествіяхъ, для смотра войскъ. Доказательствомъ сему можетъ послужить смотръ войскамъ, произведенный имъ 24 Августа 1785 года, при Бреславлѣ. Въ то время онъ уже былъ очень боленъ, но и самое болѣзненное его состояніе не могло его побудить отсрочить смотръ собранныхъ войскъ до другаго года, а прибывъ въ Бреславль, онъ опять не могъ рѣшиться, по причинѣ ненастной погоды, отложить его до другаго дня, и совершилъ его во время проливнаго дождя, такъ что самъ промокъ до послѣдней нитки. Въ одеждѣ и прислугѣ своей онъ безпрестанно соблюдалъ величайшую простоту. При особѣ его находилось только нѣсколько служителей; въ загородномъ дворцѣ Сансуси, въ которомъ онъ жилъ, если не находился въ походахъ, днемъ не было ни какого караула, и только ночью наряжался караулъ изъ шести солдатъ.

Куда бы онъ ни выѣзжалъ верхомъ, за нимъ всегда слѣдовалъ одинъ только конюшій, или одинъ только пажъ. Небреженіе о наружности доходило у него почти до цинисма. Изношенное платье его состояло изъ стараго мундира гвардейскаго полка; мягкіе сапоги, которые онъ самъ надѣвалъ поутру и самъ же скидывалъ, ложась ночью въ постель, были обыкновенно рыжіе и всегда безпорядочно висѣли, такъ сказать, на ногахъ его. Чрезмѣрно частое употребленіе Испанскаго нюхательнаго табаку, изъ двухъ табакерокъ, безпрестанно при немъ находившихся, обезображивало его лице. По одному огненному взору его, проницательности котораго не удалось изобразить ни одному живописцу, можно было узнать въ немъ Короля.

Желаніе, достигнуть знаменитости наполняло душу его. Онъ готовъ былъ сказать съ Шиллеровымъ Донъ-Карлосомъ: «Какъ! я принцъ, и двадцать три года мнѣ ужъ минуло, а я все еще ничего не создалъ, и не разрушилъ ничего, на лицѣ земли.» Однѣ великія души могутъ постигнуть состояніе сердца его при такомъ положеніи его духа. Онъ бралъ перо, писалъ къ Вольтеру, къ Вольфу, къ историку Роллену, къ математикамъ Гревзенду и Мопертюи, и къ геніяльному Альгаротти, и увѣрялъ ихъ въ непремѣнномъ къ нимъ почтеніи. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ знаменитости заговорили о немъ, и чтобы весь свѣтъ сдѣлалъ заключеніе о немъ по обществу, имъ для себя избранному. Помянутые ученые не оставляли его безъ льстивыхъ отвѣтовъ, а онъ отплачивался тою же лестью. Снисхожденіе его доходило до того, что онъ посылалъ подарки Вольтеровой любовницѣ, отвѣчалъ на ея письма, и срав-

живалъ ее съ величайшими умами (*), хотя и презиралъ же въ сердцѣ своемъ (см. Томъ VIII, стр. 76). Вольтера называетъ онъ первымъ мужемъ современнаго вѣка; мужемъ, стоящимъ больше, нежели вся его нація, и одобреніе коего, для него драгоцѣннѣе, одобренія половины всего человѣческаго рода; самому Вольтеру онъ пишетъ, что во всемъ мірѣ существуетъ одинъ только Богъ и одинъ Вольтеръ; обѣщаетъ ему хранить творенія его въ столь же драгоцѣнныхъ помѣщеніяхъ, въ какихъ Александръ хранилъ творенія Гомеровы; и намѣревался даже въ самомъ дѣлѣ заказать въ Англіи у знаменитаго Пена гравюры для всей Генріады, для которыхъ художникъ испрашивалъ семи лѣтъ сроку. Въ 1736 году, онъ писалъ къ Вольтеру: «Смотрите впредь на мои поступки, какъ на плоды вашихъ поученій. Ими упоилось мое сердце, и я поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ слѣдовать имъ въ продолженіе всей моей жизни.» Сколь ни преувеличены всѣ эти похвалы, но онѣ проистекали изъ чистаго источника. Юношескій духъ всегда удивляется съ энтузіасмомъ, и всегда готовъ преклоняться предъ идеаломъ, ибо, по вѣчному закону природы, возраждающіеся таланты всегда воспламеняются зрѣлымъ геніемъ, а Вольтеръ находился отъ Фридриха въ довольно достаточномъ разстояніи, и могъ служить для него идеаломъ. И вотъ причина, почему онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вольтеру говоритъ безъ всякаго притворства (Томъ

(*) Она занималась физикою, и написала о ней нѣсколько довольно слабыхъ трактатовъ. Фридрихъ называетъ ее обыкновенно божественною Эмиліей; а въ Томѣ IX, на стр. 32, сказано даже: Декартъ, Лейбницъ, Ньютонъ и Эмилія.

VIII, стр. 246): «Достоинства мои еще не велики, а познанія не обширны; но я радъ учиться, и питаю неистощимое почтеніе и любовь къ особамъ, отличающимся добродѣтелями.» Далѣе, въ другомъ письмѣ къ нему же (Томъ VIII, стр. 302): «Я желалъ бы жить въ тепломъ климатѣ, пріобрѣсть друзей подобныхъ вамъ, и заслужить почтеніе людей добродѣтельныхъ. Съ удовольствіемъ отказался бы я отъ главнаго предмета человѣческаго любостяжанія и тщеславія, но вмѣстѣ съ тѣмъ живо чувствую, что если бы я не былъ Принцемъ, то былъ бы существомъ весьма незначительнымъ. Васъ почитаютъ, вамъ удивляются и завидуютъ однѣмъ вашимъ заслугамъ, а мнѣ, для обращенія на себя вниманія людей, нужны титулъ, званіе и большіе доходы.»

И дѣйствительно, когда Фридрихъ не могъ знать, поведутъ ли его обстоятельства и счастіе на стезю геройскую (*), столь желанную возвышенною душею его, онъ надѣялся, кажется, пріобрѣсть знаменитость и славу на одномъ поприщѣ словесности. Если это предположеніе справедливо, то оно разрѣшаетъ малодушіе, проявляющееся въ нѣкоторыхъ его тогдашнихъ выраженіяхъ, потому что онъ не могъ себя считать ученымъ, и вѣроятно самъ чувствовалъ, что ему предстоялъ еще необозримый, огромный путь для достиженія славы Декарта, Локка, Лейбница, Ньютона и Беля, любимаго

(*) Положимъ, что Фридрихъ Вильгельмъ I, который, по сложенію своему, могъ еще жить долго, умеръ бы однимъ годомъ позже; тогда благопріятный случай для завоеванія Силезіи, исчезъ бы навѣки, а другой случай вѣрно не представился бы Фридриху II для пріобрѣтенія на полѣ чести такой блистательной славы, какою онъ увѣнчался въ продолженіе Силезской войны.

его автора. Правда, что поравняться съ Вольтеромъ было бы для него легче, и стихотворческая знаменитость весьма его обольщала; но, при всемъ его поэтическомъ дарованіи, онъ самъ чувствовалъ, что лучшія его въ этомъ родѣ произведенія состояли изъ повтореній еще лучшихъ оригиналовъ; къ тому же не доставало у него терпѣнія, необходимаго для очистки творенія и потребной заботливости о мелочахъ, такъ что онъ не могъ сообщить корреспондентамъ своимъ ни одной строки, безъ предварительнаго разсмотрѣнія грамматикомъ, ибо въ продолженіе всей жизни своей, онъ не могъ совершенно ознакомиться съ ороографіей. Но, между тѣмъ, онъ писалъ, писалъ много и прилежно, и братья, сестры, родственники и друзья его, безпрерывно получали отъ него посланія, которыя были не хуже Французскихъ поэтическихъ произведеній, хотя впрочемъ Вольтеръ и отзывался о нихъ съ обыкновенными ему злыми насмѣшками. Они всѣ дышатъ благороднымъ, нравственнымъ направленіемъ души, сердечною любовію къ друзьямъ и нѣжными возвышенными чувствами.

Но дѣйствительное направленіе великаго его духа проявилось только въ политическихъ и историческихъ его твореніяхъ. Его *Примѣчанія о положеніи Европейской системы государствъ*, написанныя въ 1736 году, и прочія его историческія творенія, показываютъ его во всемъ его превосходствѣ. Исторія была любимою его наукою, и онъ умѣлъ съ удивительною легкостію излагать по памяти отдаленнѣйшіе между собою факты и сближать ихъ. Чтобы убѣдить свѣтъ въ благородствѣ помысловъ своихъ, написалъ онъ *Антимакіавеля*, въ которомъ хотѣлъ подчинить политику нравственности;

тщетное, къ сожалѣнію, намѣреніе, съ которымъ онъ самъ не могъ согласовать своихъ дѣйствій, даже въ первомъ году царствованія своего. Это обстоятельство побудило его потребовать манускриптъ свой обратно. Но Вольтеръ, продавшій манускриптъ Голландскому книгопродавцу, совсѣмъ не былъ расположенъ возвратить сему послѣднему полученную за рукопись значительную сумму, и написалъ Королю, что корыстолюбивый книгопродавецъ требуетъ огромнаго вознагражденія. Король не рѣшился доставить требованную сумму корыстолюбивому Вольтеру, и книга была напечатана и вышла въ свѣтъ (*).

Слѣдующее повѣствованіе Г-на фонъ Сума, написанное имъ въ 1739 году, *не для публики*, проливаетъ яркій свѣтъ на образъ мыслей и характеръ Фридриха II: «Я полагаю, говоритъ этотъ тонкій наблюдатель, что величайшая его страсть есть слава, которая, по мнѣнію его, состоитъ въ томъ, чтобы всегда поступать соотвѣтственно строгому разсудку, и никогда не покоряться предубѣжденіямъ. Онъ непоколебимъ въ намѣреніи, однажды принятомъ, по зрѣлому размышленію.

(*) При семъ случаѣ не можемъ не сообщить читателямъ нашимъ доказательства, какимъ образомъ Вольтеръ, руководствуясь низкимъ мщеніемъ, старался помрачить каждую черту характера вѣнценоснаго своего благотворителя. Въ твореніи своемъ, подъ заглавіемъ: Vie privée de Frideric II (Частная жизнь Фридриха II), онъ не только ни слова не упоминаетъ, что Король подарилъ ему помянутый манускриптъ, но еще разсказываетъ о немъ слѣдующее: «Я ѣздилъ въ Голландію единственно для того, чтобы оказать ему эту маловажную услугу; но книгопродавецъ требовалъ такой огромной суммы, что Король, который въ душѣ своей впрочемъ совсѣмъ не сердился за то, что твореніе его будетъ напечатано, предпочелъ быть напечатаннымъ лучше даромъ, чѣмъ не быть напечатаннымъ вовсе.»

Онъ добръ, великодушенъ, щедръ, и постигаетъ несчастіе ближняго, ненавидя вмѣстѣ съ тѣмъ каждую несправедливость. Въ юношескомъ возрастѣ онъ любилъ изыскивать въ другихъ недостатки и смѣшную сторону ихъ, но въ послѣдствіе времени, я нашелъ его въ этомъ отношеніи чрезвычайно перемѣнившимся, и теперь онъ первый, при каждомъ случаѣ, хулитъ эту наклонность; къ тому жъ онъ ненавидитъ доносы и клевету. Однажды я ему сказалъ, что онъ домогается цѣли, которой никогда не достигнетъ, т. е. совершенства. На это онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ этомъ случаѣ онъ удовольствуется участью *искателей философскаго камня,* которые, на пути своемъ, хотя и не попадаютъ на самый этотъ камень, но все таки находятъ иногда что либо полезное. И когда я присовокупилъ, что если онъ сохранитъ въ себѣ хоть одну половину великихъ качествъ своихъ, мнѣ извѣстныхъ, то навсегда останется королемъ великимъ и незабвеннымъ, онъ отвѣчалъ, что хотя и надѣется никогда не измѣнять настоящему своему характеру; но это еще не доказываетъ моего пророчества, потому что по словамъ Вольтера: Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier. Онъ гордится постоянствомъ своимъ въ дружбѣ. Разсказывая мнѣ однажды съ подробностію обстоятельства, побудившія его прекратить дружескія сношенія свои съ одною извѣстною высокою особою, онъ прибавилъ, что считаетъ долгомъ своимъ разсказать мнѣ все это для того, чтобы не оставить меня въ сомнѣніи на счетъ постоянства его въ дружбѣ. Въ разговорахъ своихъ, онъ никогда не говоритъ о политическихъ дѣлахъ, какъ будто бы они его вовсе не касаются. Однажды за столомъ, у фельдмаршала Грумбкова, разговоръ зашелъ о

недавно скончавшемся Принцѣ Евгеніи, и нѣкто спросилъ, сдѣлался ли бы Принцъ со временемъ великимъ мужемъ. Наслѣдникъ (Фридрихъ II) отвѣчалъ: «Нѣтъ! потому что никогда бы не умѣлъ пріобрѣсти для себя такого друга, которой бы осмѣлился говорить ему правду.»

Музы, не покидавшія его даже во время опаснѣйшихъ войнъ, были пріятнѣйшими собесѣдницами досуговъ его въ продолженіе мирныхъ временъ. «Я не перестаю любить стихотворство, писалъ онъ къ Вольтеру; правда, что дарованіе мое очень не велико, но такъ какъ я мараю бумагу для одного препровожденія времени, то для публики должно быть все равно, играю ли я въ вистъ, или сражаюсь съ риѳмами.» — Сверхъ многихъ поэтическихъ опытовъ, онъ написалъ еще множество сочиненій въ прозѣ. Онъ описалъ между прочимъ, какъ уже выше сказано, всю исторію политической своей жизни по 1779 годъ, и составилъ извлеченіе изъ большаго Белева словаря (Dictionaire de Bayle), состоящаго изъ четырехъ огромныхъ томовъ in folio; это твореніе Беля почиталъ онъ сокровищемъ историческихъ познаній. Въ 1780 написалъ онъ еще книгу о Нѣмецкой литературѣ, а въ слѣдующемъ году трактатъ о формахъ правительствъ и обязанностяхъ правителей; книгу, исполненную возвышеннѣйшихъ взглядовъ и правилъ. Въ числѣ твореній его, нѣсколько частей заключаютъ дружескую его переписку съ Вольтеромъ и д'Аламбертомъ, продолженную имъ по день кончины обоихъ знаменитыхъ мужей.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что рѣдкій мужъ, Фридрихъ II, столь ревностно старался поддержать связь свою съ двумя писателями, изъ которыхъ

одинъ (*) не принялъ самыхъ лестныхъ его предложеній, а другой явно обидѣлъ его. Но не должно забывать, что Вольтеръ походилъ на великихъ авторовъ, которые заставляютъ забывать недостатки характера своего удивительною даровитостію, и что Фридрихъ, жаждавшій знакомства съ геніями, хотѣлъ скорѣе пожертвовать важностію сана своего, чѣмъ прекратить связи, доставлявшія ему столь много пріятнѣйшихъ воспоминаній изъ временъ юношества. Онъ всегда восхищался мыслію, что дожилъ до вечерней зари золотаго вѣка Французской литературы, и съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ въ будущность и на мглу темной ночи, которая, по мнѣнію его, покрывала его отечество. Этотъ Вольтеръ, который былъ полярною звѣздою его юности, все еще жилъ и раздѣлялъ съ нимъ старость его. Уже одна эта патріархальность облекала его, въ глазахъ Фридриха, въ особенное достоинство. Къ тому же гибкій Французъ тотчасъ сознавался въ грѣхахъ своихъ, при первомъ шагѣ, со стороны Короля, для возобновленія прежнихъ сношеній, и съ покорностію принималъ отъ него выговоры. «Однимъ словомъ, писалъ ему Король (см. X томъ твореній его, стр. 19), однимъ словомъ, вы весьма дурно со мною поступили. Я сносилъ отъ васъ все, что только было возможно. О всѣхъ прочихъ вашихъ поступкахъ, дававшихъ мнѣ поводъ къ неудовольствію, я умолчу, ибо чувствую, что могу прощать.» Далѣе, на стр. 21: «Если бы вы

(*) Знаменитый Французскій математикъ, д'Аламбертъ, которому Фридрихъ II предлагалъ 6,000 талеровъ ежегоднаго жалованья, ежели пріѣдетъ къ нему въ Берлинъ и согласится быть ежедневнымъ его собесѣдникомъ, не принялъ такого предложенія.

за десять лѣтъ предъ симъ сказали мнѣ то, чѣмъ заключается письмо ваше, то вы бы и теперь были здѣсь. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что люди имѣютъ свои слабости, и что совершенство въ удѣлъ имъ не досталось; я самъ это чувствую, и знаю, что не прилично требовать отъ другихъ того, чего самъ достигнуть не можешь. Этимъ-то слѣдовало бы и вамъ начать, тогда все прочее было бы излишнимъ, и я любилъ бы васъ, не взирая на всѣ ваши недостатки, потому что дарованія ваши довольно велики, для прикрытія нѣсколькихъ слабостей.» А на стр. 20: «Въ самое то время, когда Императоры и Короли старались меня ограбить, презрительный человѣкъ вступилъ съ ними въ сообщество, и похитилъ у меня мои стихи; посему я нынѣ самъ посылаю вамъ ихъ, напечатанные крупнымъ шрифтомъ.» Со дня примиренія, начали они опять по прежнему пересылать другъ другу свои сочиненія, и Вольтеръ и д'Аламбертъ забавляли Короля новостями о Парижскомъ дворѣ и Французской литературѣ. Отвѣты Фридриха исполнены игривыхъ шутокъ, разительныхъ замѣчаній и чрезвычайной лести: это жертва Французскому національному характеру. Постараемся доказать всѣ эти мнѣнія примѣрами. «Я не могу выразить вамъ, писалъ онъ къ Вольтеру, сколько меня утѣшаютъ Французы ваши. Этотъ народъ, гоняющійся безпрестанно за всѣмъ новымъ, доставляетъ мнѣ безпрерывно новыя явленія: то выгоняетъ Іезуитовъ изъ государства, то вновь ихъ къ себѣ приглашаетъ; то занимается покаяніями па духу, то уничтоженіемъ парламентовъ, и черезъ каждые три мѣсяца опредѣленіемъ новыхъ министровъ; однимъ словомъ, Французы доставляютъ всей Европѣ достаточную матерію для бесѣдъ и разго-

воровъ. Если Провидѣніе помышляло обо мнѣ при мірозданіи, то оно создало этотъ народъ именно для дневныхъ забавъ моихъ (Томъ IX, стр. 110).» Въ письмѣ къ Вольтеру, см. томъ IX, стр. 318: «Я построилъ въ Берлинѣ публичную библіотеку; понынѣ Вольтеровы творенія находились въ неприличныхъ для нихъ покояхъ.» А къ д'Аламберту, въ томѣ XII, стр. 36: «Многіе выигрывали сраженія, многіе побѣждали и пріобрѣтали цѣлыя государства; но мало такихъ людей, которые бы написали столь совершенное сочиненіе, каково предисловіе къ энциклопедіи.»

Къ числу застольныхъ собесѣдниковъ своихъ, Фридрихъ приглашалъ однихъ тѣхъ друзей (и ихъ было весьма немного), которые оставались въ живыхъ, отъ прекраснаго періода его юношества. Къ числу гостей принадлежалъ и Маркизъ д'Аржансъ, о которомъ онъ, и послѣ кончины его, всегда помнилъ, и въ объясненіяхъ съ Вольтеромъ отзывался, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ мужъ честнѣйшихъ правилъ. Кромѣ него, онъ весьма любилъ беседовать съ ученымъ полковникомъ Гишаромъ, прозваннымъ имъ, по случаю одного спора, Квинтомъ Ициліусомъ, который соединилъ прежнее ученое свое поприще въ Голландіи съ военною службою, и написалъ весьма ученое твореніе о Военномъ Искусствѣ Древнихъ. Точно такъ не забывалъ онъ и старыхъ своихъ военныхъ товарищей, Фуке, Цитена, и другихъ. Иногда онъ ихъ посѣщалъ, дарилъ ихъ вещами и фруктами, и часто приглашалъ къ столу своему (однажды старикъ Цитенъ заснулъ за столомъ, и сидѣвшій возлѣ него, хотѣлъ его разбудить. «Не нарушайте его сна, сказалъ Король, онъ часто цѣлыя ночи не спалъ за насъ»). Иногда разговаривалъ

онъ съ Берлинскими учеными, напримѣръ съ Сульцеромъ, Мейероттомъ, Меріаномъ, и радушно принималъ каждаго знатнаго путешественника, умѣвшаго вести съ нимъ разговоръ. Разговоръ съ людьми отличнаго ума былъ для него столь привлекателенъ, что, бесѣдуя съ ними, онъ, даже въ глубокой старости своей, забывалъ королевскій санъ свой. Такъ написалъ онъ къ самому д'Аламберту, въ 1781 году (см. Томъ XI, стр. 268): «На сихъ дняхъ, я видѣлся съ проѣзжавшимъ чрезъ Берлинъ Принцемъ Сальмскимъ, возвращавшимся изъ Парижа. Онъ меня пристыдилъ совершенно. Разговаривая съ нимъ, я находилъ самого себя столь безвкуснымъ, неуклюжимъ и глупымъ, что иногда отъ робости не могъ ему отвѣчать. Онъ исполненъ граціозности; всѣ движенія и пріемы его привлекательны; маловажнѣйшія слова его, загадки; онъ цѣнитъ каждую бездѣлку съ невыразимою скоростью, и знаетъ ландкарту всѣхъ нѣжностей, лучше всѣхъ Скюдери въ свѣтѣ.» Столь же пріятное впечатлѣніе сдѣлалъ на него кажется и Принцъ де-Линь, который описалъ разговоръ свой съ Королемъ. Его можно прочитать съ большимъ удовольствіемъ, въ первомъ томѣ анекдотовъ, изданныхъ Николаемъ. Своихъ придворныхъ министровъ и генераловъ, видалъ онъ обыкновенно только во время разныхъ смотровъ, или Берлинскаго карнавала. Преемника своего онъ ограничивалъ во всемъ чрезвычайно, а родственниковъ любилъ держать отъ себя въ отдаленіи, чтобы тѣмъ свободнѣе жить самому. Съ прислугою своею обходился онъ, то съ лишнею довѣренностію, то съ строгостію, похожею на тиранію. Неразлучными его собесѣдниками до послѣдней минуты жизни, были любимыя его собаки.

Не взирая на веселый характеръ, столь долго сохранившійся въ героическомъ духѣ Фридриха, онъ началъ наконецъ переставать принимать участіе въ радостяхъ жизни, и питать въ сердцѣ своемъ поэтическую вѣру въ превосходство и достоинство человѣческой природы, вѣру, украшающую толикими прелестями жизнь нашу, и возобновляющуюся въ старцѣ только тогда, когда онъ самъ возраждается въ потомкахъ. Однажды, въ разговорѣ съ Сульцеромъ (31 Декабря 1777), когда сей послѣдній старался доказать, что человѣческія способности клонятся болѣе къ добру, нежели къ злу, Король воскликнулъ: «Теперь вижу я, любезный Сульцеръ, что ты менѣе меня знаешь это проклятое порожденіе, къ которому мы принадлежимъ!» Но къ туманнымъ этимъ взглядамъ на жизнь и на людей увлеченъ онъ былъ, можетъ быть, случаями собственной своей жизни, чрезмѣрною строгостью къ нему отца, измѣною друзей и одиночествомъ своимъ. Будучи бездѣтенъ, онъ, въ преклонной старости, лишался ежегодно послѣднихъ товарищей, съ которыми могъ бесѣдовать о доброй старинѣ. Вѣрнаго своего Маркиза *д'Аржанса* лишился онъ уже въ 1769 году, во второй годъ его пребыванія во Франціи; въ 1774 году умеръ *Фуке*, маститый гросмейстеръ романтическаго Баярдова ордена; въ 1778 году скончались *Вольтеръ*, добрый Лордъ *Маршалъ* и забавный *Пельницъ;* въ 1783 *д'Аламбертъ*, а въ 1786 и восьмидесятилѣтній сподвижникъ Фридриха II, храбрый *Цитенъ*. Со времени Баварской Войны, Король не принимался болѣе и за неразлучную прежде подругу свою, возлюбленную флейту, потому что дрожащіе пальцы не могли болѣе владѣть ею. Мѣсто ея заступилъ лекторъ, и съ самаго

18

этого времени Фридрихъ лишился прежняго своего веселаго духа, и началъ жаловаться д'Аламберту на ослабленіе прежней чрезвычайной памяти своей.

Чувствуя самъ уменьшеніе тѣлесныхъ силъ, онъ началъ недовѣрять служителямъ и обходиться съ ними гораздо строже. Онъ не хотѣлъ, чтобы кто либо могъ помыслить, что онъ измѣнился. Въ особенности же началъ онъ подозрѣвать дворянство въ томъ, что оно во зло употребляетъ власть свою надъ крестьянами, и что присутственныя мѣста потворствуютъ его несправедливостямъ. И въ самое то время, когда онъ выжидалъ благопріятнаго случая, чтобъ дать строгій примѣръ правосудія и бдительности, возникла, въ 1779 году, извѣстная тяжба мельника Арнольда, жившаго близъ Цюллихау. Воспользовавшись неважною перемѣною, сдѣланною чужимъ помѣщикомъ въ потокѣ, на которомъ стояла его мельница, онъ вдругъ пересталъ платить своему помѣщику оброчныя деньги за землю, на которой мельница была построена. Пять лѣтъ сряду помѣщикъ терпѣлъ несостоятельнаго своего арендатора, и былъ наконецъ вынужденъ отнять его мельницу по приговору суда, и продать ее съ публичнаго торга. Не только Неймаркское Правленіе, но и Камерная Палата въ Берлинѣ, въ которую сутяга мельникъ подалъ аппелляціонную жалобу, утвердили приговоръ дворянскаго суда; но Король, который зналъ лично мельника и жену его, еще со времени Семилѣтней Войны, и вывѣдалъ, по мнѣнію его, ближайшія обстоятельства дѣла отъ людей, ихъ вовсе незнавшихъ, полагалъ, что по сему дѣлу съ однимъ только здравымъ разсудкомъ можно будетъ одержать побѣду надъ запутанною

юридическою практикою. Оно, по мнѣнію его, совершенно оправдывало возродившуюся въ немъ мысль о неправосудіи дворянскаго суда, а потому и призналъ онъ всѣ оправдательныя представленія произведеніями ябеды. Декабря 11 дня 1779 года онъ повелѣлъ явиться къ себѣ Великому Канцлеру Фюрсту и тремъ совѣтникамъ Камерной Палаты, далъ имъ строгій выговоръ, отрѣшилъ отъ должностей самопроизвольно какъ ихъ, такъ и президента и нѣсколько совѣтниковъ Неймаркскаго Правленія, и приговорилъ ихъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ въ крѣпости Шпандау, а какъ Министръ Юстиціи Цедлицъ не согласился скрѣпить это повелѣніе своею подписью, то Король приказалъ исполнить его и безъ подписи министра. Выраженное Берлинскою публикою общее мнѣніе о столь необыкновенномъ королевскомъ приговорѣ, служитъ къ чести ея и самого Короля. Съ одной стороны всѣ жители безъ исключенія были убѣждены въ томъ, что несправедливое это дѣйствіе основывалось на добромъ намѣреніи оказать правосудіе, а съ другой они взирали на достойныхъ и безвинно-пострадавшихъ мужей, какъ на несчастныхъ, которые сдѣлались жертвою какого либо неизъяснимаго явленія или переворота природы. Берлинскіе жители всѣхъ состояній, граждане, художники, придворные, военные и гражданскіе чиновники, однимъ словомъ всѣ, которые только имѣли экипажи, посѣтили отрѣшеннаго Великаго Канцлера, для изъявленія ему своего сожалѣнія. Въ пользу отрѣшеныхъ и разжалованныхъ совѣтниковъ открылась подписка, которая была столь значительна, что изъ нея можно было отпускать имъ прежнее ихъ жалованье до буду-

щаго ихъ опредѣленія, и все это совершилось не изъ хвастовства или намѣренія оскорбить Короля, а изъ сердечнаго участія и изъ почтенія къ заслуженнымъ и честнымъ особамъ, безвинно пострадавшимъ. До свѣдѣнія Фридриха дошли и чрезвычайные съѣзды у отставленнаго Канцлера, и открывшаяся подписка, въ пользу прочихъ отрѣшеныхъ чиновниковъ, но онъ ни сколько не мѣшалъ этому, а уменьшилъ полугодомъ срокъ тюремнаго заключенія: это доказываетъ, что онъ въ послѣдствіи самъ раскаялся въ слишкомъ поспѣшномъ приговорѣ своемъ.

Обстоятельное описаніе сего дѣла можно прочитать въ *Шлецеровыхъ Запискахъ* тетр. XXXVI, и во II томѣ *Характеристики Штейна.*

Объемъ Пантеона не дозволяетъ намъ описать всего, что попечительность Фридриха II создала въ послѣдніе годы его жизни въ пользу государственнаго благосостоянія. Вѣрный сотрудникъ его, почтенный Министръ Герцбергъ, раскрылъ публикѣ съ похвальною подробностію всѣ великія его заслуги, и когда онѣ дошли до всеобщаго свѣдѣнія, свѣтъ удивился, что все это могло совершиться съ такою скромностію, и что ни одна газета не упомянула о благотвореніяхъ, излитыхъ Королемъ на свой народъ. Былъ ли онъ награжденъ при жизни своей какимъ либо изъявленіемъ благодарности? Ни малѣйшимъ. И при всемъ томъ, онъ не измѣнилъ ни въ чемъ принятой имъ правительственной системы. «Если бъ я могъ все узнавать», сказалъ онъ однажды Вармійскому Епископу въ 1785 году: «если бы я могъ все узнавать и все

видѣть самъ, то подданные мои вѣрно были бы счастливы.»

Великая, твердая душа Фридриха оживляла слабое тѣло его въ продолженіе 74-хъ лѣтъ. Быть можетъ, что онъ пожилъ бы еще нѣсколько лѣтъ, если бы сродный ему стоицисмъ могъ преодолѣть наклонность его къ лакомству. Но неодолимая страсть къ яствамъ жирнымъ, приправленнымъ пряными кореньями, и весьма отягощающимъ желудокъ, отъ которыхъ онъ отказаться не могъ даже во время болѣзненнаго своего состоянія, совершенно испортила его соки, отъ чего и впалъ онъ наконецъ въ водяную болѣзнь, прекратившую жизнь его. Проведя уже въ тяжкой болѣзни всю зиму 1786 года въ Потсдамѣ, онъ приказалъ отвезти себя, 17 Апрѣля того же года, въ Сансуси. Тамъ онъ еше нѣсколько дней сряду прогуливался, въ коляскѣ и верхомъ, но чувствовалъ чрезмѣрную слабость. Въ Іюнѣ, опухоль увеличилась до того, что онъ уже не могъ лежать въ постели, и долженъ былъ проводить большую часть ночей въ креслахъ, сидя и наклонясь впередъ. Но и въ этомъ отчаянномъ состояніи онъ не переставалъ заниматься правительственными дѣлами, писалъ ежедневно по нѣскольку писемъ, и разговаривалъ съ разными особами, а между прочимъ и съ знаменитымъ Ганноверскимъ врачемъ Циммерманомъ, присланнымъ къ нему любезною его сестрою, вдовствующею Герцогинею Брауншвейгскою. Докторъ не долго оставался въ Сансуси, потому что умножившаяся одышка и сильное хрипѣніе Короля предвѣщали приближавшуюся его кончину. За нѣсколько дней предъ смертію написалъ онъ слѣдующее достопамятное письмо къ сестрѣ своей:

Августа 10 дня 1786.

Почтеннѣйшая Сестра!

Ганноверскій врачъ Циммерманъ хотѣлъ заслужить вашу благодарность, но признаться, онъ не могъ мнѣ помочь. Старики должны уступать мѣсто молодымъ людямъ, чтобы каждый человѣческій возрастъ могъ находиться на своемъ мѣстѣ; если хорошенько обсудить, въ чемъ состоитъ жизнь наша, то выйдетъ, что она не что иное, какъ способность видѣть, какъ ближніе умираютъ и родятся. Между тѣмъ мнѣ въ послѣдніе дни стало нѣсколько легче. Сердце мое пребудетъ неизмѣнно преданнымъ вамъ, добрая моя сестра! Съ величайшимъ высокопочитаніемъ, почтеннѣйшая сестра,

Вашъ вѣрный братъ и слуга
Фридрихъ.

Не взирая на то, что 16 Августа онъ находился уже почти въ безпамятствѣ, онъ совсѣмъ еще не полагалъ, что роковой часъ его уже столь близокъ. Въ ночи съ 16 на 17 онъ нѣсколько разъ бредилъ, а иногда и спалъ спокойно; но хрипѣніе увеличивалось; въ 2 часа и 20 минутъ по полуночи поникла вдругъ голова его, и — его не стало. Одинъ только врачъ и одинъ служитель были свидѣтелями послѣдней его минуты. Немедленно послали за Министромъ Герцбергомъ, которой тотчасъ увѣдомилъ Наслѣдника Престола о великомъ событіи. Черезъ часъ прибылъ и новый Монархъ, и приступилъ, вмѣстѣ съ Министромъ, къ необходимымъ распоряженіямъ. Между тѣмъ тѣло покойнаго Короля снято было съ креселъ, одѣто въ богато вышитый бархатный парадный мундиръ, и положено на пріуготовленный одръ. Онъ похороненъ

возлѣ родителя своего, подъ каѳедрою гарнизонной церкви въ Потсдамѣ. Нѣкоторые еще помнятъ впечатлѣніе, произведенное по всюду поразительною вѣстью о кончинѣ великаго мужа. Подданные, услышавъ ее, сначала не довѣряли слышанному, и стояли какъ будто пораженные созерцаніемъ ужаснаго явленія природы, истребляющаго что либо драгоцѣнное, единственное. Даже враги Пруссіи не радовались ея невозвратной потерѣ. Глубокое и общее почтеніе, питаемое къ великому покойнику, было столь сильно во всѣхъ современникахъ его, что вся Европа приняла чистосердечное участіе въ его кончинѣ. «Мы знаемъ, сказалъ современный иностранный писатель, мы знаемъ съ достовѣрностью, что когда подтвердился разнесшійся слухъ о плачевномъ событіи, во многихъ областяхъ, республикахъ и королевствахъ, не было ни одного чувствительнаго человѣка, начиная отъ престола до хижинъ, отъ посѣдѣвшихъ современниковъ первыхъ его побѣдъ до отроковъ, который бы не сокрушался въ сердцѣ своемъ о смерти великаго Монарха.»

СУВОРОВЪ.

СУВОРОВЪ

СУВОРОВЪ.

═

Князь Италійскій, Графъ (Россійской и Римской Имперій) *Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій*, Генералиссимусъ Россійскихъ, Фельдмаршалъ Австрійскихъ и Сардинскихъ войскъ, Грандъ и Принцъ Сардиніи, кавалеръ орденовъ, Россійскихъ: Св. Апостола Андрея, Св. Георгія 1-й степени, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-й степени, Св. Іоанна Іерусалимскаго, Австрійскаго Маріи Терезіи 1-го класса, Прусскихъ: Чернаго Орла, Краснаго Орла и За достоинство, Сардинскихъ: Анноисіады, и Св. Маврикія и Лазаря, Баварскихъ: Св. Губерта и Золотаго Льва, Французскихъ: Кармельской Богородицы, и Св. Лазаря, Польскихъ: Бѣлаго Орла и Св. Станислава, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ и достопамятнѣйшихъ людей своего времени, родился въ 1730 году. Онъ происходилъ отъ старинйнаго дворянскаго рода, выѣхавшаго въ Россію изъ Шведской Финляндіи, въ половинѣ XVII вѣка. Предки

его отличались заслугами на поляхъ брани, были награждаемы чинами и значительными имѣніями; отецъ его, крестникъ Петра Великаго, былъ генералъ-аншефомъ и сенаторомъ. Суворовъ родился слабый, почти больной; склонность его къ уединенію и ученью, малый ростъ и некрѣпкое сложеніе заставляли его родителей предназначать ему поприще гражданской службы; но не такъ судило Провидѣніе. Въ маломъ тѣлѣ юнаго Суворова была душа героя. Въ дѣтствѣ мечталъ уже онъ о славѣ великихъ полководцевъ; уединяясь въ своей учебной комнатѣ, тщательно изучалъ онъ Исторію и творенія военныхъ писателей, въ то же время пріобрѣтая обширныя познанія въ языкахъ и различныхъ наукахъ. Однажды отецъ его просилъ стараго адмирала Ганнибала, друга своего, посмотрѣть, чѣмъ занимается сынъ его, удаляясь отъ всякихъ *бесѣдъ* и *гостей*. Ганнибалъ долго разговаривалъ съ юнымъ Суворовымъ, разсмотрѣлъ всѣ его занятія, и сказалъ потомъ отцу его: «Оставь, братъ, Василій Ивановичъ, сына своего — его *бесѣды* лучше нашихъ, и съ *гостями*, какіе у него, онъ далеко уйдетъ!» — Вскорѣ Суворовъ упросилъ отца своего позволить ему опредѣлиться въ военную службу, и 12-ти лѣтъ отъ роду, въ 1742 году, записанъ онъ былъ рядовымъ въ Семеновскій Лейбъ-Гвардейскій Полкъ. Пять лѣтъ еще продолжалъ онъ ученье дома, а въ 1747 г. поступилъ въ дѣйствительную службу, также рядовымъ. Ему надобно было побѣдить самую природу; воля его была непобѣдима, и не смотря на слабость сложенія, онъ успѣлъ въ этомъ до того, что совершенно укрѣпился, сдѣлался бодръ, неутомимъ, пріучилъ себя къ голоду, холоду и лишенію, не только излишествъ,

но даже самыхъ необходимыхъ потребностей. Спалъ онъ мало, всегда на сѣнѣ, даже во дворцахъ, ѣлъ самую грубую пищу, никогда не носилъ шубы, проводя иногда цѣлые часы на сильномъ дождѣ и жестокомъ морозѣ; зимою и лѣтомъ начиналъ онъ день тѣмъ, что окачивался на дворѣ холодною водою; въ верховой ѣздѣ не зналъ усталости; могъ по суткамъ не ѣсть и не сходить съ лошади. Вступивши въ военную службу, онъ отправлялъ ее на ряду съ простыми солдатами, стоялъ въ караулѣ, ѣлъ и пилъ съ ними, и тогда-то узналъ уже онъ желѣзную, закаленную въ огнѣ и льдахъ душу Русскаго солдата, сдѣлался его другомъ, и научился быть его отцемъ. Онъ не хотѣлъ пользоваться легкимъ переходомъ въ чины, какимъ пользовались другія дѣти знатныхъ людей, рѣшился узнать службу во всѣхъ ея подробностяхъ, и не удивительно ли, что герой, которому предназначалось быть великимъ полководцемъ своего вѣка, только на 30-мъ году явился *въ первый разъ* на полѣ битвы? Но онъ былъ уже тогда подполковникомъ, и пользовался извѣстностью *дѣловаго военнаго офицера* (въ 1749 г. произведенъ онъ въ капралы; въ 1751 г. въ сержанты, и посыланъ въ семъ званіи курьеромъ въ Польшу и въ Пруссію; въ 1754 г. выпущенъ въ армію поручикомъ; въ 1756 г. получилъ чинъ оберпровіантмейстера, и вскорѣ потомъ аудиторъ-лейтенанта.) Началась Семилѣтняя Прусская Война. Суворовъ перешелъ въ дѣйствующую армію, но, по занятіи въ 1756 г. Мемеля, оставленъ былъ въ семъ важномъ для сообщеній съ Россіею мѣстѣ, въ званіи коменданта, и три года дѣятельно занималъ его. Когда, въ 1759 г. Русскія войска начали третью кампанію,

подъ начальствомъ Графа Салтыкова, Суворовъ взятъ былъ дежуръ-маіоромъ къ главнокомандующему, и находился въ кровопролитной Кунперсдорфской битвѣ, 31-го Іюля, какъ будто ему надобно было получить первый урокъ подъ начальствомъ Лаудона и Румянцова, сражаясь противъ перваго героя тѣхъ временъ Фридриха Великаго. «Уже ли нѣтъ ядра, которое поразило бы меня!» воскликнулъ Фридрихъ, видя страшное пораженіе войскъ своихъ. «Все потеряно — спасайте Дворъ и архивы!» писалъ онъ въ Берлинъ. Но на слѣдующій только годъ Русскія войска заняли Берлинъ. Суворовъ былъ притомъ, въ отрядѣ храбраго Тотлебена. Война не оканчивалась. Фридрихъ собралъ послѣднія силы, и когда въ пятой кампаніи Русскихъ, Румянцовъ отнялъ у него Колбергъ, а Лаудонъ взялъ Швейдницъ, двѣ послѣднія точки его опоры, Суворовъ цѣлое лѣто командовалъ партизанскими отрядами, приступомъ взялъ Голноу, разбивалъ отряды славныхъ Прусскихъ гусаровъ и драгунъ, прикрывалъ осаду Колберга, скакалъ иногда по 40 верстъ въ ночь, и едва не погибъ въ болотахъ около Штаргарда, завлеченный своею отвагою. Обстоятельства быстро перемѣнились съ кончиною Императрицы Елисаветы (25 Декабря 1761 г.): изъ враговъ Русскіе явились союзниками Фридриха, но такъ же быстро послѣдовала потомъ новая перемѣна, и со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины, Русскія войска воротились въ отечество. Суворовъ посланъ былъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о выступленіи ихъ. Его рекомендовали начальники, какъ отличнаго *кавалерійскаго* офицера (онъ командовалъ тогда Архангелогородскимъ Драгунскимъ Полкомъ). Екатерина лично узнала Су-

ворова, назначила его полковникомъ Астраханскаго Пѣхотнаго, потомъ Суздальскаго Пѣхотнаго Полковъ; оказывала ему довѣренность; милостиво обходилась съ нимъ въ большомъ потѣшномъ Царскосельскомъ лагерѣ, 1765 года, гдѣ, подъ командою самой Екатерины, маневрировали 30,000 войска въ виду ея Царскосельскихъ чертоговъ. Такъ прошло около восьми лѣтъ. Солдаты Суворова отличались предъ другими военною выучкою и маршемъ. Между тѣмъ созрѣли обширные политическіе планы Екатерины. Наступали годы кровавыхъ битвъ. Екатерина рѣшила судьбу Польши, назначивъ ей Короля по своему выбору. Закипѣли бунты и смятенія. Суворовъ, какъ извѣстный храбростью офицеръ, былъ назначенъ, въ чинѣ бригадира, въ корпусъ генерала Нумерса, и выступилъ въ Литву и Польшу.

Здѣсь открылась настоящая жизнь Суворова. Ему было уже около 40 лѣтъ, и конечно, съ того времени надобно положить начало и той военной методы, которую угадалъ и обдумалъ онъ, и тѣхъ странностей въ жизни и въ характерѣ, какими съ тѣхъ поръ отличался онъ во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

Глубоко изучивъ теорію Военнаго Искусства, и узнавъ духъ Русскаго солдата и характеръ непріятелей, съ которыми Русскій долженъ сражаться, Суворовъ понялъ новый родъ тактики, какую должно было ввести въ военномъ дѣлѣ. Евгеній, Монтекукули, Тюреннь, Фридрихъ составляли собою эпохи военной науки. Суворовъ также составилъ новую эпоху, свою, которую уже предчувствовалъ Румянцовъ, и развилъ потомъ вполнѣ Наполеонъ. Онъ понялъ, что въ военное дѣло надобно было внести болѣе жизни, болѣе краткости и рѣшительности; понялъ важность быстроты, внезап-

ности удара, новости изобрѣтенія. Не наукою только, но и поэзіею надобно было сдѣлать войну. Если можно уподобить одинъ предметъ другому и говорить сравненіями — Суворовъ постигъ романтисмъ войны среди тогдашнихъ классиковъ. Дѣла и собственныя слова и записки его поясняютъ намъ его идею. Изумительнымъ образомъ приложилъ потомъ Суворовъ свою идею къ мѣстности, народу, времени, вѣрный ей всегда, при безконечномъ разнообразіи подробностей.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Суворовъ видѣлъ, что его не поймутъ, и если поймутъ, то не дадутъ ему хода впередъ. Дворъ, вѣкъ, современники — онъ понималъ ихъ вполнѣ, и увидѣлъ необходимость скрыть свои обширные планы военныхъ измѣненіи, свою новую тактику, подъ личиною причудъ и странностей. «Тотъ еще не уменъ, о которомъ всѣ знаютъ, что онъ уменъ,» говаривалъ Суворовъ. Русскій вполнѣ, пламенно преданный славѣ Отечества и чести Монарховъ своихъ, онъ къ одному стремился — величію ихъ, и что ему была за надобность, если невѣжды, если люди, не понимающіе его, стали бы, его осуждать: его хорошо знала и понимала обожаемая имъ Русская Царица. Да, Екатерина поняла Суворова, а дѣла должны были потомъ оправдать его передъ всѣми другими. И если геніи, если мужи судебъ родятся всегда *кстати*, какъ удивительно для вѣка и времени своего родился Суворовъ! Блестящее, великолѣпное царствованіе Екатерины, ея обширныя предпріятія, ея геній вызывали политику Потемкина, лиру Державина, мечъ Суворова.

Польская война, въ первую конфедерацію, была первымъ поприщемъ самобытныхъ дѣяній Суворова.

Россія возвела на престолъ Станислава, и повелѣвала его именемъ, подкрѣпляя слова оружіемъ. Характеръ событій допустилъ то, что, состоя подъ начальствомъ другихъ, Суворовъ поступалъ самостоятельно. Онъ увидѣлъ, что не правильную, тактическую войну надобно было здѣсь вести, но раздвинуть въ обширномъ объемѣ малую партизанскую войну, налетать громомъ внезапнымъ, падать, *какъ снѣгъ на голову* (по словамъ Суворова), не давать только нигдѣ соединяться конфедератамъ, и — четырехъ-лѣтнее пребываніе Суворова въ Польшѣ оправдало его мысль. Съ сотнями войскъ, онъ успѣвалъ всюду, и едва можно слѣдовать за дѣятельностью его движеній — такъ быстры и безпрерывны они были.

Въ 1769 году, прямо изъ Литвы помчался онъ разрушить сборища около Варшавы; въ 12 дней проскакалъ 700 верстъ, уничтожилъ дорогою сильные отряды Польскіе въ Литвѣ, разбилъ на Вислѣ корпусъ Котелуковскаго, оборотился на корпусъ Пулавскихъ, уничтожилъ его, и захватилъ приступомъ Люблинъ. Въ 1770 году разбитъ имъ Мошинскій, и взятъ Казимиржъ. Въ 1771 году онъ захватилъ Ландскрону, разбилъ Пулавскаго у Тинеца, освободилъ Замосцье, и уничтоживъ подъ Красноставомъ Новицкаго, при Сталовичахъ, съ 900 разбилъ 5000-е войско Гетмана Огинскаго, а потомъ, снова подъ Тинецомъ, отряды Польскіе, и въ 1772 году осадилъ и взялъ Краковъ, по оплошности коммендапта захваченный Поляками и Французами. Чинъ генералъ-маіора, ордена: Св. Анны, Св. Георгія 3-й степени и Св. Александра Невскаго были наградою Суворова. Но самые успѣхи его, и притомъ смятенія въ дѣлахъ, политическія отноше-

нія, различіе въ составѣ военныхъ плановъ его и другихъ, все производило неудовольствія между имъ и другими. Суворова тѣснили, оскорбляли, а главное, мѣшали ему во всемъ. «Дайте мнѣ такое философское мѣсто, чтобы я никому не мѣшалъ,» писалъ онъ къ Бибикову, своему другу и благодѣтелю. «Радъ бѣжать отсюда, и что я у васъ за политикъ сталъ? Пришлите другаго; съ ними и чортъ не сговоритъ!» — Участь Польши была на сей разъ кончена: первый раздѣлъ ея послѣдовалъ въ 1772 году. Новыя событія въ Швеціи — вступленіе на престолъ честолюбиваго, смѣлаго Густава III, и перемѣна тамошняго правленія обезпокоили Екатерину. Войско Русское вступило въ Лифляндію. Суворовъ посланъ былъ осмотрѣть Финляндскія границы. Съ радостью оставилъ онъ Польшу, гдѣ, какъ говорилъ онъ, «всего труднѣе было ему ладить съ *бабами* и съ ксендзами.» — «Двина уже перестала быть для меня рѣкою забвенія» — писалъ онъ къ Бибикову. — «Самолюбіе тонетъ въ незнаніи своего жребія, а не желать нельзя!» Онъ исполнилъ препорученіе въ Финляндіи, и немедленно отправился на новое поприще.

Уже четвертый годъ Дунай и берега Чернаго Моря оглашались кликами войны: то былъ первый опытъ предпріятій на югѣ Россіи Екатерины, видѣвшей необходимость уничтожить грозную еще силу Оттомановъ, и распространить до Чернаго Моря предѣлы Русскіе. Но, ни громкія побѣды Орлова въ Архипелагѣ, ни изумительный Кагульскій подвигъ Румянцова не доводили войны къ счастливому окончанію. Румянцовъ сдѣланъ былъ наконецъ главнокомандующимъ, и смѣнилъ новою тактикою прежнюю. Суворовъ явился къ нему. Разби-

тіе 4000 Турковъ у Туртукая, и овладѣніе флотиліею на Дунаѣ были первыми его подвигами. Румянцовъ велѣлъ ему потомъ взять Туртукаі, но колебался, отмѣнилъ приказаніе; Суворовъ не послушался — взялъ Туртукай отважнымъ приступомъ, и прислалъ Румянцову шпагу свою, при письменномъ донесеніи, состоявшемъ только въ двухъ строкахъ: «Слава Богу, слава вамъ! Туртукай взятъ, и я тамъ!» — Военный судъ былъ наряженъ и осудилъ Суворова. «Побѣдителя не судятъ,» подписала Екатерина на приговорѣ, и прислала Суворову Георгія 2-й степени. Онъ отблагодарилъ ее разбитіемъ двухъ Турецкихъ корпусовъ, Іюля 17 у Туртукая, а въ Септябрѣ у Гирсовы. Разстроенное здоровье заставило его просить объ отпускѣ осенью. Но въ Апрѣлѣ 1774 года онъ уже опять былъ на Дунаѣ — открывалась послѣдняя, рѣшительная кампанія. Новый Султанъ ободрилъ умы Турокъ. Екатерина повелѣла Румянцову загладить побѣдами прошлогодній, не совсѣмъ удачный походъ за Дунай. Суворовъ получилъ резервный корпусъ, и былъ притомъ стѣсненъ придачею къ нему въ товарищи Каменскаго. Пожалованный въ томъ году генералъ-поручикомъ, онъ успѣлъ однакожь, не смотря на несогласія съ товарищемъ, въ одномъ изъ блистательныхъ дѣлъ кампаніи: 12,000 Русскихъ разбили 50,000-й корпусъ Турковъ, при Козлуджи. Миръ заключенъ былъ въ Кучукъ-Кайнарджи, 10 Іюля. Россія пріобрѣла Кинбурнъ, Керчь, Еникале, Азовъ, и подчинила себѣ Крымъ, объявивъ его независимымъ отъ Султана.

Торжество и почести Румянцову-*Задунайскому* готовились въ Россіи. Суворову предлежали новые труды. Онъ призванъ былъ въ Москву, и поспѣшно от-

правленъ уничтожить остатки бунта Пугачевскаго. Пугачевъ скоро достался въ его руки въ Уральскѣ. При торжествѣ мира въ Москвѣ, Суворовъ получилъ новыя порученія: надобно было охранить отъ Турокъ Крымъ, пріучить къ повиновенію Россіи Крымцевъ, дать имъ новаго Хана по нашему выбору, какъ мы дали Короля Польшѣ, и заставить наконецъ Крымцевъ добровольно просить о принятіи земли ихъ подъ владычество Русское

Суворовъ прожилъ нѣсколько времени въ Москвѣ; онъ отпраздновалъ здѣсь свою свадьбу, но въ Ноябрѣ 1776 года принялъ уже подъ начальство Крымскій корпусъ. Здѣсь пробылъ онъ три года. Неусыпная бдительность его разрушила всѣ предпріятія Турокъ и Хана Девлета, соперника избранному нами Шагинъ-Хану; умѣнье и ловкость привязали сердца Татаръ къ Суворову; воинская строгость и быстрота военныхъ распоряженій охранили югъ Россіи отъ безпокойныхъ Нагайцевъ и горцевъ. Крымъ и Кубань были мѣстамъ безпрерывныхъ разъѣздовъ Суворова. Турецкій флотъ подходилъ къ Крыму, но не смѣлъ высадить войска. Суворовъ строилъ крѣпости, и переселялъ изъ Крыма Армянъ и Грековъ цѣлыми колоніями. Въ 1779 году Суворова призвали въ Петербургъ. Екатерина встрѣтила его привѣтомъ, сняла съ себя брилліантовую звѣзду Св. Александра Невскаго, и отдала ее Суворову. Обширные планы ея простирались на Персію. Видя тамъ гибельныя смятенія, не утихавшія съ самой смерти Тахмаса, Екатерина хотѣла ими воспользоваться, помышляла о занятіи Астрабада, объ устройствѣ сильнаго флота на Каспійскомъ Морѣ, о походѣ въ Афганистанъ и Индію. Суворовъ

пробылъ въ Астрахани весь 1780 годъ. Но отдаленныя предпріятія должно было оставить для дѣлъ ближайшихъ.

Императоръ Іосифъ явился въ Петербургѣ. Онъ и Екатерина положили воевать съ Турціею. Предварительно надлежало упрочить прежнія пріобрѣтенія. Крымцы уже привыкли къ власти Русской; слѣдовало рѣшительно кончить мечты ихъ о самобытности потомства древнихъ Гиреевъ. Суворовъ отправился въ Крымъ, и 28 Іюня 1783 года совершилось въ присутствіи его добровольное и торжественное уничтоженіе независимости Крымцевъ. На веселомъ пиру, гдѣ у Суворова обѣдали на безконечной степи 6000 Татаръ, Ханъ отрекся отъ власти. На другой годъ, Крымъ, нѣкогда и еще такъ недавно, столь грозный, объявленъ *Таврическою Областію*. Потемкинъ получилъ названіе *Таврическаго*. Суворовъ украшенъ былъ 1-ю степенью вновь учрежденнаго (въ 1782 году) ордена Св. Владиміра, и готовъ былъ защищать берега Крыма и Чернаго Моря отъ предвидѣннаго нападенія Оттомановъ.

Но прошли еще три года безъ войны. Россія увидѣла торжественную прогулку Екатерины въ Тавриду, гдѣ встрѣчали и провожали ее на пути Король Польскій и Императоръ Римскій, и были съ нею Послы Франціи, Англіи, Дворъ, вельможи, вся роскошь Европы среди полудикихъ степей Крыма и *Новой Россіи*. Суворовъ, пожалованный въ генералъ-аншефы, въ 1786 г., встрѣтилъ ее въ Кременчугѣ, и восхитилъ искусными воинскими маневрами подъ Полтавою. Въ Іюнѣ 1787 года Екатерина выѣхала изъ Крыма, и едва возвратилась она въ Петербургъ, война вспыхнула на прибрежьѣ Чернаго Моря. Румянцовъ и Потемкинъ были

назначены главнокомандовавшими. Суворовъ началъ войну.

Турецкій флотъ явился у Кинбурнской Косы. 1 Октября Турки учинили высадку на Кинбурнъ. Они такъ были увѣрены въ побѣдѣ, что флотъ ихъ отошелъ отъ береговъ. Съ 1000 человѣкъ войска, Суворовъ бросился на ихъ баттареи, смялъ и опрокинулъ непріятелей въ море. Екатерина благодарила его собственноручнымъ письмомъ, прислала ему орденъ Андреевскій, и побѣда Суворова была тѣмъ славнѣе, что главныя Русскія арміи простояли цѣлое лѣто безъ дѣйствій. Такъ же медленны были военныя дѣла въ 1788 году, начатыя Русскими и Австрійцами. Румянцовъ и Потемкинъ не могли поладить между собою. Потемкинъ съ Іюля мѣсяца обложилъ Очаковъ. Румянцовъ хитрилъ и маневрировалъ. Австрійцы были разбиты Турками въ Баннатѣ и Кроаціи, и только отчаянное усиліе, съ какимъ сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ къ Очакову, въ жестокій зимній холодъ, 6 Декабря, далъ видъ торжества не блестящей кампаніи. Суворовъ находился при Потемкинѣ; онъ совѣтовалъ ему ударить смѣло на Очаковъ, и безъ всякой продолжительной осады взять его. Потемкинъ хотѣлъ славы подвига великаго, и боялся неуспѣха. Суворовъ повиновался. Онъ и Принцъ Нассау-Зигенъ разбили Турецкій флотъ. Суворовъ рѣшился доказать Потемкину слова свои на дѣлѣ, и напалъ на Очаковъ; его не подкрѣпили; въ жестокой битвѣ онъ былъ раненъ пулею, и въ то время, когда онъ страдалъ въ Кинбурнѣ, взорвало тамъ пороховой магазинъ, и изранило его снова. Потемкинъ, раздраженный тѣмъ, что у него едва не вырвали лавра побѣды, укорялъ Суворова въ

непослушаніи и самовольствѣ. «Избавьте меня отъ *длинныхъ кампаній*, «отвѣчалъ ему Суворовъ.» У всякаго своя система — у меня моя: мнѣ не переродиться. Кто отнимаетъ у васъ? Вы человѣкъ великій; вы *вѣчны* — вы *кратки*, а кто бѣжитъ за славою, отъ того она бѣгаетъ!» Послѣ леченія въ Кременчугѣ, Суворовъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь утѣшили его милости Екатерины и дружба Потемкина, оцѣнившаго геній страннаго героя, когда Екатерина указала ему на разгадку тайны. «Прости меня, А. В.,» воскликнулъ Потемкинъ, бросаясь обнимать Суворова, и слыша его говорящаго, какъ мудреца и генія войны — «я не зналъ тебя!» Кампанія слѣдующаго, 1789 года, вся отдана Суворову, и была изумительнымъ рядомъ его подвиговъ. Екатерина, Потемкинъ и Россія обратили свои надежды на Суворова — онъ оправдалъ ихъ.

Учредивъ главную квартиру свою въ Берладѣ, между Яссами и Бухарестомъ, Суворовъ терпѣливо ждалъ, пока выдвигалась изъ-за Дуная Турецкая армія. Визирь, обезпеченный пораженіями Австрійцевъ въ прошедшемъ году, обратилъ всѣ силы свои на Русскихъ. Корпусъ Принца Кобургскаго находился впереди, въ Аджутѣ. Со страхомъ извѣстилъ Принцъ Суворова о приближеніи многочисленнаго непріятеля. «Иду!» отвѣчалъ ему Суворовъ на лоскуткѣ бумаги, въ 36 часовъ перешелъ 80 верстъ, и явился такъ неожиданно, что Принцъ Кобургскій не вѣрилъ глазамъ своимъ. Наступала ночь. Суворовъ скрылся въ свою палатку, и не пустилъ къ себѣ Принца Кобургскаго, три раза къ нему приходившаго. Въ самую полночь далъ онъ приказъ нападать; войско двинулось впередъ,

къ селенію Фокшанамъ, и къ полудню на другой день 18,000 Австрійцовъ и 7000 Русскихъ разбили 50,000 Турокъ. Австрійскіе чиновники заспорили о взятыхъ у непріятеля трофеяхъ: «Отдайте имъ все; мы себѣ еще добудемъ, а имъ гдѣ взять!» отвѣчалъ Суворовъ. Императоръ Римскій прислалъ Принцу Кобургскому крестъ Маріи Терезіи — Суворову табакерку, осыпанную брилліантами. Суворовъ не сѣтовалъ. Когда спросили у него: «Почему не хотѣлъ онъ видѣться съ Принцомъ Кобургскимъ до сраженія?» — «Для чего было бы наше свиданіе?» — отвѣчалъ онъ. «Планъ мой былъ не тактическій. Принцъ съ нимъ не согласился бы, загонялъ бы меня ученостью, и мы проспорили бы всю ночь дипломатически, тактически, энигматически, а непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ тѣмъ, что разбилъ насъ!» Дѣло при Фокшанахъ происходило 21 Іюля. Суворовъ удалился снова въ Берладъ, и тутъ, въ началѣ Сентября, получилъ опять извѣстіе о переходѣ самого Визиря черезъ Дунай. Принцъ Кобургскій умолялъ Суворова поспѣшать для его спасенія. Шла главная Оттоманская армія. Быстро примчался Суворовъ. Турецкое войско состояло изъ 100,000. Русскіе двинулись, не считая числа ихъ, и *сто тысячъ* уступили 25,000-мъ Русскихъ и Австрійцевъ. Кровопролитная битва сія началась на берегахъ небольшой рѣчки Рымника. Пораженіе Турокъ было ужасное: 35 верстъ гнали ихъ, отняли у нихъ весь лагерь, 68 пушекъ, 12 мортиръ, 100 знаменъ. Визирь умеръ съ горести. Слѣдствія побѣды были чрезвычайныя: Бендеры, съ 16,000 гарнизона, сдались Потемкину; старецъ Лаудонъ, вызванный изъ уединенія, занялъ Бранатъ, и взялъ Бѣлградъ. Потемкинъ торжество-

валъ, осыпанный милостями: онъ получилъ тогда фельдмаршальскій жезлъ съ бриллiантами, лавровый вѣнокъ изъ алмазовъ и изумрудовъ, орденъ Св. Александра Невскаго на бриллiантѣ въ 100,000 р., 200,000 р. деньгами, 6 миллiоновъ кромѣ того на расходы. Когда приближался онъ къ Петербургу, дорогу освѣщали огнями. Екатерина сама явилась къ нему, первая, для поздравленія по прiѣздѣ; въ честь его выбили медаль. Онъ не забылъ Суворова: *Георгій 1-й степени*, бриллiантовые знаки ордена Св. Андрея, и золотыя шпаги ему и Принцу Кобургскому были наградами подвиговъ. Принцъ получилъ тогда отъ Императора Римскаго фельдмаршальскій чинъ. Суворову изъ Вѣны не было прислано ничего. За то Екатерина поспѣшила новою наградою, графскимъ достоинствомъ, съ наименованіемъ *Рымникскаго*. «Если Императоръ заблагоразсудитъ прислать вамъ такую же награду, соизволяю на принятіе оной» — писала притомъ Екатерина, и вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ получилъ дипломъ на графское достоинство Римской Имперіи. Потемкинъ не видѣлъ уже предѣловъ своимъ гордымъ замысламъ: *завоеваніе Царяграда* хотѣлъ онъ поставить цѣлью будущаго похода. Напрасно спорили противъ него Остерманъ, Безбородко, и канцлеръ Панинъ отказался отъ своего мѣста. Князь Таврическій преодолѣлъ всѣхъ. Но вскорѣ получено было извѣстіе о смерти Императора Іосифа. Австрія, угрожаемая Пруссіею, заключила съ Турками миръ. Потемкинъ недоумѣвалъ. Началась кампанія 1790 года. Русскіе взяли Килію, Тульчу, Исакчу, а осенью Потемкинъ указалъ Суворову на Измаилъ. Крѣпость считалась непобѣдимою; 45,000 гарнизона защищали ее и по-

клялись умереть. Потемкинъ далъ приказъ, и спѣшилъ отмѣнить приказаніе. Суворовъ отвѣчалъ ему словами: «Россійское знамя вѣетъ на развалинахъ Измаила!» — «Гордый Измаилъ у ногъ Твоихъ!» написалъ онъ въ то же время къ Екатеринѣ. Послѣ перваго приказа Потемкина, Декабря 11-го, начался неслыханный дотолѣ приступъ 28,000 Русскихъ, съ 40 пушками; 33,000 убитыхъ Турокъ, 10,000 плѣнныхъ, 232 пушки, 345 знаменъ *ознаменовали* гибельный Оттоманамъ день, и знамя Русское точно вѣяло — *на развалинахъ Измаила*! Суворовъ вызванъ былъ въ Петербургъ, пожалованъ подполковникомъ Преображенскаго Полка, и отправленъ осматривать и укрѣплять Финляндскія крѣпости. Вслѣдъ за нимъ явился въ Петербургъ и побѣдительный Потемкинъ, но грустный, печальный. Онъ предчувствовалъ разрушеніе своего величія, хоть и не зналъ, пируя въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, что старцу Рѣпнину, побѣдителю при Мачинѣ, 28 Іюня 1791 года, дано уже полномочіе заключить миръ. Іюля 31 миръ былъ подписанъ. Россія отдала почти всѣ свои новыя завоеванія, кромѣ Очакова и земель по Днѣстръ, а Октября 5-го умеръ Потемкинъ, на землѣ, уже *уступленной*, хотя еще и не отданной Туркамъ.

Милостиво обласканный Екатериною, Суворовъ назначенъ былъ начальникомъ Крыма и новыхъ Черноморскихъ областей, и здѣсь прожилъ онъ до того времени, когда воля Екатерины призвала его на новый подвигъ, послѣдній, которымъ ознаменовалъ герой ея царствованіе.

Уже въ 1772 году рѣшена была участь Польши первымъ раздѣломъ земель ея. Двадцать лѣтъ прошло

съ того времени. Неожиданныя событія потрясли Европу. На западѣ вспыхнуло пламя Французской Революціи, и крики буйной свободы отозвались въ Польшѣ, возмечтавшей о независимости. Губительный раздоръ Польши начался съ 1792 года. Охраняя Европу и Россію отъ потоковъ возмущеній, какіе всюду неслись съ запада, и составляя союзы съ Европейскими Монархами на защиту троновъ и религіи, Екатерина увидѣла необходимость рѣшительно уничтожить самобытность Польши — «горнъ, опасный для сосѣдственныхъ державъ» (какъ говорилъ посолъ ея Полякамъ въ 1793 г.). Варшава занята была Русскими войсками; Король Прусскій вступилъ въ однѣ, Австрійцы вошли въ другія области. Въ Мартѣ 1793 г. былъ новый раздѣлъ Польши, которой оставлено не болѣе $3^1/_2$ милліоновъ жителей съ 4000 миль пространства. Но духъ возмущенія до того ослѣпилъ Поляковъ, что они пошли на послѣднюю борьбу. По голосу Костюшки, Польша возстала. Вѣроломное убійство означило въ Варшавѣ роковой день 6-го Апрѣля 1794 года — Польша подписала кровью Русскою приговоръ своей политической самобытности. Удачи Костюшки ободряли мятежниковъ; Король Прусскій поспѣшно отступилъ отъ Варшавы; Ферзенъ, начальствовавшій Русскими, былъ отрѣзанъ Поляками. Екатерина спѣшила звать Суворова. Въ Маѣ получилъ онъ приказъ ея, двинулся немедленно, разсѣялъ Польскія сборища въ Подоліи, и 14-го Августа, съ 8000 Русскихъ, былъ въ Немировѣ; 300 верстъ до Варновичъ перейдены имъ отсюда въ *семь* дней, 125 до Ковель въ *шесть*, по осеннимъ, непроходимымъ дорогамъ. Корпусъ Сѣраковскаго раз-

битъ былъ подъ Кобриномъ, потомъ вновь подъ Брестомъ. Ободренный Ферзенъ удачною битвою разгромилъ Костюшку, и взялъ въ плѣнъ его самого. Но Варшава кипѣла бунтомъ. Суворовъ соединилъ всѣ отряды Русскіе, и спѣшилъ прямо на Польскую столицу. На пути разбилъ онъ войска Мокрановскаго при Кобылкѣ, а 24-го Октября, Прага, гдѣ 30,000 человѣкъ дрались на смерть, взята была кровавымъ приступомъ, и только 800 человѣкъ спаслись въ Варшаву; 4 Польскіе генерала и 13,000 человѣкъ Поляковъ были убиты, 2000 потонули въ Вислѣ, $14^1/_2$ тысячъ сдались въ плѣнъ, со 104 пушками и мортирами; 25-го сдалась Варшава; 26-го Суворовъ въѣхалъ въ нее, восклицая: *миръ!* Ноября 7-го послѣдній корпусъ Польскій положилъ оружіе. Король Станиславъ отрекся отъ престола. Курляндія поддалась Россіи, 18-го Марта 1795 года, а Декабря 14-го *уничтожена Польша* манифестомъ Екатерины — Варшава сдѣлалась Прусскою, Краковъ сталъ Австрійскою областью. Награды, соразмѣрныя подвигу, ожидали Суворова. «Шагнулъ и — царство покорилъ!» восклицалъ ему Державинъ. «Ура! Варшава наша!» Въ сихъ словахъ состояло донесеніе Суворова Екатеринѣ. «Ура, *фельдмаршалъ!*» отвѣчала она ему. Прусскій Король прислалъ ему ордена Краснаго и Чернаго Орла, Австрійскій Императоръ портретъ, осыпанный бриліантами; 7000 душъ пожаловано было ему во владѣніе подлѣ Кобрина, мѣста первой побѣды его надъ Поляками. Около года жилъ послѣ того Суворовъ въ Польшѣ. Екатерина звала его въ Петербургъ. Онъ прибылъ туда въ Декабрѣ 1795 года, и пріѣздъ его казался торжествомъ побѣдителя. Квартиру назначили ему въ Зимнемъ Дворцѣ, а потомъ отвели для

его жительства Таврическій Дворецъ. На свадьбѣ В. К. Константина Павловича, 16 Февраля 1796 г., онъ былъ почетнымъ гостемъ. Народъ встрѣчалъ его радостными кликами. Екатерина сама вручила ему табакерку съ портретомъ Александра Македонскаго. «Онъ походилъ на васъ словами и дѣлами,» сказала она, улыбаясь, когда Суворовъ, съ словами: «Спаси тебя, матушка Господи!» повергся къ ногамъ ея.

Время пребыванія Суворова въ Петербургѣ проходило въ важныхъ совѣщаніяхъ между Екатериною, ея совѣтниками, иностранными министрами и Суворовымъ. Екатерина не хотѣла оставить пламени революціи, страшно разгоравшагося на Западѣ и грозившаго обнять всю Европу.

Суворовъ умолялъ ее отправить его, ручался ей за успѣхъ, а тридцать лѣтъ побѣдъ ручались за слова его. Положено было, что онъ поспѣшитъ на югъ Россіи и немедленно приготовитъ войско. Планы Екатерины были тогда обширны: новый союзъ съ Швеціею укрѣплялъ ее на сѣверѣ; юный Зубовъ долженъ былъ итти по слѣдамъ Петра Великаго и воевать Персію; Суворовъ, съ Русскими, Прусскими и Австрійскими войсками, двинуться на Рейнъ и уничтожить революцію въ гнѣздѣ ея. Въ Апрѣлѣ Зубовъ былъ уже у стѣнъ Дербента, а Суворовъ доносилъ изъ Тульчина, что 80,000 войска готовы выступить по первому слову Екатерины. Неожиданныя событія остановили предпріятіе. Услышали о появленіи въ Италіи юнаго полководца, призвавшаго побѣду къ знаменамъ колебавшейся Французской Республики. Австрія затрепе-

тала; Пруссія поколебалась, устрашаемая прежнимъ неудачнымъ походомъ 1792 года; новый разрывъ съ Швеціею грозилъ опасностію на сѣверѣ, а въ Ноябрѣ — скончалась Екатерина.

Суворовъ заплакалъ при извѣстіи объ ея смерти. Вскорѣ обстоятельства совершенно перемѣнились. Несогласіе Императора Павла на походъ къ Рейну остановило предположенныя военныя дѣйствія противъ Французовъ и Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 6-го Февраля, Суворовъ, отставленный отъ службы, немедленно уѣхалъ въ Москву. Вскорѣ потомъ отправился онъ въ свою боровицкую деревню, село Кончанское. Здѣсь занялся онъ земледѣльческими работами; самъ звонилъ на сельской колокольнѣ, пѣлъ на клиросѣ въ церкви, игралъ съ крестьянскими дѣтьми. Никто не смѣлъ даже писать къ нему. Но немногіе друзья видали, какъ Суворовъ, играя съ дѣтьми днемъ, въ тишинѣ ночей окружалъ себя книгами и картами Европы, думалъ, обдумывалъ планы, и слѣдуя за успѣхами Наполеона, нерѣдко восклицалъ онъ: «О, пора, пора унять! Мальчикъ далеко шагнетъ!» Когда Альвинчи и Давидовичъ раздѣляли свои корпуса, Суворовъ предсказалъ, что Наполеонъ разобьетъ ихъ и гдѣ именно: такъ прилежно слѣдилъ онъ дѣла современныя, такъ глубоко изучалъ ихъ. Наконецъ истина дошла до престола. Императоръ постигъ Суворова и готовъ былъ осыпать его милостями, но Суворовъ не могъ или не рѣшался воспользоваться ими. Сверхъ того и обстоятельства самой Европы приняли совершенно другой видъ. Смѣлые планы Суворова показались неисполнимыми. Въ

Сентябрѣ 1798 года посѣтилъ его въ деревнѣ старый его сослуживецъ, генералъ-маіоръ Прево де-Люміанъ. Суворовъ надиктовалъ ему записку, которую подали Императору. Суворовъ предполагалъ, что Австрія и Россія должны соединиться и выставить по 100,000 войска, потребовавъ нейтралитета Пруссіи, Саксоніи, Даніи и Швеціи. Англія соединитъ съ Россіею флотъ и очиститъ моря. Если Пруссія не согласится на нейтралитетъ, Австрія и Россія выставятъ противъ нея отдѣльно корпуса по 60,000; противъ Швеціи имѣть въ запасѣ 24,000 и Англійскую эскадру на Балтійскомъ Морѣ; противъ Турціи, если она вздумаетъ воевать, поставить также 24,000 войска, и притомъ возбудить противъ Шведовъ Данію. Баварія и Рейнскія владѣнія безспорно согласятся воевать. Армія Русско-Австрійская, соединясь съ ними, идетъ черезъ Рейнъ къ Парижу, не занимается осадою крѣпостей, беретъ приступомъ необходимыя, какъ-то: Майнцъ — пунктъ для депо. Походъ долженъ быть быстрый, массами и прямо на Парижъ; только два охранительные корпуса остаются въ Страсбургѣ и Луксенбургѣ. «Полная мощь дается главнокомандующему; война будетъ наступательная; въ нападеніяхъ натискъ и холодное ружье; о ретирадахъ не думать; контръ-марши и военныя хитрости оставить для бѣдныхъ академиковъ; вмѣсто методики — глазомѣръ; главное — не мѣшкать! Осторожность и хитрость головы Медузы. Италія и Голландія возстанутъ.» — Всѣ сіи замѣчанія показываютъ обширность взгляда, глубокое соображеніе современной политики, знаніе исторіи и сердца человѣческаго. Исторія была все-

гда предметомъ особеннаго изученія Суворова. «Тактика и дипломатика безъ изученія исторіи — ничто,» говорилъ однажды Суворовъ въ Италіи, разсуждая объ ошибкахъ принца Евгенія въ войнѣ, которую совершалъ онъ тогда на тѣхъ же поляхъ, гдѣ сражался нѣкогда Евгеній. «Юноша! изучай исторію!» писалъ онъ къ сыну одного изъ друзей своихъ. Но если дипломатъ и воинъ, читая записку Суворова, изумятся, одинъ обширной политикѣ его, другой вѣрности военнаго плана, мы не можемъ не замѣтить особенности его краснорѣчія и оригинальности слога, которыми она ознаменована, хотя Суворовъ писалъ ее на Французскомъ языкѣ. Приведемъ здѣсь нѣсколько выраженій: «Австрійцы должны стоять, хотя бы то стоило имъ новой тридцати-лѣтней войны; обстоятельства у нихъ перемѣняются, такъ, какъ перемѣняются ихъ успѣхи оружія; у меня нѣтъ имъ перемѣны, но я дѣйствую холоднымъ ружьемъ. Англичане слабы на сухомъ пути, если только не приходится имъ защищать свои берега: за то какая сила на морѣ; оборонительной войны имъ не нужно — Нельсонъ ошибся, растянувшись повсюду — надобно наступать! Италія и Нидерланды пойдутъ, если только повести ихъ въ Парижъ; въ Италіи много горячихъ головъ; другіе вступятся за общее благо — Марлборуги и Суворовы родятся отъ обстоятельствъ.» Но планъ Суворова не понравился тогдашнымъ дипломатамъ и оставленъ былъ безъ вниманія. Недоброжелатели Суворова торжествовали. Его вызывали въ Петербургъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ — «что мнѣ тамъ дѣлать? Дозвольте мнѣ хоть молится за моего

Государя, если я не могу быть ему ничѣмъ другимъ полезенъ!» Немедленно написалъ онъ къ Императору письмо, прося позволенія удалиться въ Ниловскую Пустынь, и посвятить тамъ дни свои Богу. «Одинъ Спаситель безгрѣшенъ, а моей неумышленности прости, милосердый Государь!» заключилъ письмо свое Суворовъ.

Но событія Европейскія шли исполинскими шагами. Кампо-формійскій миръ не удержался послѣ отбытія Наполеона въ Египетъ. Раштадтскій Конгресъ не оканчивался. Турція, Австрія, Россія, Англія, Неаполь, Сардинія заключили союзъ; Русскія войска пошли въ Австрію; Русскій флотъ соединился съ Турецкимъ; Императоръ Русскій объявилъ себя Гросмейстеромъ Мальтійскаго Ордена, изгнаннаго Французами. Все готовилось на побѣды, и все вдругъ потомъ измѣнилось. Не дожидаясь исполненія плана союзниковъ, Шампіоне занимаетъ Римъ и Неаполь; Жубертъ беретъ Піемонтъ; Король Неаполитанскій бѣжитъ въ Сицилію; Король Сардинскій удаляется въ Сардинію; Гельветская, Батавская, Римская, Парѳенопская, Лигурійская, Цисальпинская Республики воздвигаются на развалинахъ прежняго порядка; Эренбрейтштейнъ и Мангеймъ достаются въ руки Французовъ; одна армія ихъ грозитъ Германіи на Рейнѣ и въ Швейцаріи, другая въ Италіи. Конгресъ Раштадтскій кончился раздоромъ въ Апрѣлѣ 1798 года. — Въ Германіи началъ военныя дѣйствія Эрцъ-Герцогъ Карлъ; въ Италіи Принцъ Оранскій, Эрцъ-Герцогъ Іосифъ, старый Меласъ, Баронъ Край смѣняли другъ друга. Австрія и Англія потребовали Суворова. «Видно, безъ него не обойтись: старикъ вездѣ пригождается!» сказалъ Им-

ператоръ Павелъ, и тотчасъ отправлено было къ Суворову собственноручное письмо Императора. «Графъ А. В.! Теперь намъ не время считаться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій Императоръ требуетъ васъ, и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло согласиться, а ваше спасти ихъ. Спѣшите пріѣздомъ; не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть.» Радостно воскресъ Суворовъ. Въ началѣ Февраля онъ былъ уже въ Петербургѣ, и палъ въ ноги Царю. Павелъ надѣлъ на него крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. «Боже! Царя спаси!» воскликнулъ восторженный Суворовъ. — «Иди ты спасать Царей!» — отвѣчалъ ему Императоръ. — «Съ тобой, Государь, не трудно!» прибавилъ старецъ съ радостью. Онъ помолился Богу, и какъ юноша поскакалъ въ Вѣну. Въ Митавѣ явился онъ къ Лудовику XVIII. «Пролью кровь мою, чтобы возвратить вамъ, государь, престолъ предковъ!» сказалъ ему Суворовъ. — «Я уже надѣюсь на его возвращеніе, если судьбы дѣла зависятъ отъ Суворова» — отвѣчалъ Лудовикъ.

Невозможно изобразить восторга, съ какимъ встрѣчали Суворова въ Петербургѣ, въ Россіи, въ Австріи, въ Италіи. Народъ отпрягалъ карету его, и плакалъ смотря на 70-ти лѣтняго старца-героя; восхищались самыми его странностями, славили его въ громкихъ стихахъ. Императоръ Австрійскій возвелъ его на степень Австрійскаго фельдмаршала, съ жалованьемъ по 24,000 флориновъ. Въ Шенбрунѣ смотрѣлъ онъ Русскія войска, и со слезами кричалъ имъ: «Здравствуйте, друзья! Здравствуйте, чудо-богатыри! Вотъ опять увидѣлись, опять съ вами!» Солдаты привѣтствовали его, въ восторгѣ крича: «Ура!» — Марта 21

прибылъ онъ въ Вѣну, не медлилъ и спѣшилъ въ Италію. Въ Виллахѣ встрѣтилъ онъ передовые корпуса Русскіе; въ 25 дней прошли, они по данному имъ маршруту, 350 верстъ. Суворовъ велѣлъ оставить маршрутъ, и изъ Виллаха до Вероны, 365 верстъ пройдено ими въ 9 дней. Апрѣля 14, издано было воззваніе Суворова къ народамъ Италійскимъ, и немедленно войска устремились на непріятеля.

Не будемъ описывать Италіянской кампаніи Суворова, продолжавшейся съ половины Апрѣля до половины Сентября, эпопеи военнаго дѣла, совершенной на историческихъ поляхъ, гдѣ сражались Аннибалы, Евгеніи, Наполеоны. Въ пять мѣсяцевъ очищена была вся Верхняя Италія; Миланъ, Туринъ, Брешія, Палацола, Бергамо, Кремона, Вогерра, Пескіера, Тортона, Пичигетоне, Казалла, Александрія, Болонья, Мантуа вырваны у непріятеля; Макдональдъ разбитъ на Требіи, Моро при Нови; Жубертъ заплатилъ жизнью за отвагу; Серрюрье былъ въ плѣну; стотысячная армія Французская, гордая побѣдами, являлась только въ бѣдныхъ отрядахъ; 80,000 плѣнныхъ, 3000 пушекъ и 200,000 ружей были трофеями побѣдъ, и — Суворовъ имѣлъ притомъ не болѣе 80,000 всего войска подъ своимъ начальствомъ.

Если велики были восторги надеждъ, еще болѣе увеличились они исполненіемъ ихъ. Вся Европа наполнена была именемъ Суворова. Званіе генералиссимуса Россійскихъ войскъ, съ присвоеніемъ почестей, отдаваемыхъ Императору, возглашеніе имени Суворова въ церквахъ, при молебнахъ за побѣды; санъ Князя, съ названіемъ Италійскаго и титуломъ Свѣтлѣйшаго, два портрета Императора, три пушки изъ числа тро-

феевъ, были наградою старцу-герою отъ Императора Павла; званіе генералиссимуса, гранда и Принца Кузена королевскаго, отъ Короля Сардиніи, кромѣ орденовъ Австрійскихъ, Сардинскихъ, Баварскихъ и Французскихъ. — «Онъ уничтожаетъ мои побѣды,» писалъ встревоженный Наполеонъ изъ Египта. — И дѣйствительно: слѣдствія побѣдъ Суворова являлись неисчислимы. Народы Италіи и Швейцаріи возставали; Австрійцы заняли Швейцарію; Римъ и Неаполь были отняты у Французовъ, когда Нельсонъ Абукирскою битвою въ то же время разрушилъ всѣ надежды Наполеона въ Египтѣ. Союзъ Царей и народовъ укрѣплялся: Англія и Россія готовили сильную высадку въ Голландію; въ Швейцарію вступили Русскія войска, и 1800-й годъ Суворовъ обѣщалъ праздновать въ Парижѣ. Никто не сомнѣвался въ его словахъ: онъ пріучилъ вѣрить ему.

Исторія будетъ судить и рѣшитъ, что разрушило потомъ великое дѣло спасенія Европы. Политика и тактика, которыя такъ ненавидѣлъ Суворовъ, быстро уничтожили всѣ подвиги его. Своекорыстіе побѣдителей охладило освобожденную Италію, медленность уничтожила порывы Швейцаріи, и полагая, что Италія уже обезопасена для Австріи, хитрая дипломатика указала Суворову путь въ Швейцарію, когда Австрійскія войска передвинулись въ то же время на Рейнъ. Характеръ Суворова могли ль понять дипломаты и тактики Вѣнскіе, гофъ-кригсраты и Тугуты? «Вотъ мой планъ!» говорилъ онъ имъ, отдавая десть бѣлой бумаги. «Но развѣ вы имѣете особенныя приказанія?» спрашивали они въ изумленіи, — Суворовъ показалъ имъ бланкетъ, съ подписью: *Павелъ*.

Видя, что надобно связать волю и исполнять приказанія Тугута, въ горести воскликнулъ Суворовъ: «Иду! Я билъ, но *не добилъ* Французовъ — немогузнайки, нихтбештимтзагеры и унтеркунфты раскаются, но тогда будетъ поздно!» Неожиданныя бѣдствія ожидали героя: корпусъ Корсакова, заступившій близъ Цириха мѣсто Австрійцевъ, былъ разбитъ, оставленный ими; втрое сильнѣйшій непріятель занималъ горныя дороги на пути его. Черезъ горы и пропасти, льдяныя высоты Сенъ-Готарда, сквозь Унзеръ-Лохъ и по Чортову Мосту прошли Русскіе, отбивая непріятеля. Дивный, послѣдній походъ геніяльнаго полководца, уже близкаго къ могилѣ! Русскіе выступили изъ Швейцаріи черезъ Гларисъ, Гризонскую Область и Фельдкирхенъ къ Брегенцу, на Констанцскомъ Озерѣ. Только оскорбленія увидѣлъ Суворовъ вмѣсто помощи. «Я не зналъ въ жизнь мою слова *отступленіе*, и веду Русскихъ на отдыхъ,» отвѣчалъ Суворовъ Эрцъ-Герцогу Карлу, когда тотъ назвалъ походъ его *отступленіемъ*. «Я не знаю ни Демосѳеновскаго болтанья, ни академиковъ, путающихъ здравый смыслъ, ни сената Аннибалова; я не сотворенъ для демонстрацій и контръ-маршей — берегитесь адскихъ пропастей методика. Эрцъ-Герцогъ на войнѣ такой же генералъ, какъ я, но я его старѣе: я водилъ къ побѣдамъ воиновъ Іосифа; и теперь низпровергъ теоретику моими побѣдами въ Италіи.» Такъ говорилъ Эрцъ-Герцогу и Тугуту Суворовъ. «Гдѣ *вознагражденіе?* сказалъ онъ въ другомъ случаѣ — въ Парижѣ; Піемонтъ отдавалъ намъ Францію, а мы ея не взяли. Начальникъ арміи геній, а отъ него требуютъ скрибентисма. Помните слова Кесаря: тотъ

ничего не сдѣлалъ, кто не сдѣлалъ всего; теперь Цинциннатово честолюбіе — соха его!» — И Европа и Царь Русскій оправдали Суворова. «Я произвелъ его въ генералиссимусы, но онъ достоинъ быть ангеломъ!» говорилъ Императоръ Павелъ. «Побѣждая всегда и всю жизнь враговъ, вы побѣдили и самую природу; я возвожу на высшую воинскую степень героя всѣхъ вѣковъ» — писалъ онъ къ Суворову. — Гибель Корсакова, причиненная отступленіемъ Австрійцевъ, гибель другаго Русскаго корпуса при неудачной высадкѣ въ Голландію, отъ неискусныхъ распоряженій Герцога Іоркскаго, опасность главной арміи, спасенной только неистощимымъ геніемъ Суворова, безпрерывныя дипломатическія интриги союзниковъ, возвращеніе Наполеона во Францію, дружба, предложенная имъ Россіи — все заставляло Императора Павла расторгнуть союзъ, котораго оцѣнить не умѣли. Суворову повелѣно возвратиться въ Россію съ побѣдоносными его войсками. Тщетно умоляли его остановиться Англія и Австрія. Въ Италіи уже сбывалось то, что предвѣщалъ Суворовъ; всѣ успѣхи его были потеряны Австрійцами; пока они тѣснили Массену и Сюшета, Наполеонъ перешелъ Сенъ-Бернардъ, черезъ 28 дней послѣ отъѣзда изъ Парижа былъ въ Миланѣ, а 14-го Іюня 1800 года, Маренго возвѣстило Европѣ начало новыхъ событій Исторіи, которымъ надлежало кончиться только подъ Бородинымъ, подъ Тарутинымъ, подъ Лейпцигомъ, подъ Ватерлоо, послѣ того, когда побѣдоносныя знамена и орлы Наполеоновы вносимы были въ Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Лиссабонъ, Римъ, Неаполь; древнія стѣны Кремля Московскаго опалилъ

пожаръ, и исторія сына судебъ была дописана на скалахъ Острова Св. Елены.

Суворовъ не дожилъ до горестной вѣсти о рѣшительномъ торжествѣ Наполеоновомъ. И какъ будто судьба хотѣла показать на немъ все величіе и всю бренность славы: печаль отравила послѣдніе дни жизни и ускорила самую кончину его......

Среди хваленій и восторговъ, воздаваемыхъ всѣми и всюду, являлись и осужденія и клеветы, огорчавшія Суворова. Тактики осуждали его дѣйствія, особливо походъ въ Швейцарію, называя дѣйствія Массены побѣдами. Императоръ Павелъ не внималъ навѣтамъ, но то, что Суворовъ, преданный любимой мечтѣ своей — освободить Европу и уничтожить революцію, не одобрялъ перемѣны въ союзахъ, досадовалъ на Австрійцевъ, но всячески извинялъ ихъ, осуждалъ разрывъ съ ними и новыя перемѣны въ политикѣ, было первою причиною холодности между нимъ и Императоромъ Павломъ. Но Суворовъ все еще видѣлъ безпрерывное благоволеніе Императора, и когда, выѣхавши изъ Праги, онъ сдѣлался жестоко боленъ, Императоръ заботливо писалъ къ нему въ Краковъ, посылая своего доктора: «Молю Бога, да спасетъ моего героя Суворова,» и потомъ, что «онъ ждетъ своего героя, радостнаго часа, когда обниметъ героя всѣхъ вѣковъ». Искусный ваятель Козловскій готовилъ уже изваяніе, гдѣ заживо могъ Суворовъ видѣть памятникъ великихъ подвиговъ своихъ. Но дряхлое тѣло его разрушалось. Въ Кобринѣ болѣзнь его усилилась и доводила до гроба. Силы героя истощены были лѣтами, трудами, огорченіями; онъ слегъ въ постелю, но болѣзнь его успѣли истолковать невыгодно. Суворовъ услышалъ въ то же

время, что Императоръ не одобряетъ помолвки сына его съ Принцессою Курляндскою, и запрещаетъ сей брачный союзъ. Извѣстіе о рѣшительной немилости Монарха довершило скорбь старца, особливо, когда онъ услышалъ что ему не велѣно даже отдавать предписанныхъ почестей. Онъ выѣхалъ изъ Аугсбурга 30 Ноября, въ Прагу прибылъ 20 Декабря, и жилъ до 21-го, когда получилъ строгое повелѣніе прекратить всѣ начатые имъ переговоры, ѣхать немедленно въ Россію, а начальство надъ войскомъ сдать генералу Розенбергу. Все еще былъ онъ бодръ и веселъ, хотя въ Краковѣ почувствовалъ первые припадки смертельной болѣзни. Но изъ Кобрина путь Суворова походилъ уже на похоронное шествіе. Онъ предчувствовалъ смерть, горестно простился съ войсками, ѣхалъ едва по 25 верстъ въ сутки, и восклицалъ сквозь слезы: «Устарѣлъ я, друзья мои!» Часто, среди мученій болѣзни, повторялъ онъ: «Боже великій! за что страдаю!» Онъ удалялся отъ стремившагося къ нему народа, отъ всѣхъ почестей; грустно встрѣтилъ выѣхавшихъ къ нему навстрѣчу въ Стрѣльну, друзей и родныхъ, и ночью, почти умирающій, тихо прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и остановился въ домѣ племянника своего, Графа Хвостова, на Екатерининскомъ Каналѣ близъ церкви Николы Морскаго. Всѣ видѣли, что Суворовъ уже не жилецъ міра, и вскорѣ всеобщее опасеніе подтвердилось. «Увижу Монарха, повергнусь передъ нимъ, и отправлюсь въ деревню — мнѣ ничего болѣе не надобно!» говорилъ слабымъ голосомъ Суворовъ. Болѣзнь усиливалась, и съ горестью видѣлъ онъ, что только нѣсколько родныхъ, друзей и привер-

женныхъ подчиненныхъ окружали смертный одръ его. Съ благоговѣніемъ пріобщился онъ Св. Таинъ, и въ ночи 6-го Мая, 1800 года, на 72 году, тихо скончался. Народъ толпами бросился къ одру, гдѣ лежало бездыханное тѣло героя, и толпы его провожали гробъ Суворова въ могилу. Поздпія почести были великолѣпно воздапы праху великаго военачальника. Внося гробъ съ балдахиномъ въ церковь, сомнѣвались, пройдетъ ли онъ въ двери: «Не бойтесь — онъ вездѣ проходилъ!» сказалъ одинъ изъ старыхъ служивыхъ, бывшихъ у гроба. Прахъ Суворова покоится въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской Лавры. Надъ гробомъ его пѣтъ памятника, и только надпись, на бронзовой доскѣ: «*Здѣсь лежитъ Суворовъ.*» Голосъ зависти умолкъ надъ могилою великаго. Черезъ годъ открытъ былъ памятникъ Суворову, изваянный Козловскимъ. Герой представленъ прикрывающій щитомъ и защищающій мечемъ короны и тіару. Въ надписи означено только имя его: «*Князь Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, 1801.*» — Другой памятникъ воздвигнутъ ему волею Императора Николая: любимый Фанагорійскій Полкъ наименованъ его именемъ.

Кромѣ наградъ, о которыхъ мы уже упоминали, Суворовъ имѣлъ еще многія: въ 1775 г. получилъ онъ бриліантами осыпанную шпагу; въ 1779 г. бриліантами осыпанную табакерку; въ 1787 г. тоже; въ 1788 г. бриліантовое перо съ буквою: К (Кинбурнъ); въ 1793 г. алмазные эполеты и драгоцѣнный перстень. Какъ сокровище, хранилъ Суворовъ серебряный *рубль* пожалованный, ему Императрицею Елисаветою, когда онъ, стоя на часахъ въ Петергофѣ,

отдалъ ей честь ружьемъ, и удостоенъ былъ ея разговоромъ. — Суворовъ былъ женатъ на Княжнѣ Прозоровской, и имѣлъ отъ нея сына, *Аркадія*, и дочь, *Наталію*, вышедшую за Графа Н. А. Зубова. Не наслаждаясь счастіемъ супружеской жизни, Суворовъ страстно любилъ дѣтей своихъ. Однажды, скакавши на почтовыхъ къ мѣсту назначенія, онъ свернулъ съ дороги, заѣхалъ ночью въ деревню свою, благословилъ спящихъ дѣтей, посмотрѣлъ на нихъ, и немедленно уѣхалъ, не приказывая ихъ тревожить. Изъ подъ картечъ Кинбурна, изъ огней Варшавы писалъ онъ нѣжныя, шутливыя письма къ дочери, называлъ ее *милою Наташею* и *голубушкой Суворочкой!* Сынъ Суворова слѣдовалъ за великимъ родителемъ въ Италію и на Альпы, и — дивный удѣлъ! утонулъ, въ 1811 году, въ Рымникѣ: рѣка, гдѣ прославился побѣдою отецъ, была преждевременною могилою сына. Бренные останки его покоятся въ Ново-Іерусалимскомъ Воскресенскомъ Монастырѣ, (въ 45 верстахъ отъ Москвы). Единственный внукъ Суворова и наслѣдникъ его имени и титуловъ, *Графъ Александръ Аркадьевичъ*, Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ, командиръ полку имени Суворова.

Суворовъ былъ роста небольшаго, худощавъ, и только глаза его, голубые и прекрасные до старости, горѣли огнемъ генія. Онъ ходилъ обыкновенно сгорбившись; живой, странный въ движеніяхъ, въ словахъ, шутя, прыгая, хохоча, онъ казался какимъ-то чудакомъ, что умножалъ еще небрежный нарядъ его — простая куртка, всегда спущенные чулки, какой нибудь картузъ, шляпа, съ большими полями, солдатскій

плащъ. Но когда являлся онъ въ полномъ мундирѣ, въ орденахъ, въ величіи славы, онъ внушалъ невольное благоговѣніе, казался исполиномъ, былъ важенъ, краснорѣчивъ, увлекалъ души и сердца, и былъ особенно любезенъ съ дамами, хотя и по-своему. Обыкновенно вставалъ онъ, до глубокой старости, въ два, три часа утра. Въ восемь часовъ онъ садился уже обѣдать, и иногда сидѣлъ за столомъ три, четыре часа, хотя весь обѣдъ его оканчивался въ полчаса. Потомъ спалъ онъ по четыре, по пяти часовъ; въ шесть часовъ вечера принимался за дѣла, оканчивалъ ихъ въ десять, и иногда читалъ еще послѣ того ночью, оставаясь одинъ. Въ военное время вставалъ онъ въ полночь, и не зналъ, что такое усталость, голодъ и жажда. Кромѣ умѣреннаго употребленія вина, все лакомство его составляла маленькая рюмка водки передъ обѣдомъ, а трапезу щи, каша, два, три простыя блюда. Нюхая табакъ, онъ не терпѣлъ куренья его, а равно великолѣпныхъ пировъ и обѣдовъ. Кромѣ обширнаго чтенія, Суворовъ имѣлъ большія свѣдѣнія въ математикѣ и инженерной наукѣ; въ навигаціи онъ потребовалъ однажды экзамена, и получилъ аттестатъ на чинъ мичмана («и я какъ де Рибасъ, годился бы въ адмиралы!» говорилъ онъ послѣ того). Всѣ мелочи военной службы зналъ онъ подробно, но не любилъ заниматься ими: слыша, что Шереръ считаетъ и сличаетъ пуговицы у солдатъ на мундирахъ, онъ говорилъ: «Ну, такого экзерцирърмейстера одолѣть не трудно: пока смотритъ онъ на пуговицы, не замѣтитъ, какъ розобьютъ его!» — Память Суворова была необыкновенная: онъ зналъ по именамъ солдатъ своихъ, и помнилъ все, что читалъ. Исторія, и особливо военная, была любимымъ его чте-

ніемъ, но онъ любилъ и поэзію; стихами переписывался съ Державинымъ и Костровымъ (который посвятилъ ему своего Оссіана). «Неужели Державинъ не грянетъ объ насъ?» говорилъ онъ среди ужасовъ Альпійскихъ. Въ юности своей занимался онъ литературою, и изъ сочиненій его извѣстны: *Два Разговора въ царствѣ мертвыхъ*, (ошибкою Новикова напечатанные въ *Сочиненіяхъ Сумарокова*, которому Суворовъ далъ ихъ просмотрѣть, и у котораго они остались), *Кортеса съ Монтесумою*, и *Александра съ Даріемъ*. По-Французски говорилъ и писалъ онъ превосходно, свободно объяснялся по-Нѣмецки, и отчасти по-Италіянски, по-Турецки, по-Персидски и по-Чухонски. — Благочестіе и религіозность были глубоко укоренены въ душѣ его. Благотворительность его доходила до излишества; скупой для себя, онъ не жалѣлъ ничего для бѣдныхъ: извиняя проступки другихъ, платилъ за многихъ подчиненныхъ, и часто говаривалъ: «Добро дѣлать спѣшить надобно!» Первымъ словомъ его изъ Варшавы, въ 1794 г., была просьба о прощеніи капитана Валранда, жена котораго, сестра храбраго Круза, просила его о заступленіи, видѣвши Суворова въ Херсонѣ.

Побѣдитель въ *шестидесяти трехъ* битвахъ, герой *никогда* не знавшій неудачъ, Суворовъ, какъ полководецъ, не избѣгъ критики. Есть люди, которые и нынѣ почитаютъ его любимцемъ счастія, человѣкомъ, который всѣмъ жертвовалъ наудачу, не щадилъ и средствъ, понялъ Русскаго солдата, умѣлъ имъ пользоваться, но собственно былъ невѣжда въ военномъ дѣлѣ. Враги прибавляли къ тому названія безчеловѣчнаго и свирѣпаго. Но имя Суворова сдѣлалось чѣмъ-то миѳологическимъ въ Русской землѣ. Слава Минниховъ, Румян-

цовыхъ, Кутузовыхъ остается въ Исторіи — слава Суворова остается въ народѣ: *Суворовъ герой Русскаго народа, полубогъ Русскаго солдата.* Имя его призывный кличъ побѣды. Онъ понялъ Русь, и Русь поняла его. «Горжусь, что я Русскій, говаривалъ онъ. «Петръ Великій былъ правъ, сказавши, что Русь единственная въ мірѣ — ей нѣтъ соперницы!» И мы, Русскіе, должны оправдать нашего единственнаго Суворова. Нѣтъ! не любимецъ только счастья, но великій, геніяльный полководецъ былъ онъ, и потому сталъ онъ выше другихъ въ памяти Рускихъ, что былъ геній и единственный, вѣковой; онъ не подходилъ въ мѣрку другихъ, и сдѣлался миѳомъ Русскаго народа. «Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Богъ! Надобно немножко и ума!» говаривалъ Суворовъ. «Счастье слѣпая голова — умъ тащитъ за уши, и притащитъ!» прибавлялъ онъ. Но кто же и отказываетъ Суворову въ умѣ? Слыша разсказы о странностяхъ Суворова, Румянцовъ говорилъ: «Вотъ человѣкъ, который хочетъ увѣрить всѣхъ, что онъ глупъ, а никто не вѣритъ!» — Не на безпрерывный рядъ побѣдъ, не на то, что никогда не зналъ Суворовъ неудачъ, сошлемся мы. Нѣтъ — Наполеонъ и Аннибалъ кончили несчастливо, и Фридрихъ Великій едва уцѣлѣлъ на престолѣ, но потомство назвало ихъ великими полководцами. Разсмотрите внимательнѣе побѣды Суворова, и увѣрьтесь въ неистощимости средствъ, вѣрности расчета, обширности плановъ, неистощимости способовъ, для его побѣды, во всемъ, что знаменуетъ геній великаго полководца. Не на удачу мѣтилъ онъ, но на вѣрный ударъ, и такъ же умѣлъ приготовлять арміи, какъ и разбивать ихъ, такъ же умѣлъ заботиться о про-

довольствіи солдата, какъ и водитъ его къ побѣдѣ. Не вѣрьте ему, когда онъ вопіетъ противъ тактики: онъ осуждаетъ тактику гофъ-кригсъ-ратовъ, Меласовъ, Альвинци, но не Наполеонову, не Тюренневу, не Евгеніеву, не Монтекукуліеву тактику. Вникните въ его замѣтки, въ его сужденія о полководцахъ, въ его наставленія сыну и молодому воину. Въ Польшѣ онъ дѣйствуетъ партизанскою войною; въ Крыму политикою; подъ Фокшанами, подъ Рымникомъ, въ Измаилѣ, въ Прагѣ громовымъ ударомъ. Но какая глубокая разсчитанность движеній въ Италіи, гдѣ онъ раздѣляетъ и бьетъ Жуберта, Моро, Серрюрье, Макдональда! Онъ не терпѣлъ ретирадъ, но какое Ксенофонтово отступленіе сравнится съ Швейцарскимъ его походомъ? Что въ 1798 году предлагалъ Суворовъ для уничтоженія могущества Французовъ, то исполнилъ потомъ Наполеонъ, побѣждая Европу. Правда, что Суворовъ прибавлялъ къ подвигамъ своимъ отвагу, которая могла показаться безразсудною — многочисленныя раны и многія изъ нихъ, полученныя въ малыхъ битвахъ, гдѣ, какъ и въ великихъ, не щадилъ онъ жизни, дополняли его неукротимую, горячую, безразсудную личную храбрость. Но такая храбрость, такая отвага — увѣренность генія въ судьбу свою. Такъ подъ Кинбурномъ, Суворовъ бросается въ толпу непріятелей, крича бѣгущимъ солдатамъ: «Оставьте вашего генерала!» Такъ Наполеонъ ставитъ подъ ядрами знамя на Аркольскомъ Мосту. Оттого солдаты суевѣрно вѣрили въ неуязвимость, въ безсмертіе Суворова и Наполеона, какъ вѣрили они въ ихъ побѣды, а Суворовъ и Наполеонъ вѣрили въ солдатъ своихъ. Взятіе Измаила и Праги можетъ

испугать великостью жертвы, но разсмотрите, какъ гораздо болѣе теряли въ то же время другіе въ своихъ медленныхъ, стратегическихъ распоряженіяхъ. Суворовъ свято дорожилъ не только жизнью, но и здоровьемъ солдатъ. Несправедливо обвиненіе и въ его свирѣпости къ непріятелямъ — не было другаго, болѣе жалостливаго къ побѣжденному. Не онъ ли, принимая ключи Варшавы, со слезами указалъ на Прагу, и сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого достались мнѣ, какъ»...... и слезы помѣшали говорить ему. «Солдатъ не разбойникъ!» говорилъ онъ, приказывая щадить непріятелей, и особливо съ мирными жителями наблюдать строжайшую дисциплину.

Неужели вы не видите, что возгласы Суворова противъ тактики означали такую же скрытность, какою облекъ онъ себя въ жизни, представляясь чудакомъ, говоря всѣмъ правду, подъ шуткою не боясь гнѣва сильныхъ, забавляясь прыжками, начиная битвы пѣніемъ *кукуреку*, бѣгая отъ зеркалъ, требуя немедленныхъ отвѣтов на нелѣпые вопросы, кланяясь въ землю Екатеринѣ, прося у нея *водочки изъ ея ручекъ*, окуривая ладаномъ за *немогузнайку*, повинуясь своему Прошкѣ, говоря съ солдатами ихъ языкомъ, увѣряя, что у него своя логика и грамматика? — Тѣмъ-то и облекъ онъ себя въ ту таинственность, въ тотъ баснословный туманъ, въ ту оригинальность, которая изумляла современниковъ, удивляетъ потомство, и сдѣлала Суворова *народною повѣстью* и *дивнымъ преданіемъ*. Но разсмотрите все, что записано и передается намъ изустною молвою: сколько тутъ ума, силы, краснорѣчія, истины, шутки, истинно Русской! Читайте его *Военную Физику*, его *Военную Науку*,

его *Поученіе солдатамъ*, и увѣрьтесь, что онъ хотѣлъ, могъ и умѣлъ двигать сердца и души, и не дивитесь, что солдаты, видя, какъ онъ велѣлъ рыть себѣ могилу, крича: «Оставьте, заройте меня здѣсь — я не отецъ вамъ; вы не дѣти мнѣ болѣе!» падали передъ нимъ на колѣни, и лѣзли въ огонь, взбирались на штыкахъ на ледяныя утесы Сенъ-Готарда, и офицеры падали въ бездны съ Чортова Моста, восклицая, «не забудь насъ въ реляціи!» — Но ничто, ничто и за всѣмъ тѣмъ не спасало великаго отъ клеветъ, зависти, интригъ, не спасало отъ зависти Румянцовыхъ, гордости Потемкиныхъ, дворскихъ крамолъ, дипломатики гофъ-кригсъ-ратовъ, заставило его на старости лѣтъ удалиться въ сельское убѣжище свое, итти на явную гибель въ Швейцарію, и отравило горестью послѣднія минуты его бытія, когда вся Европа рукоплескала его величію, и цѣлый свѣтъ наполненъ былъ его именемъ! Потомство должно возградить великаго, благоговѣйно преклоняясь предъ его гробомъ.....

Мы не можемъ здѣсь привести не только всѣхъ, но даже многихъ любопытныхъ, извѣстныхъ анекдотовъ о Суворовѣ, памятныхъ словъ его, остроумныхъ замѣтокъ, драгоцѣнныхъ отрывковъ изъ его писемъ; но нашъ краткій очеркъ былъ бы однако жъ слишкомъ недостаточенъ, если бъ мы не привели здѣсь хотя немногаго, ибо сими краткими чертами дополняется фантастическая характеристика человѣка, о которомъ можно повторить слова Шиллера: «Природа отлила его въ особую форму, и потомъ разбила форму.»

«Чѣмъ мнѣ наградить васъ, А. В.?» спросила Суворова Екатерина, восхищенная искусными манев-

рами войскъ въ Кременчугѣ. — Да, чѣмъ же, матушка Государыня? — отвѣчалъ онъ — награждай тѣхъ, кто награды проситъ; чай, у тебя и такихъ-то много! — Екатерина требовала непремѣнно. — Ну, такъ развѣ прикажешь отдать за меня хозяину за квартиру — пристаетъ, проситъ! — «А развѣ много?» спросила Екатерина. — Да, много, матушка — три рубля съ полтиной! — отвѣчалъ онъ съ важностью. — Мишка, поваръ Суворова, умѣлъ только варить щи да кашу, но Суворовъ увѣрялъ, будто Мишка его первый поваръ въ Европѣ, и такой искусный, что если кто голодный сядетъ за столъ, навѣрно кушаньемъ его сытъ будетъ. Заказывая обѣдъ, Суворовъ съ важностью приказывалъ Мишкѣ сварить Персидскую похлѣбку, Ассирійскую кашу, Турецкія щи, и увѣрялъ, что столъ обыкновенный становится ему рубля полтора, а праздничный, «помилуй Богъ, дорого — рубля три, а иногда больше — раззоренье!» — Однажды, въ Финляндіи Суворовъ ѣхалъ запросто на Чухонской телѣгѣ съ адьютантомъ своимъ. Ихъ нагналъ курьеръ, кричалъ, чтобы сворачивали съ дороги, и стегнулъ Суворова хлыстомъ. Адьютантъ хотѣлъ остановить его. «Что ты, что ты?» говоритъ Суворовъ — «вороти скорѣе съ дороги! Вѣдь онъ курьеръ, а курьеръ великое дѣло!» По пріѣздѣ на станцію, адьютантъ доноситъ, что негодяй оказался не курьеръ, а поваръ генерала Г., посланный съ курьерскою подорожною за провизіею въ Петербургъ, и спрашиваетъ, что прикажетъ Суворовъ съ нимъ дѣлать. — «Что дѣлать? Ничего не дѣлать; я не имѣю права его наказывать: мы оба ѣхали *инкогнито!*» отвѣчалъ Суворовъ смѣясь. — Совѣтовали Суворову перемѣнить

священника, бывшаго при главной его квартирѣ, и взять другаго, болѣе краснорѣчиваго. «Нѣтъ!» сказалъ онъ — «у этого даръ не великъ, да сердце теплое; не хочу краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ съ горячимъ языкомъ, но съ холоднымъ сердцемъ!» — Французская Директорія назначила два милліона за голову Суворова. «Дорого, дорого!» сказалъ онъ — «моя голова такая маленькая, худенькая! Да, что ихъ въ убытокъ вводить — я самъ принесу имъ мою голову въ Парижъ даромъ!» — N. N., молодой хвастунъ, разсказывалъ, какъ онъ принятъ при Дворѣ и какъ часто удостоивается разговоровъ Государыни. «Хорошо, хорошо,» сказалъ Суворовъ, долго слушавшій хвастуна — «кто не знаетъ, что Потемкинъ говоритъ съ Государыней всегда, Суворовъ иногда, а ваша милость никогда!» — Въ Италіи, являясь на балахъ, Суворовъ не танцовалъ, и говорилъ: «Теперь мнѣ плясать нѣкогда — пора рабочая!» За то возвращаясь изъ Швейцаріи онъ плясалъ польскіе и вальсы на всѣхъ балахъ, заставлялъ Нѣмцовъ стариковъ играть въ жгуты, въ коршуны, пѣлъ съ ними, хоронилъ золото, принуждая ихъ слушать изъясненія предлагаемыхъ имъ Русскихъ игръ, причемъ называлъ каждаго собесѣдника по своему — *Иванъ Иванычъ, Богданъ Богданычъ, Өедоръ Өедоровичъ,* а дамъ увѣрялъ, что въ Боровичахъ есть у него знакомая, регистраторша Марья Михайловна, и ужь имъ съ нею не сравниться, какъ она пойдетъ *выплясывать горюна, либо казачка.* «Изъясни имъ,» говорилъ онъ кому нибудь — «разскажи, что такое значитъ, а не поймутъ — нужды нѣтъ, пусть себѣ толкуютъ: Нѣмцу только бы толковать было о чемъ, а понимать то,

о чемъ онъ толкуетъ, ему не велика надобность!» — Обѣдалъ у Суворова какой-то прожора и говорунъ. Когда онъ ушелъ, Суворовъ сказалъ, что любезный гость его доказалъ ему несправедливость Русской пословицы: «Не будь гостю запасливъ, а будь ему радъ.» — Какой-то дворскій выскочка встрѣтилъ однажды Суворова во дворцѣ. Какъ будто не замѣчая его, Суворовъ кланяется низко придворному лакею. «Ваше Сіятельство, развѣ не изволили замѣтить?» — Что, что такое? — «Вы кланяетесь лакею, какъ будто знатному!» — Знатному, знатному! Вотъ вы знатный теперь, а онъ, можетъ быть, еще знатнѣе будетъ; его напередъ задобрить надобно!» — Говорили о комъ-то, что онъ худо знаетъ по Русски, и пишетъ только по Французски. «Нехорошо, нехорошо!» сказалъ Суворовъ, «да за то по Русски онъ думаетъ, по Русски поступаетъ: я видѣлъ, какъ онъ по Русски объяснялся съ Французами подъ Нови!» — Прибывши въ Петербургъ, въ 1799 году, Суворовъ увѣрялъ придворныхъ, что всѣ они стали *красавцы*. Спросили его о причинѣ. «Да, да, всѣ вы стали красавцы — бѣда! Но я вѣдь старая кокетка: смѣюсь и не боюсь!» — При началѣ сраженія при Требіи, Суворовъ увидѣлъ молодаго Австрійскаго полковника, который лежалъ на землѣ; вокругъ него заботились. «Что такое?» спрашиваетъ Суворовъ по Нѣмецки. Ему отвѣчаютъ, что бѣдный молодой человѣкъ вдругъ сдѣлался нездоровъ. «Ахъ! какъ жаль!» вскричалъ Суворовъ — «набѣгутъ Французы, возмутъ въ плѣнъ, измучатъ его, а намъ будетъ стыдно. Нечего дѣлать! — Казакъ! поди, приколи его!» Увидя, что бородатый Донецъ соскочилъ съ лошади, и замахивается

огромною пикою, больной вскочилъ здоровехонекъ, и увѣрялъ, что ему стало лучше. «Слава Богу!» сказалъ Суворовъ — «поѣдемъ же со мной!» И несчастный долженъ былъ слѣдовать за нимъ на баттарею, осыпаемую ядрами, гдѣ Суворовъ хладнокровно разговаривалъ съ нимъ, увѣрялъ, будто труситъ, и не думалъ, что бѣдный полковникъ ни живъ, ни мертвъ отъ ужаса. — Наканунѣ отъѣзда въ Вѣну, Суворовъ разговорился съ Графомъ Растопчинымъ, съ жаромъ говорилъ объ ошибкахъ Австрійцовъ; о томъ, что онъ хочетъ дѣлать въ Италіи. И когда Растопчинъ въ восторгѣ, обратился весь въ слухъ и вниманіе, Суворовъ остановился, и запѣлъ пѣтухомъ. «Какъ это возможно!» вскричалъ Ростопчинъ съ досадою. Старикъ взялъ его за руку, усмѣхнулся и сказалъ: «Поживи съ мое — запоешь и курицей!» — Видя, что Суворовъ ѣздитъ въ жестокіе морозы безъ шубы, Екатерина прислала ему дорогую шубу, съ приказаніемъ, чтобы онъ непремѣнно выѣзжалъ въ шубѣ. «Нельзя, нельзя!» говорилъ Суворовъ — «солдату шубы не положено, но матушка балуетъ меня — нельзя же и ослушаться!» И онъ клалъ подлѣ себя шубу въ карету; лакей несъ ее за нимъ, когда Суворовъ входилъ въ комнату, а Суворовъ увѣрялъ, будто ему отъ того тепло. — Когда Русскія войска вступили въ Италію, Суворовъ, объѣзжая полки, бывшіе на отдыхѣ, увидѣлъ солдатъ, которые, сидя у котлика съ водою, ѣли сухари, прихлѣбывая водой. «Здорово, ребята!» — Здравія желаемъ! — «Сидите, сидите! Что вы дѣлаете?» — Хлѣбаемъ Итальянскій супъ, Ваше Сіятельство — отвѣчалъ бравый капралъ. Суворовъ присѣлъ къ котлику, взялъ сухарь, съѣлъ,

хлѣбнулъ воды. — «Хорошо, здорово, ребята! — Да постой, постой — прибавилъ онъ — мы теперь только завтракаемъ, а обѣдъ готовятъ намъ Французы; пусть ихъ готовятъ — мы разобьемъ ихъ и пообѣдаемъ даромъ!» — Одинъ изъ придворныхъ является къ Суворову, по пріѣздѣ его въ Петербургъ въ 1799 г. — Суворовъ будто не узнаетъ его, спрашиваетъ: кто онъ. Тотъ отвѣчаетъ, что онъ такой-то. «Не слыхалъ, не слыхалъ! А чинъ вашъ?» — Тайный совѣтникъ. — «За что же это васъ такъ пожаловали?» — Смѣшавшись, придворный отвѣчаетъ, что онъ имѣлъ счастіе доказать свое усердіе. «Поди сюда, Прошка, поди сюда!» кричитъ Суворовъ своему каммердинеру — «видишь: служи мнѣ усердно, и я тебя пожалую — видишь: вотъ, дуралей, за усердную службу, какъ этого господина пожаловали! — «Да, куда мнѣ васъ посадить!» восклицаетъ Суворовъ — «Прошка! стулъ, еще, другой, третій — ставь, ставь!» И Суворовъ ставитъ стулъ на стулъ, поддерживаетъ ихъ, кланяется, проситъ гостя садиться туда, на самый верхній стулъ. Тотъ извиняется. «Нельзя, нельзя! Вы человѣкъ высокій, вамъ высоко сидѣть надобно. Вы *высокопревосходительный* — вы должны *высоко превосходить* другихъ!» — Но острый, шутливый, менѣе ли показывалъ Суворовъ ума въ своихъ слѣдующихъ, неожиданныхъ, внезапныхъ отвѣтахъ и словахъ. «Адда мой Рубиконъ!» говорилъ онъ въ Италіи — «перейду ее, и либо Цесарь, либо ничто, либо *Туринъ* и *Парижъ*, либо домашняя повариха, да баюшки баю!» — «Какъ слуга царскій умираю за отечество, какъ космополитъ за цѣлый міръ,» писалъ онъ потомъ изъ Швейцаріи. «Судьба забросила меня за

облака — писалъ онъ еще оттуда — два шага, и либо я на экваторѣ, либо подъ полюсомъ — сгорю или замерзну!» — «Что это такое ты написалъ?» говорилъ Суворовъ, указывая на приказъ, по которому Русскому войску велѣно было итти изъ Виллаха безъ отдыха — что это за слова такіе: *форсированный* маршъ? — Форсированный маршъ! Такого слова нѣтъ въ солдатскомъ словарѣ — солдатъ не знаетъ форсированнаго марша: что для другаго форсированный, для него *просто маршъ!*» — «Исторія свѣтильникъ нашъ — говорилъ онъ — ошибки великихъ поучительны; тактика и дипломатика безъ Исторіи ничто!» — Когда генералъ Меласъ получилъ диспозицію идти на Піаченцу, онъ писалъ къ Суворову, требуя объясненія: въ случаѣ неудачи куда ему идти. «Идти въ Піаченцу — я ужъ писалъ, — сказалъ Суворовъ, а если онъ не дойдетъ туда, такъ, въ случаѣ неудачи, неужели онъ живъ останется?» — «Чему вы дивитесь, что есть неблагодарные?» говорилъ однажды Суворовъ — «такъ ужъ заведено на землѣ: чѣмъ отдариваетъ земля небу за солнечные лучи и благотворный дождь? Пылью!» — Суворовъ увѣрялъ, что онъ былъ больно раненъ *тридцать два* раза: *два* раза на войнѣ, *десять* дома — *двадцать* при Дворѣ. — Графъ Растопчинъ хотѣлъ узнать мнѣніе Суворова о великихъ полководцахъ и началъ исчислять ихъ. Суворовъ качалъ головою. «Помилуй Богъ! Полководцы, полководцы»..... Онъ помолчалъ, обратился къ Растопчину, и сказалъ ему: «До сихъ поръ только трое — Юлій Цесарь, Аннибалъ» — А третій? — спросилъ нетерпѣливо Растопчинъ. — «Третій?» Суворовъ наклонился къ нему и

шепнулъ на ухо: *Бонапарте!* — Такъ хорошо понималъ Суворовъ Наполеона уже въ 1799 году! — «Я знаю только трехъ истинно смѣлыхъ людей,» говорилъ Суворовъ — «*Курція* — онъ бросился въ пропасть для спасенія Рима; *Князя Долгорукаго* — онъ говорилъ правду Царю; *старосту Антона* — онъ одинъ ходитъ на медвѣдя!» — Однажды Суворовъ спросилъ: «Какъ бишь сказано о поэтахъ и ораторахъ?» Ему напомнили извѣстныя слова: Poetæ nascuntur, oratores fiant (поэты родятся, а ораторы дѣлаются). «Ну, а объ генералахъ можно сказать, что они бываютъ того и другаго разбора — и *родятся* и *дѣлаются;* мундиры на всѣхъ одинаковы, но первыхъ видалъ я на передовыхъ рядахъ, въ пороховомъ дыму, съ штыкомъ и саблею, а вторыхъ на паркетѣ, полотерами и безсмѣнными стражами милостей!» — Кто-то говорилъ при Суворовѣ о Русскихъ полководцахъ, и исчисляя ихъ, прибавлялъ безпрестанно: «Онъ былъ великій человѣкъ, великій полководецъ.» — Мнѣ кажется — сказалъ ему Суворовъ — ты ужь очень щедръ на титулъ *великаго.* Знай — продолжалъ онъ съ жаромъ — что природа скупа на великихъ — они родятся черезъ нѣсколько вѣковъ по одному. Не смѣшивай *знаменитыхъ* съ *великими;* взгляни на памятникъ Петра Великаго, и подумай!» — «Вы хотите знать меня?» сказалъ однажды Суворовъ — «я вамъ разскажу: Цари меня хвалили, воины любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, а придворные надо мной смѣялись. Я и самъ бывалъ при Дворахъ, но не придворнымъ, а Езопомъ и Лафонтеномъ, и пѣвалъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ и угомоняя непріятелей. Если бъ я родился Цесаремъ,

я имѣлъ бы гордую душу его, но чуждался его пороковъ. Запиши это для моей исторіи!» прибавилъ Суворовъ, обращаясь къ своему правителю дѣлъ, г-ну Фуксу. — Заключимъ, представивъ здѣсь изображеніе военнаго человѣка, которое начерталъ Суворовъ въ письмѣ къ своему сыну. «Ты человѣкъ военный,» говоритъ онъ ему — «учись же: изучай Вобана, Когорна, Фридриха II, Графа Саксонскаго; читай Кураса, Гибнера и Роллена; читай Евангеліе и знай богословіе, нравственность и физику; учись языкамъ (Суворовъ говаривалъ, что полководецъ непремѣнно долженъ знать языкъ непріятелей, съ которыми воюетъ); пріучай тѣло свое къ движенію и для того учись танцовать, фехтовать и ѣздить верхомъ. — «Военныя добродѣтели,» продолжаетъ онъ, «суть: *храбрость* для солдата, *неустрашимость* для офицера, *мужество* для полководца, но онѣ должны быть управляемы *порядкомъ, дисциплиною, неусыпностью, прозорливостью.* Будь чистосердеченъ съ друзьями, умѣренъ въ нуждахъ и безкорыстенъ; питай пламенное ревніе въ службѣ своего Государя; люби истинную славу; отличай *честолюбіе благородное* отъ *надмѣнности* и *гордости;* научись заранѣе прощать ошибки другихъ, но никогда не прощай себѣ своихъ; самъ обучай своихъ солдатъ и подавай имъ во всемъ собою примѣръ; старайся непрерывно имѣть *взоръ* — одно сіе содѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ; умѣй пользоваться мѣстными положеніями; будь терпѣливъ въ трудахъ воинскихъ, бодръ въ несчастіи; предупреждай препятствія истинныя, сомнительныя и даже ложныя; не будь никогда запальчивъ; помни имена великихъ людей; послѣдуй съ благоразумною осторожностію ихъ переходамъ и

дѣламъ; *не презирай никогда непріятеля,* каковъ бы онъ ни былъ, и знай точно его оружіе и способъ, какъ онъ имъ управляетъ и какъ сражается, знай его силы и недостатки; пріучи себя къ неутомимой дѣятельности. *Управляй фортуною* — одна минута даетъ побѣду; управляй ею съ быстротою Цезаря, который искусно умѣлъ нечаянно нападать на непріятеля, даже днемъ обходить его и ударять въ то мѣсто и время, гдѣ и когда хотѣлъ, не останавливаясь за пресѣченіемъ къ нему подвоза провіанта и фуража, но научись *искусству, чтобы войска твои никогда не терпѣли недостатка въ продовольствіи.*»

Много было писано о Суворовѣ, но до сихъ поръ нѣтъ еще достойной памяти его Исторіи, ни военной, ни народной. Лучшее, съ большими достоинствами, сочиненіе г. Фр. Шмита: Suworow's Leben und Heerzüge, къ сожалѣнію, не кончено (вышли только 1 и 2 части, въ Вильнѣ, 1833, 1834 г.). Замѣчательны также: *Опытъ Военной Исторіи Графа Суворова,* сочиненіе Антинга (Гота, 1796 — 1799 гг. 3 части. Русскій переводъ: *Жизнь и военныя дѣянія Генералиссимуса, Князя Италійскаго, Графа А. В. Суворова Рымникскаго,* соч. Фр. Антинга, пер. Макс. Парпуры, СПб. и М. 1799, 1801 гг. 4 ч.), и сочиненія Лаверна и Гильоманшъ-Дюбокажа (па Французскомъ). На Русскомъ языкѣ изданы Е. Б. Фуксомъ: *Исторія Генералисссимуса, Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго* (М. и СПб. 1811 г.), но только 1 и 2 части; *Исторія Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года* (СПб. 1825 г. 3 части); *Анекдоты Князя Италійскаго, Графа С. Р.* (СПб. 1827 г.). Все это, какъ равно и *Собраніе разныхъ сочиненій Е. Фукса* (СПб. 1827 г.),

сборникъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, но — не болѣе. *Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная*, соч. С. Н. Глинки (М. 1819 г. 2 части), составлена съ жаромъ истиннаго Русскаго патріота, но весьма недостаточна. Книга: *Побѣды Князя Италійскаго, Графа А. В. Суворова Рымникскаго* (1-е изданіе, 6 частей, М. 1809, 1810 гг., 2-е изданіе, 8 частей, М. 1815 г.), а также переведенныя съ Нѣмецкаго: *Жизнь и военныя дѣянія* (М. 1800 г.) и *Исторія Суворова*, нап. въ М. (1812 г.) 2 части, въ 8, суть вздорныя и пустыя компиляціи. Изъ многочисленныхъ письменныхъ матеріяловъ, хранящихся въ государственныхъ архивахъ и у друзей, родственниковъ и наслѣдниковъ Суворова, донынѣ издано весьма немногое. Суворовъ ждетъ трудолюбиваго и достойнаго историка и неужели долго еще не дождется его?

Н. П.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007040139